

JULES VERNE

Жюль ВЕРН

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ
РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ
ВЛАСТЕЛИН МИРА
ФЛАГ РОДИНЫ
МАТИАС ШАНДОР

Пять романов

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(4Франц.)6-я5
В35

Серия основана
в 2007 году

Перевод с французского

Иллюстрации
Леона Бенэ, Жоржа Ру

Верн Жюль

В35 Путешествие к центру Земли. Робур-Завоеватель. Властелин мира. Флаг родины. Матиас Шандор. Полное иллюстрированное издание в одном томе./Перевод с франц. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 1127 с.: ил. — (Полное иллюстрированное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-2652-2

В настоящее издание вошли пять романов великого французского писателя-фантаста Жюль Верна (1828—1905) — «Путешествие к центру Земли», «Робур-Завоеватель», «Властелин мира», «Флаг родины» и «Матиас Шандор».

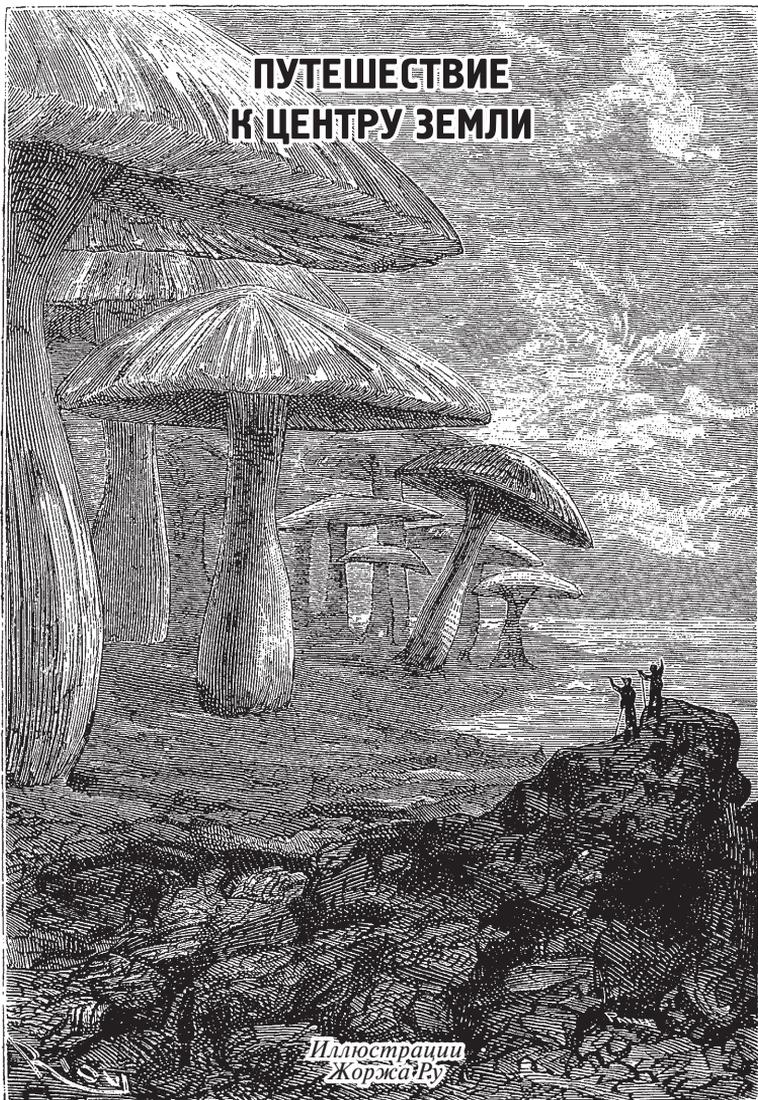
Издание сопровождается полным комплектом из 290 иллюстраций, выполненных известными французскими художниками Леоном Бенэ и Жоржем Ру.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Франц.)6-я5

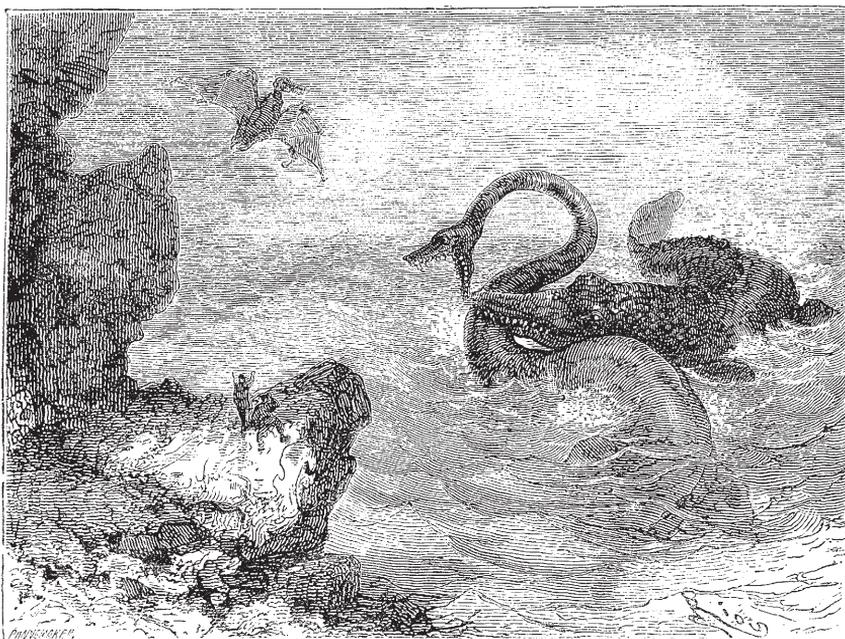
© Я. Лесюк. Наследники, 2018
© А. Тетеревникова. Наследники, 2018
© Д. Лифшиц. Наследники, 2018
© Е. Гунст. Наследники, 2018
© Е. Шишмарева. Наследники, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2652-2

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ

*Иллюстрации
Жоржя Рю*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воскресенье 24 мая 1863 года мой дядя, профессор Отто Лиденброк, быстрыми шагами подходил к своему домику, номер 19 по Королевской улице — одной из самых старинных улиц древнего квартала Гамбурга.

Наша служанка Марта, наверно, подумала, что она запоздала с обедом, так как суп на плите лишь начинал закипать.

«Ну, — сказал я про себя, — если дядя голоден, то он, как человек нетерпеливый, устроит настоящий скандал».

— Вон уже и господин Лиденброк! — смущенно воскликнула Марта, приоткрыв слегка дверь столовой.

— Да, Марта, но суп может немного повариться, ведь еще нет двух часов. В церкви Святого Михаила пробило только что половину второго.

— Так почему же господин Лиденброк уже возвращается?

— Он, вероятно, объяснит нам причину.

— Ну, вот и он! Я бегу, господин Аксель, а вы его успокойте.

И Марта поспешила вернуться в свою кухонную лабораторию.

Я остался один. Успокаивать рассерженного профессора при моем несколько слабом характере было мне не по силам. Поэтому я собрался благоразумно удалиться наверх, в свою комнату, как вдруг закричала входная дверь; ступени деревянной лестницы затрещали под длинными ногами, и хозяин дома, миновав столовую, быстро прошел в свой рабочий кабинет.

На ходу он бросил в угол трость с набалдашником в виде шелкунчика, на стол — широкополую, с взъерошенным ворсом шляпу и громко крикнул:

— Аксель, иди сюда!

Я не успел еще сделать шага, как профессор в явном нетерпении снова позвал меня:

— Ну, где же ты!

Я бросился со всех ног в кабинет моего грозного дядюшки. Отто Лиденброк — человек не злой, я охотно свидетельствую это, но если его характер не изменится, что едва ли вероятно, то он так и умрет большим чудачком.

Отто Лиденброк был профессором в Иоганнеуме и читал лекции по минералогии, причем регулярно раз или два в течение часа выходил из терпения. Отнюдь не потому, что его беспокоило, аккуратно ли посещают студенты его лекции, внимательно ли слушают их и делают ли успехи: этими мелочами он мало интересовался. Лекции его, согласно выражению немецкой философии, носили «субъективный» характер: он читал для себя, а не для других. Это был эгоистичный ученый, настоящий кладезь знания, однако издававший, при малейшей попытке что-нибудь из него почерпнуть, отчаянное скрипение, — словом, скупец!

В Германии немало профессоров подобного рода.

Дядюшка, к сожалению, не отличался живостью речи, по крайней мере когда говорил публично, — а это прискорбный недостаток для оратора. И в самом деле, на своих лекциях в Иоганнеуме профессор часто внезапно останавливался; он боролся с упрямым словом, которое не хотело соскользнуть с его губ, с одним из тех слов, которые сопротивляются, разбухают и, наконец, срываются с уст в форме какого-нибудь — отнюдь не научного — бранного словечка! Отсюда и его крайняя раздражительность.

В минералогии существует много полугреческих, полулатинских названий, трудно произносимых, грубых терминов, которые ранят уста поэта. Я вовсе не хочу хулить эту науку. Но, право, самому гибкому языку позволительно заплетаться, когда ему приходится произносить такие, например, названия, как ромбоэдрическая кристаллизация, ретинасфальтовая смола, гелениты, фангазиты, молибдаты свинца, тунгстаты марганца, титанаты циркония.

В городе знали эти извинительные слабости моего дядюшки и злоупотребляли ими: подстерегали опасные моменты, выводили его из себя и смеялись над ним, что даже в Германии отнюдь не считается

...мой дядюшка был истинным ученым.

признаком хорошего тона. И если на лекциях Лиденброка всегда было много слушателей, то это только потому, что большинство их приходило лишь позабавиться благородным гневом профессора.

Как бы то ни было, но мой дядюшка — я особенно подчеркиваю это — был истинным ученым. Хотя ему и приходилось, производя опыты, разбивать свои образцы, все же дарование геолога в нем сочеталось с зоркостью взгляда минералога. Вооруженный молоточком, стальной иглой, магнитной стрелкой, паяльной трубкой и пузырьком

с азотной кислотой, человек этот был на высоте своей профессии. По внешнему виду, излому, твердости, плавкости, звуку, запаху или вкусу он определял безошибочно любой минерал и указывал его место в классификации среди шестисот их видов, известных в науке наших дней.

Поэтому имя Лиденброка пользовалось заслуженной известностью в гимназиях и ученых обществах. Хемфри Дэви, Гумбольдт, Франклин и Сабин, будучи проездом в Гамбурге, не упускали случая сделать ему визит. Беккерель, Эбельмен, Брюстер, Дюма, Мильн-Эдвардс, Сент-Клер-Девиль охотно советовались с ним по животрепещущим вопросам химии. Эта наука была обязана ему значительными открытиями, и в 1853 году вышла в свет в Лейпциге книга профессора Отто Лиденброка под заглавием: *Высшая кристаллография* — объемистый труд *in-folio*¹ с рисунками; книга, однако ж, не окупила расходов по ее изданию.

Кроме того, мой дядюшка был хранителем минералогического музея русского посланника Струве, ценной коллекции, пользовавшейся европейской известностью.

Таков был человек, звавший меня столь нетерпеливо. Теперь представьте себе его наружность: мужчина лет пятидесяти, высокого роста, худощавый, но обладавший железным здоровьем, по-юношески белокурый, выглядевший лет на десять моложе своего возраста. Его большие глаза так и бегали за стеклами внушительных очков; его длинный и тонкий нос походил на отточенный клинок; злые языки утверждали, что он намагничен и притягивает железные опилки... Сущая клевета! Он притягивал только табак, но, правду сказать, в большом количестве.

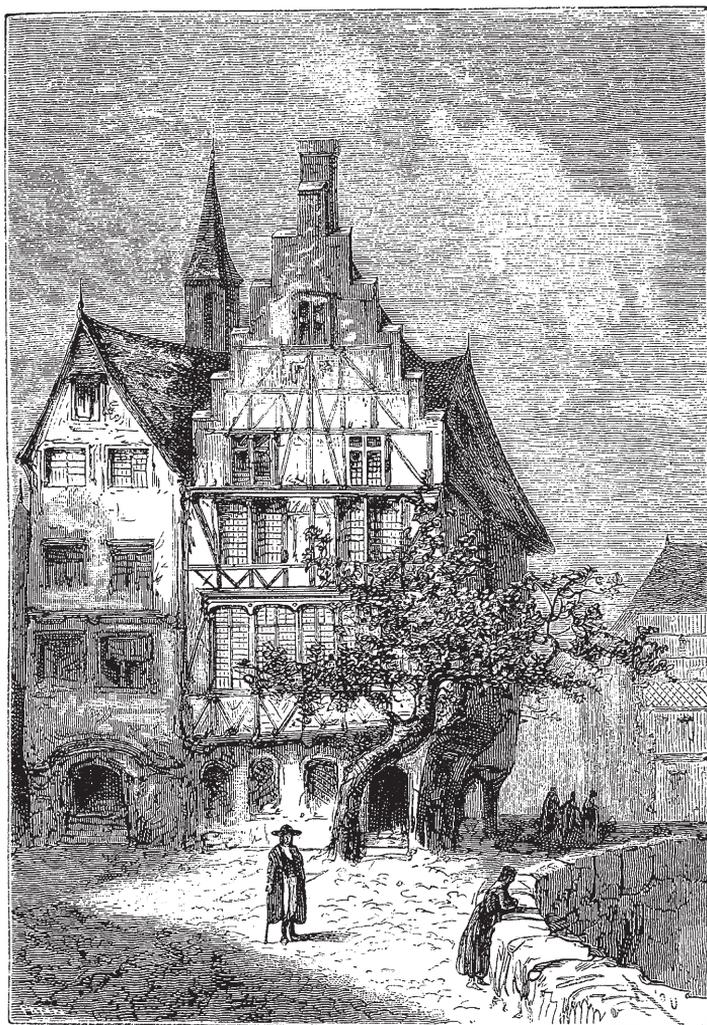
А если прибавить, что дядюшкин шаг, говоря с математической точностью, длиною равнялся полтуазу², и заметить, что на ходу он крепко сжимал кулаки — явный признак вспыльчивого нрава, — то этих сведений будет достаточно для того, чтобы пропала всякая охота искать его общества.

Он жил на Королевской улице в собственном домике, построенном наполовину из дерева, наполовину из кирпича, с зубчатым фронтоном; дом стоял у излучины одного из каналов, которые пересекают самую старинную часть Гамбурга, счастливо пощаженную пожаром 1842 года.

Старый дом чуть накренился и, что таить, выпячивал брюхо напоказ прохожим. Крыша на нем сидела криво, как шапочка на голове студента, состоящего членом Тугендбунда; отвесное положение его стен оставляло желать лучшего, но в общем дом держался стойко благодаря древнему вязу, подпиравшему его фасад и весной касавшемуся своими цветущими ветвями его окон.

¹ Формат издания в 1/2 бумажного листа.

² Туаз равен 1,949 м.

Старый дом чуть накренился и, что таить, выпячивал брюхо напоказ прохожим.

Для немецкого профессора дядюшка был сравнительно богат. Дом, со всем содержащимся в нем и содержимым, был его полной собственностью. К содержимому следует отнести его крестницу Гретхен, семнадцатилетнюю девушку из Фирланде¹, служанку Марту и меня. В качестве племянника и сироты я стал главным помощником профессора в его научных опытах.

¹ Местность близ Гамбурга.

Признаюсь, я находил удовольствие в занятиях геологическими науками; в моих жилах текла кровь минералога, и я никогда не скучал в обществе моих драгоценных камней.

Впрочем, можно было счастливо жить в этом домике на Королевской улице, несмотря на вспыльчивый нрав его владельца, потому что последний, хотя и обращался со мною несколько грубо, все же любил меня. Но этот человек не умел ждать и торопился обогнать даже природу.

В апреле месяце дядюшка обычно сажал в фаянсовые горшки в своей гостиной отростки резеды и вьюнков, и затем каждое утро регулярно, не давая им покоя, он теребил их листочки, чтобы ускорить рост цветка.

Имея дело с таким оригиналом, ничего другого не оставалось, как повиноваться. Поэтому я поспешил в его кабинет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кабинет был настоящим музеем. Здесь находились все образцы минерального царства, снабженные этикетками и разложенные в полном порядке по трем крупным разделам минералов: горючих, металлических и камневидных.

Как хорошо были знакомы мне эти безделушки минералогии! Как часто я, вместо того чтобы бездельничать с товарищами, находил удовольствие в том, что сметал пыль с этих графитов, антрацитов, лигнитов, каменных углей и торфов! А битумы, асфальт, органические соли — как тщательно их нужно было охранять от малейшей пылинки! А металлы, начиная с железа и кончая золотом, относительная ценность которых исчезала перед абсолютным равенством научных образцов! А все эти камни, которых достаточно было бы для того, чтобы заново построить целый дом на Королевской улице, и даже с прекрасной комнатой вдобавок, в которой я мог бы так хорошо устроиться!

Однако, когда я вошел в кабинет, я думал не об этих чудесах. Моя мысль была всецело поглощена дядюшкой. Он сидел в своем поместительном, обитом утрехтским бархатом, кресле и держал в руках книгу, которую рассматривал в глубочайшем изумлении.

— Какая книга, какая книга! — восклицал он.

Этот возглас напомнил мне, что профессор Лиденброк время от времени становился библиоманом; но книга имела в его глазах ценность только в том случае, если она являлась такой редкостной, что ее трудно было найти, или по крайней мере представляющей по своему содержанию какую-нибудь научную загадку.

— Ну, — сказал он, — разве ты не видишь? Это бесценное сокровище, я открыл его утром в лавке еврея Гевелиуса.

— Великолепно! — ответил я с притворным восхищением.

И действительно, к чему столько шуму из-за старой книжонки в кожаном переплете, из-за старинной пожелтевшей книжки с выцветшими буквами?

Между тем профессорские восторженные восклицания не прекращались.

— Посмотрим! Ну, разве это не прекрасно? — спрашивал он самого себя и тут же отвечал: — Да это прелесть что такое! А что за переплет! Легко ли книга раскрывается? Ну конечно! Ее можно держать раскрытой на любой странице! Но хорошо ли она выглядит в закрытом виде? Отлично! Обложка книги и листы хорошо сброшурованы, все на месте, все пригнано одно к другому! А что за корешок? Семь веков существует книга, а не единого надлома! Вот это переплет! Он мог бы составить гордость Бозериана, Клосса и Пюргольда!

Рассуждая так, дядюшка то открывал, то закрывал старинную книгу.

Я не нашел ничего лучшего, как спросить его, что же это за книга, хотя она и мало меня интересовала.

— А каково же заглавие этой замечательной книги? — спросил я лицемерно.

— Это сочинение, — отвечал дядюшка, воодушевляясь, — носит название «Хеймс-Крингла», автор его Снорре Турлесон, знаменитый исландский писатель двенадцатого века! Это история норвежских конунгов, правивших в Исландии!

— Неужели? — воскликнул я сколько возможно радостнее. — Вероятно, в немецком переводе?

— Фу-ты! — возразил живо профессор. — В переводе!.. Что мне делать с твоим переводом? Кому он нужен, твой перевод? Это оригинальный труд на исландском языке — великолепном, богатом идиомами и в то же время простом наречии, в котором, не нарушая грамматической структуры, уживаются самые причудливые словообразования.

— Как в немецком языке, — прибавил я, подлаживаясь к нему.

— Да, — ответил дядюшка, пожимая плечами, — но с той разницей, что в исландском языке существуют три грамматических рода, как в греческом, и собственные имена склоняются, как в латинском.

— Ах, — воскликнул я, превозмогая свое равнодушие, — какой прекрасный шрифт!

— Шрифт? О каком шрифте ты говоришь, несчастный Аксель? Дело вовсе не в шрифте! Ах, ты, верно, думаешь, что книга напечатана? Нет, глупец, это манускрипт, рунический манускрипт!..

— Рунический?

— Да! Ты, может быть, попросишь объяснить тебе это слово?

— В этом я не нуждаюсь, — ответил я тоном оскорбленного человека.

Но дядюшка продолжал еще усерднее поучать меня, помимо моей воли, вещам, о которых я и знать не хотел.

— Руны, — продолжал он, — это письменные знаки, которые некогда употреблялись в Исландии и, по преданию, были изобретены самим Одним!¹ Но взгляни же, полюбуйся, нечестивец, на эти письменна, созданные фантазией самого бога!

Вместо того чтобы ответить, я готов был упасть на колени, — ведь такого рода ответ угоден и богам и королям, ибо имеет за собой то преимущество, что никогда и никого не может обидеть. Но тут одно неожиданное происшествие дало нашему разговору другой оборот.

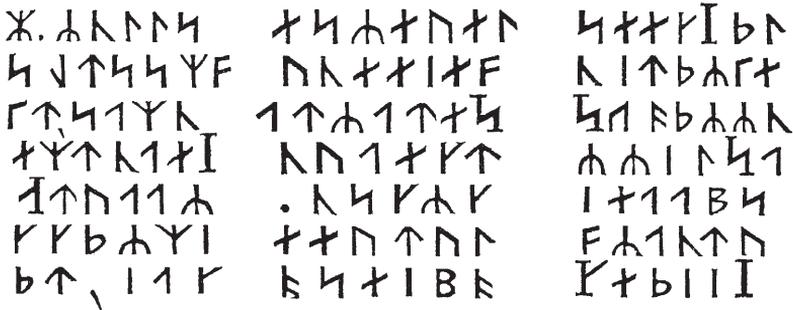
Внезапно из книги выпал полуистлевший пергамент.

Дядюшка накинулся на эту безделицу с жадностью вполне понятной. В его глазах ветхий документ, лежавший, быть может, с незапамятных времен в древней книге, должен был, несомненно, иметь очень большую ценность.

— Что это такое? — воскликнул дядюшка.

И он бережно развернул на столе клочок пергамента в пять дюймов длиной, в три шириной, на котором были начертаны поперечными строчками какие-то знаки, достойные чернокнижия.

Вот точный снимок с рукописи. Мне крайне необходимо привести эти загадочные письменна по той причине, что они побудили профессора Лиденброка и его племянника предпринять самое удивительное путешествие XIX века.

Профессор в продолжение нескольких минут рассматривал рукопись; затем, подняв повыше очки, сказал:

— Это рунические письменна; знаки эти совершенно похожи на знаки манускрипта Снорре. Но... что же они означают?

Так как мне казалось, что рунические письменна лишь выдумка ученых для одурачивания простого люда, то меня отнюдь не огорчило, что дядя ничего не мог понять. По крайней мере, я заключил это по нервным движениям его пальцев.

¹ Один — в скандинавской мифологии высший из богов.

— Ведь это все же древнеисландский язык, — бормотал он себе под нос.

И профессор Лиденброк должен был, конечно, знать, какой это язык, ведь недаром он слыл замечательным языковедом. Он не только прекрасно понимал две тысячи языков и четыре тысячи диалектов, которые известны на земном шаре, но и говорил на доброй части из них.

Встретив непредвиденное затруднение, он собирался было впасть в гнев, и я уже ожидал бурную сцену, но в это время на каминных часах пробило два.

Тотчас же приотворилась дверь в кабинет, и Марта доложила:

— Суп подан.

— К черту суп, — закричал дядюшка, — и того, кто его варит, и того, кто будет его есть!

Марта убежала. Я поспешил за нею и оказался, сам не зная как, на своем обычном месте за столом.

Я подождал некоторое время. Профессор не появлялся. В первый раз, насколько я помню, его не было к обеду. А какой превосходный обед! Суп с петрушкой, омлет с ветчиной под шавелевым соусом; на жаркое телятина с соусом из слив, а на десерт — оладьи с сахаром, ко всему этому еще прекрасное мозельское вино.

И все это дядюшка прозевал из-за какой-то старой бумажонки. Право, как преданный племянник, я почел себя обязанным пообедать и за него и за себя, что и исполнил добросовестно.

— Невиданное дело! — сказала Марта. — Господина Лиденброка нет за столом!

— Невероятный случай!

— Это плохой признак, — продолжала старая служанка, покачивая головой.

По-моему, отсутствие дядюшки за столом не предвещало ровно ничего, кроме ужасной сцены, когда обнаружится, что его обед съеден.

Я с жадностью доедал последнюю оладышку, как вдруг громкий голос оторвал меня от стола.

Одним прыжком я был в кабинете дяди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ясно, что это рунические письмена, — сказал профессор, морща лоб. — Но я открою тайну, которая в них скрыта, иначе...

Резким жестом он довершил свою мысль.

— Садись сюда, — продолжал он, указывая на стол, — и пиши.

В мгновение ока я был готов.

— А теперь я буду диктовать тебе каждую букву нашего алфавита, соответствующую одному из этих исландских знаков. Посмотрим, что из этого выйдет. Но, ради всего святого, остерегись ошибок!

Он начал диктовать. Я прилагал все свои старания, чтобы не ошибиться. Он называл одну букву за другой, и, таким образом, последовательно составлялась таблица непостижимых слов:

<i>m. rnlls</i>	<i>esreuel</i>	<i>seecJde</i>
<i>sgtssmf</i>	<i>unteief</i>	<i>niederke</i>
<i>kt, samn</i>	<i>atrateS</i>	<i>Saodrrn</i>
<i>emtnaeI</i>	<i>nuaect</i>	<i>rrilSa</i>
<i>Atvaar</i>	<i>.nsrc</i>	<i>ieaabs</i>
<i>ccdrmi</i>	<i>eeutul</i>	<i>frantu</i>
<i>dt, iac</i>	<i>oseibo</i>	<i>KediiI</i>

Когда работа была окончена, дядюшка живо выхватил у меня из рук листок, на котором я писал буквы, и долго и внимательно их изучал.

— Что же это значит? — повторял он машинально.

Откровенно говоря, я не мог бы ответить ему на его вопрос. Впрочем, он и не спрашивал меня, а продолжал говорить сам с собой.

— Это то, что мы называем шифром, — рассуждал он вслух. — Смысл написанного умышленно скрыт за буквами, расставленными в беспорядке, но, однако, если бы их расположить в надлежащей последовательности, то они образовали бы понятную фразу. Как я мыслю, в ней, быть может, скрывается объяснение какого-нибудь великого открытия или указание на него!

Я, со своей стороны, думал, что тут ровно ничего не скрыто, но остерегся высказать свое мнение.

Профессор между тем взял книгу и пергамент и начал их сравнивать.

— Записи эти сделаны не одной и той же рукой, — сказал он, — зашифрованная записка более позднего происхождения, чем книга, и неопровержимое доказательство тому мне сразу же бросилось в глаза. В самом деле, в тайнописи первая буква — двойное *M*, — не встречается в книге Турлесона, ибо она была введена в исландский алфавит только в четырнадцатом веке. Следовательно, между манускриптом и документом лежат по крайней мере два столетия.

Рассуждение это показалось мне довольно логичным.

— Это наводит меня на мысль, — продолжал дядюшка, — что таинственная запись сделана одним из обладателей книги. Но кто же, черт возьми, был этот обладатель? Не оставил ли он своего имени на какой-нибудь странице рукописи?

Дядюшка поднял повыше очки, взял сильную лупу и тщательно просмотрел первые страницы книги. На обороте второй страницы он

открыл что-то вроде пятна, похожего на чернильную кляксу; но, взглядевшись попристальнее, можно было различить несколько наполовину стертых знаков. Дядя понял, что именно на это место надо обратить наибольшее внимание; он принялся чрезвычайно старательно рассматривать его и разглядел наконец с помощью своей лупы следующие рунические письмена, которые смог прочесть без затруднения:

1АМ 411КН444Ж

— Арне Сакнуссем! — воскликнул он торжествующе. — Но ведь это имя, и к тому же еще исландское, имя ученого шестнадцатого столетия, знаменитого алхимика!

Я посмотрел на дядю с некоторым удивлением.

— Алхимики, — продолжал он, — Авиценна, Бэкон, Люль, Парацельс были единственными истинными учеными своей эпохи. Они сделали открытия, которым мы можем только удивляться. Разве не мог Сакнуссем под этим шрифтом скрыть какое-либо удивительное открытие? Так оно должно быть! Так оно и есть!

При этой гипотезе воображение профессора разыгралось.

— Весьма вероятно, — дерзнул я ответить, — но какой мог быть расчет у этого ученого держать в тайне столь чудесное открытие?

— Какой? Какой? Почему я знаю! Разве Галилей не так же поступил с Сатурном? Впрочем, мы увидим: я вырву тайну этого документа и не буду ни есть, ни спать, пока не разгадаю ее.

«Ну-ну!» — подумал я.

— Ни я, Аксель, и не ты! — продолжал он.

«Черт возьми! — сказал я про себя, — как хорошо, что я пообедал за двоих!»

— Прежде всего, — сказал дядюшка, — надо выяснить язык шифра. Это не должно представлять затруднений.

При этих словах я живо поднял голову. Дядюшка продолжал разговаривать с самим собой:

— Нет ничего легче! Документ содержит сто тридцать две буквы: семьдесят девять согласных и пятьдесят три гласных. Приблизительно такое же соотношение существует в южных языках, в то время как наречия Севера бесконечно богаче согласными. Следовательно, мы имеем дело с одним из южных языков.

Выводы были правильны.

Но какой же это язык?

— Сакнуссем, — продолжал дядя, — был ученый человек; поэтому, раз он писал не на родном языке, то, разумеется, должен был отдавать преимущество языку, общепринятому среди образованных умов шестнадцатого века, а именно — латинскому. Если я ошибаюсь, то можно будет испробовать испанский, французский, итальянский,

греческий или еврейский. Но ученые шестнадцатого столетия писали обычно на латинском. Таким образом, я вправе признать не подлежащим сомнению, что это латынь.

Я вскочил со стула. Мои воспоминания латиниста возмущались против утверждения, что этот ряд неуклюжих знаков может принадлежать сладкозвучному языку Вергилия.

— Да, латынь, — продолжал дядюшка, — но запутанная латынь.

«Отлично! — подумал я. — Если ты ее распутаешь, милый дядюшка, ты окажешься весьма сметливым!»

— Всмотримся хорошенько, — сказал он, снова взяв исписанный мною листок. — Вот ряд из ста тридцати двух букв, расположенных крайне беспорядочно. Вот слова, в которых встречаются только согласные, как, например, первое «*nrnlls*»; в других, напротив, преобладают гласные, например, в пятом «*uneieief*», или в предпоследнем — «*osetbo*». Очевидно, что эта группировка не случайна; она произведена математически, при помощи неизвестного нам соотношения между двумя величинами, которое определило последовательность этих букв. Я считаю несомненным, что первоначальная фраза была написана правильно, но затем по какому-то принципу, который надо найти, подверглась преобразованию. Тот, кто владел бы ключом этого шифра, свободно прочел бы ее. Но что это за ключ? Аксель, не знаешь ли ты его?

На этот вопрос я не мог ответить — и по весьма основательной причине: мои взоры были устремлены на прелестный портрет, висевший на стене, — на портрет Гретхен. Воспитанница дядюшки находилась в это время в Альтоне у одной из родственниц, и я был очень опечален ее отсутствием, так как — теперь я могу в этом сознаться — хорошенькая питомица профессора и его племянник любили друг друга с истинным постоянством и чисто немецкой сдержанностью. Мы обрuchились без ведома дяди, который был слишком геологом для того, чтобы понимать подобные чувства. Гретхен была очаровательная блондинка, с голубыми глазами, с несколько твердым характером и серьезным складом ума; но это ничуть не уменьшало ее любви ко мне; что касается меня, я обожал ее, если только это понятие существует в старогерманском языке. Образ моей юной фирландки перенес меня мгновенно из мира действительности в мир грез и воспоминаний.

Я мечтал о моем верном друге в часы трудов и отдохновения. Она изо дня в день помогала мне приводить в порядок дядюшкину бесценную коллекцию камней; вместе со мной она наклеивала на них этикетки. Мадемуазель Гретхен была очень сильна в минералогии! Она могла бы заткнуть за пояс любого ученого. Она любила углубляться в научные премудрости. Сколько чудных часов провели мы за совместными занятиями! И как часто я завидовал бесчувственным камням, к которым прикасалась ее прелестная рука!

Окончив работу, мы шли вместе по тенистой аллее Альстера до старой мельницы, которая так чудесно рисовалась в конце озера. Доро-

Гретхен была очаровательная блондинка, с голубыми глазами, с несколько твердым характером и серьезным складом ума...

гою мы болтали, держась за руки; я рассказывал ей различные веселые истории, заставлявшие ее от души смеяться; наш путь вел нас к берегам Эльбы, и там, попрощавшись с лебедями, которые плавали среди белых кувшинок, мы сидели на пароход и возвращались домой.

В то мгновение, когда я в своих мечтаниях уже всходил на набережную, дядя, ударив кулаком по столу, сразу вернул меня к действительности.

— Посмотрим, — сказал он. — При желании затемнить смысл фразы первое, что приходит на ум, как мне кажется, это написать слова в вертикальном направлении, а не в горизонтальном. Надо посмотреть, что из этого выйдет! Аксель, напиши какую-нибудь фразу на этом листке, но вместо того, чтобы располагать буквы в строчку, одну за другой, напиши их в той же последовательности, но вертикально, по пяти или по шести в столбце.

Я понял, в чем дело, и написал немедленно сверху вниз:

Я	т	е	ц	р	р	!
л	е	м	е	о	е	
ю	б	с	м	г	т	
б	я	е	,	а	х	
л	в	р	д	я	е	
ю	с	д	о	Г	н	

— Хорошо, — сказал профессор, не читая напечатанного. — Теперь напиши буквы, которые получились в столбце, в строчку.

Я повиновался, получилась следующая фраза:

Я левтевр! Гн юсдо ах, баяте юсмте лемеое!

— Превосходно! — произнес дядюшка, вырывая у меня из рук листок. — Это уже походит на наш старый документ; гласные и согласные расположены в одинаковом беспорядке, даже прописная буква и запятая в середине слова, совсем как на пергаменте Сакнуссема!

Я не мог не признать, что эти замечания весьма глубокомысленны.

— А теперь, — продолжал дядюшка, обращаясь уже непосредственно ко мне, — для того чтобы прочесть фразу, которую ты написал и содержания которой я не понимаю, мне достаточно соединять по порядку сначала первые буквы каждого слова, потом вторые, потом третьи и так далее.

И дядя, к своему и к моему величайшему изумлению, прочел:

Я люблю тебя всем сердцем, дорогая Гретхен!

— Ого! — сказал профессор.

Да, как влюбленный глупец, необдуманно, я написал эту предательскую фразу!

— Так-с!.. Ты, значит, любишь Гретхен? — продолжал дядюшка тоном заправского опекуна.

— Да... Нет... — бормотал я.

— Так-с, ты любишь Гретхен! — машинально повторил он. — Ну, хорошо, применим мой метод к исследуемому документу.

И дядюшка снова погрузился в размышление, которое целиком заняло его внимание и заставило его забыть о моих неосторожных словах. Я говорю «неосторожных», потому что голова ученого была неспособна понимать сердечные дела. Но, к счастью, интерес к документу

победил. Глаза профессора Лиденброка, когда он собирался произвести свой решающий опыт, метали молнии сквозь очки; дрожащими пальцами он снова взял древний пергамент. Он был взволнован не на шутку. Наконец, дядюшка основательно прокашлялся и начал диктовать мне торжественным тоном, называя сначала первые буквы каждого слова, потом вторые; он диктовал буквы в таком порядке:

*mmessunkaSenrA. icefdoK. Segnittamurt
ecertserrette, rotaivsadua, ednecsedsadne
lacartibĪĪiluJsiratracSarbmutablemek
meretarcsilucoIsleffenSnl*

Сознаюсь, что, кончая дописывать, я волновался: в сочетании этих букв, произносимых одна за другой, я не мог уловить ровно никакого смысла, а я с нетерпением ожидал, что из уст профессора потечет на великолепной латыни торжественная речь.

Но кто бы мог ожидать этого? Сильный удар кулака потряс стол. Чернила брызнули, перо выпало у меня из рук.

— Да это совсем не то! — закричал дядюшка. — Тут чистая бессмыслица!

И, пролетев, как пушечное ядро, через кабинет, скатившись по лестнице, словно лавина, он устремился на Королевскую улицу и кинулся бежать во весь дух.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Он ушел? — воскликнула Марта, испуганная грохотом входной двери, захлопнутой с такой силой, что затрясся весь дом.

— Да, — ответил я, — совсем ушел!

— Как же так? А обед? — спросила старая служанка.

— Он не будет обедать!

— А ужинать?

— Он не будет ужинать!

— Как? — сказала Марта, всплеснув руками.

— Да, добрейшая Марта, он не будет больше есть, и никто не будет есть во всем доме! Дядюшка хочет заставить нас всех поститься до тех пор, пока ему не удастся разобрать всю эту тарабарщину, которая решительно не поддается расшифровке.

— Господи Иисусе! Так нам, значит, ничего не остается, как умереть с голода?

Я не отваживался признаться, что, имея дело со столь упорным человеком, как мой дядя, нас неизбежно ждет печальная участь.

Старая служанка, вздыхая, отправилась к себе на кухню.

— Как же так? А обед? — спросила старая служанка.

Когда я остался один, мне пришло на мысль пойти и поскорее рассказать Гретхен всю эту историю. Но как отлучиться из дома? Профессор мог каждую минуту вернуться. А что, если он меня позовет? А что, если он захочет снова начать свою работу по разгадыванию логрифа, которую не сумел бы выполнить и сам Эдип? И что будет, если я не откликнусь на его зов?

Самое разумное было оставаться. Как раз недавно один минералог из Безансона прислал нам коллекцию камнистых жеод, которые нуж-

но было классифицировать. Я принялся за дело. Я выбирал, наклеивал ярлыки, размещал в стеклянном ящике все эти полые камни, в которых поблескивали маленькие кристаллы.

Но это занятие не поглощало меня всего. Старый документ не выходил у меня из памяти. Голова моя горела, и я был охвачен каким-то беспокойством. Я предчувствовал неминуемую катастрофу.

По прошествии часа мои камни были размещены по порядку. Я опустился в «утрехтское» кресло, запрокинул голову и свесил руки. Потом я закурил трубку, длинный изогнутый чубук которой был украшен фигуркой наяды, и забавлялся, наблюдая, как мало-помалу моя наяда, покрываясь копотью, превращалась в настоящую негритянку. Время от времени я прислушивался, не раздаются ли шаги на лестнице, но ничего не было слышно. Где же мог быть теперь дядя? Я представлял его себе бегущим по прекрасной аллее Альтонской улицы, на ходу он в неистовстве сбивает концом своей палки листья с деревьев, чертит какие-то знаки на стенах, отсекает головки чертополоха и нарушает покой сонных лебедей.

Вернется ли он торжествующим или обескураженным? Удастся ли ему разгадать тайну? Рассуждая сам с собой, я машинально взял в руки лист бумаги, на котором выстроился ряд загадочных строк, начертанных моей рукой.

Я повторял:

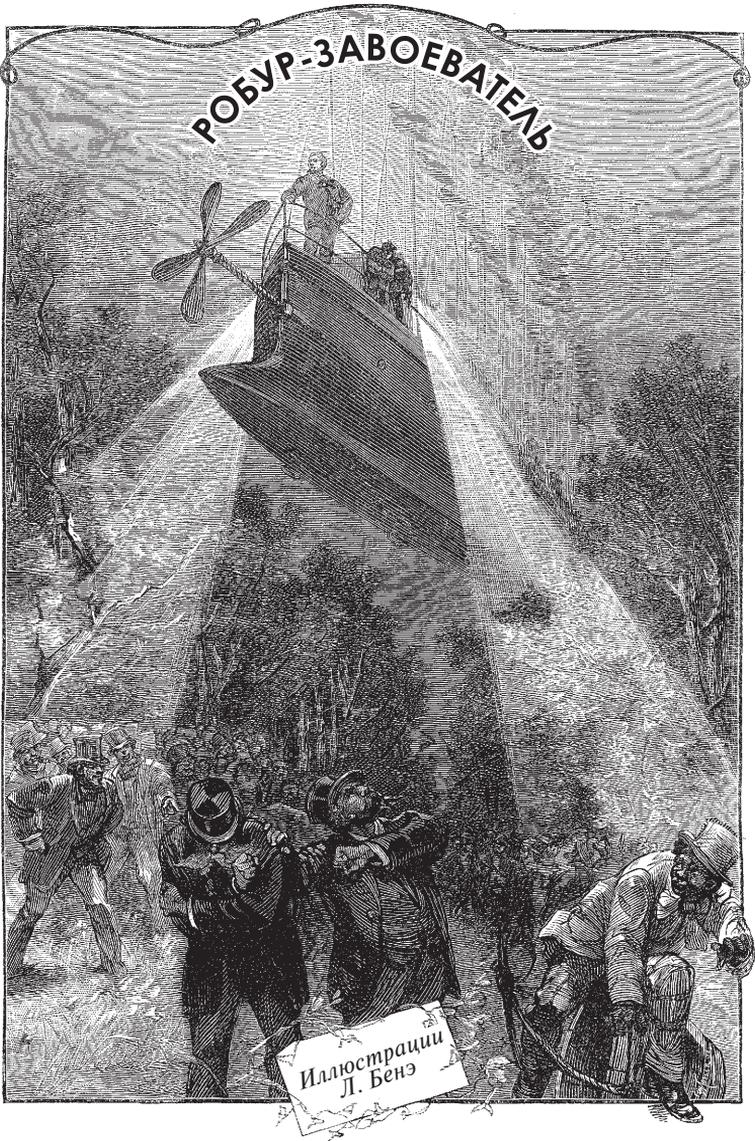
«Что же это означает?»

Я пытался так сгруппировать буквы, чтобы они образовали слова, но ничего не выходило! Их можно было соединять как угодно, по две, по три, по пяти или по шести, толку от этого не было. Но все же из четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой буквы получалось английское слово «*ice*», а из восьмидесятой четвертой, восьмидесятой пятой и восьмидесятой шестой слово «*sir*». Наконец, в самой середине документа, на третьей строке, я заметил латинские слова «*rota*», «*mutabile*», «*ira*», «*nec*», «*atra*».

«Черт возьми! — подумал я. — По этим словам дядя, пожалуй, мог бы судить о языке документа. И на четвертой строке я различаю даже еще слово «*luc*», что означает «священная роща»; правда, на третьей можно прочесть слово «*tabiled*», совершенно еврейское слово, а на последней — слова «*mer*», «*arc*» «*mère*», слова чисто французские.

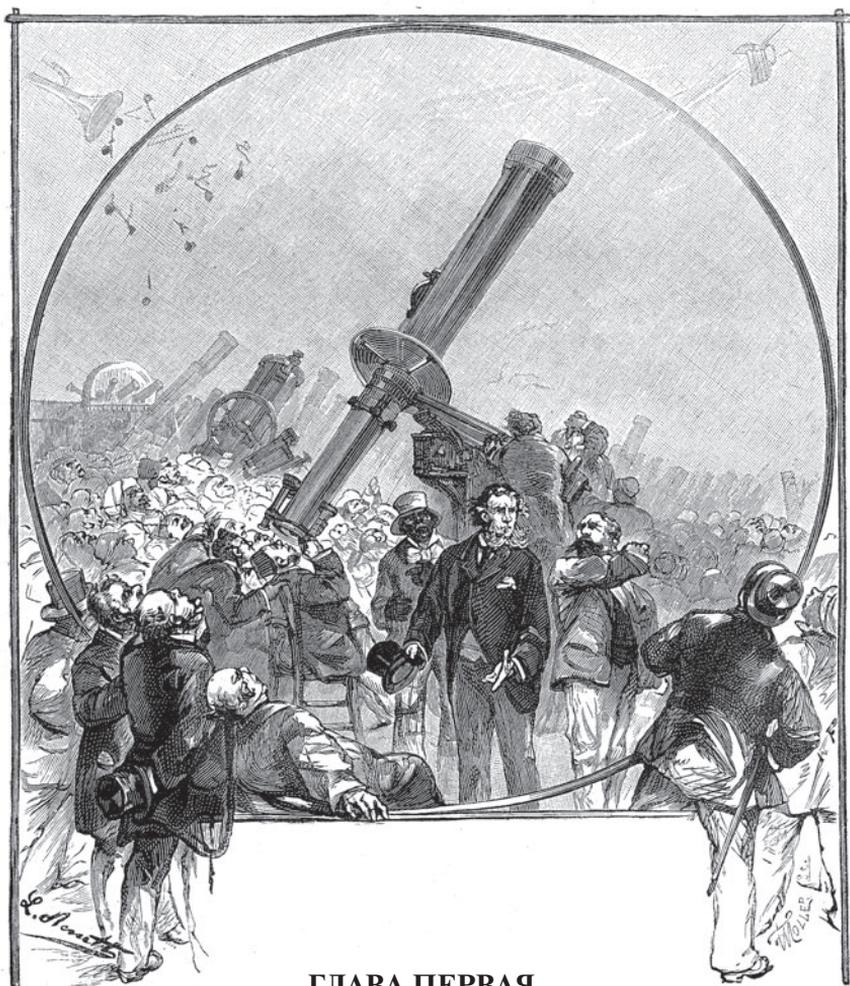
Было от чего потерять голову! Четыре различных наречия в одной бессмысленной фразе! Какая могла существовать связь между словами «лед», «господин», «гнев», «жестокий», «священная роща», «переменчивый», «мать», «лук», «море»?

Только последнее и первое слово легко можно было соединить друг с другом; ничего не было удивительного, что в документе, написанном в Исландии, говорилось о «ледяном море». Но остальную часть шифра понять было не так-то легко.

РОБУР-ЗАБОВЕВТЕЛЪ

Иллюстраци
Л. Бенэ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой мир ученых и мир невежд
в равной мере приведены в замешательство*

Паф!.. Паф!..
Два pistolных выстрела прозвучали почти одновременно. Одна из пуль угодила в спину коровы, которая паслась шагах в пятидесяти от места дуэли. А ведь она не имела никакого отношения к соре.

Ни один из противников не пострадал.

Но кто же были эти два джентльмена? Никто не знает. А между тем именно здесь, казалось бы, весьма уместно сообщить их имена потомству. Можно с достоверностью утверждать лишь одно: старший из них

был англичанин, младший — американец. Что касается места, где бессловесной твари довелось в последний раз отведать травы, то указать его ничего не стоит. Случилось это на правом берегу Ниагары, по соседству с висячим мостом, который соединяет американский берег реки с канадским, в трех милях ниже водопадов.

Англичанин приблизился к американцу.

— Я по-прежнему утверждаю, что то был гимн «Правь Британия»! — заявил он.

— Нет! «Янки Дудл»! — возразил его противник.

Ссора грозила вспыхнуть с новой силой, но тут — несомненно в интересах охраны скота — вмешался один из секундантов.

— Помиримся на том, что мы слышали «Рул Дудл» и «Янки Британия», — воскликнул он, — и пойдем завтракать!

Ко всеобщему удовлетворению, компромисс между национальными гимнами Соединенных Штатов Америки и Великобритании был достигнут. Американцы и англичане перешли на левый берег Ниагары и направились завтракать в гостиницу «Гоат-Айленд», расположенную на холме между двумя водопадами. Не станем мешать им наслаждаться традиционными блюдами — вареными яйцами, ветчиной и холодным ростбифом, приправленным острыми пикулями, которые они запивали потоками чая, способными соперничать даже с прославленными водопадами. Впрочем, маловероятно, чтобы в нашем повествовании еще раз зашла речь об этих людях.

Кто же все-таки был прав: англичанин или американец? Ответить на этот вопрос нелегко. Бесспорно одно: поединок между ними свидетельствовал о том, до какой степени были возбуждены умы не только в Новом, но и в Старом Свете тем необъяснимым явлением, которое вот уже целый месяц приводило всех в замешательство.

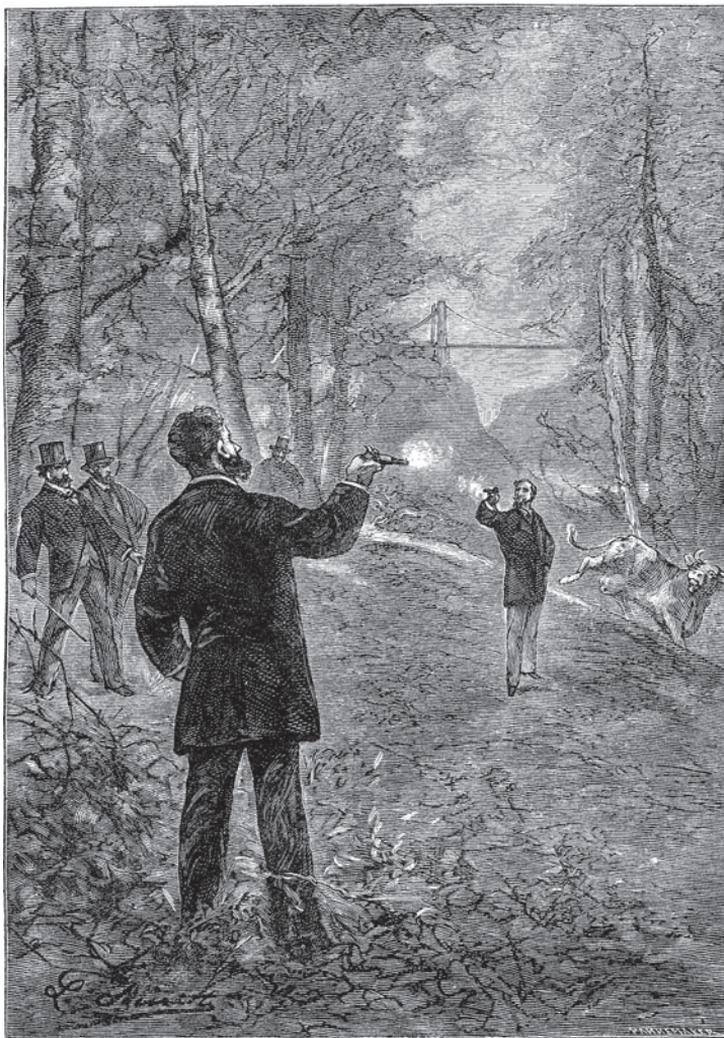
«...Os sublime dedit coelumque tueri»¹, — сказал Овидий к вящей славе рода человеческого.

И в самом деле, со времени своего появления на земле люди никогда еще так упорно не смотрели на небо.

Как раз накануне ночью неведомая небесная труба наполнила медными звуками воздушное пространство над той частью Канады, что расположена между озерами Эри и Онтарио. Одним в этих звуках почувдилась мелодия «Янки Дудл», другим — «Рул Британия». Вот почему и возникла описанная нами ссора между, англосаксами, мирно закончившаяся завтраком в Гоат-Айленде. Впрочем, это, возможно, и не был национальный гимн. Несомненно лишь одно — загадочные звуки доносились на землю с небес.

Уж не затрубил ли какой-либо ангел или архангел в небесную трубу?.. Или какие-нибудь веселые воздухоплаватели играли на этом звучном инструменте, которому всеобщая молва создала столь громкую известность?

¹ ...Высоко поднятая голова, чтобы видеть небо (*лат.*).

Ни один из противников не пострадал.

Нет! В небе не было ни воздушного шара, ни воздухоплателей. В верхних слоях атмосферы возникло необычайное явление, происхождение и природу которого никто не мог определить. Нынче его отмечали над Америкой, через двое суток — над Европой, спустя неделю — в Азии, над Небесной империей. Решительно, если труба, возвещавшая о нем, не была трубою Страшного суда, то что ж это было такое?

Вот почему все государства земного шара — и монархии и республики — охватила сильнейшая тревога, которую необходимо было рас-

сеять. Представьте себе, что в вашем доме возник какой-то странный и необъяснимый шум. Ведь вы безусловно попытаетесь как можно быстрее отыскать его причину и, если ваши старания ни к чему не приведут, покинете этот дом, чтобы переехать в другой. Не правда ли? Но на сей раз домом был весь земной шар! Покинуть его и переселиться на Луну, Марс, Венеру, Юпитер или какую-нибудь иную планету солнечной системы было совершенно невозможно. Поэтому следовало определить, что же все-таки происходило, — причем отнюдь не в беспредельной пустоте, а в пределах земной атмосферы, которая простирается всего лишь на два лье вокруг нашей планеты. В самом деле, без воздуха не может быть и шума, однако шум был — все та же пресловутая труба, — следовательно, загадочное явление совершалось в воздушной среде, плотность которой постепенно уменьшается по мере удаления от Земли.

Нечего и говорить, что тысячи газетных листков занялись этим делом, судили о нем вкривь и вкось, проясняли или затемняли его, сообщали истинные или ложные факты, пугали или успокаивали своих читателей — и все для увеличения тиража, — словом, всячески будоражили публику, и так уже потерявшую покой. Политика сразу же была забыта, кстати сказать, от этого ничего не изменилось. Однако что же все-таки произошло?

Запросили мнение обсерваторий всего мира. Если они не смогут ответить, тогда зачем вообще нужны обсерватории? Если астрономы, которые запросто обращаются со звездами, отстоящими от них за сто тысяч миллиардов лье, не способны понять природу космического явления, происходящего всего лишь в нескольких километрах, тогда зачем вообще нужны астрономы?

Сколько телескопов, подзорных труб, зрительных стекол, биноклей, очков, лорнетов устремлялось к небу в эти чудесные летние ночи, сколько глаз припадало к окулярам оптических приборов всех видов и размеров, — сосчитать невозможно! Но уж никак не меньше нескольких сотен тысяч, другими словами — в десять, в двадцать раз больше, чем можно увидеть звезд на небосводе невооруженным глазом. Нет! Никогда еще солнечное затмение, наблюдаемое одновременно из всех пунктов земного шара, не привлекало такого количества зрителей.

Обсерватории ответили, но недостаточно ясно. Каждая придерживалась собственного, отличного от других, мнения. И это привело к тому, что в конце апреля и начале мая в мире ученых вспыхнула настоящая междоусобная война.

Парижская обсерватория проявила особую сдержанность. Ни одно из ее отделений ничего толком не сказало. В отделении математической астрономии не снизошли до наблюдений; в отделении меридиональных измерений ничего не обнаружили; в отделении физических наблюдений ничего не заметили; в отделении геодезии ничего не открыли; в отделении метеорологии ничего не увидели; наконец, в отделении подсчетов попросту ничего не разглядели. Признание по край-

ней мере было чистосердечным. То же чистосердечие проявили обсерватория Монсури и магнитная станция парка Сен-Мор. То же почтение к истине в Бюро долгот. Словом, французы откровенно гордились своей откровенностью.

Провинция высказалась несколько определеннее. Там признавали, что в ночь с 6 на 7 мая в небе появился свет электрического происхождения, который был виден не больше двадцати секунд. В Пикдю-Миди свет этот был замечен между девятью и десятью часами вечера. В метеорологической обсерватории Пюи-де-Дом его наблюдали между часом и двумя ночи; в Мон-Ванту, в Провансе, — между двумя и тремя часами утра; в Ницце — между тремя и четырьмя часами; наконец, в Альпах, между Аннеси, Бурже и Женевским озером, — в ту минуту, когда заря позолотила небосклон.

Очевидно, было бы неправильно отвергать все эти наблюдения целиком. Не оставалось ни малейшего сомнения, что свет последовательно видели в разных местах на протяжении нескольких часов. Таким образом, либо его излучали различные источники, двигавшиеся в земной атмосфере, либо он был обязан своим происхождением одному источнику, который перемещался со скоростью около двухсот километров в час.

Однако наблюдалось ли хоть раз что-либо необычное в атмосфере при дневном освещении?

Никогда!

Не раздавались ли по крайней мере в воздушных сферах звуки трубы?

Нет! Призыва трубы ни разу не слышали между восходом и закатом солнца.

В Соединенном королевстве все пребывали в полной растерянности. Обсерватории никак не могли договориться. Гринвич не соглашался с Оксфордом, хотя обе обсерватории настаивали на том, что «ничего не произошло».

— Оптический обман! — утверждал Гринвич.

— Акустический обман! — возражал Оксфорд.

Вокруг этого и велись споры. Но в одном они сходились: все это обман!

Дискуссия среди берлинских и венских астрономов грозила привести к международным осложнениям. Но Россия устами директора Пулковской обсерватории разъяснила, что обе стороны правы: все определяла точка зрения, от которой они отправлялись, пытаясь выяснить природу загадочного явления, невозможного в теории, но оказавшегося возможным в действительности.

В Швейцарии — в обсерватории Саутис, в кантоне Аппенцель, в Риги, в Гэбрис, на наблюдательных пунктах Сен-Готарда, Сен-Бернара, Юльера, Симплена, Цюриха, Зомблика в Тирольских Альпах — везде сохраняли крайнюю сдержанность, столкнувшись с фактом, ко-

того до толе еще никто и никогда не наблюдал. И это было вполне разумно.

Зато в Италии — на метеорологических станциях Везувия, в наблюдательном пункте Этны, помещавшемся в старинной Каза-Инглезе, на Монте-Каво — астрономы, не задумываясь, подтверждали материальность пресловутого явления, ибо им довелось однажды наблюдать его: днем — в виде завитка тумана, ночью — в виде падающей звезды. Но об истинной природе загадочного тела они не имели ни малейшего представления.

По правде говоря, тайна эта начинала мало-помалу надоедать людям науки, однако она продолжала возбуждать и даже пугать людей простых и неученых, которые в силу одного из самых мудрых законов природы составляли, составляют и будут составлять громадное большинство человечества. Астрономы и метеорологи уже готовы были забросить эту проблему, как вдруг в ночь с 26-го на 27 апреля, в обсерватории Кантокейно в норвежской провинции Финмаркен, и в ночь с 28-го на 29-е, в обсерватории Ис-фьорд на Шпицбергене, норвежцы, с одной стороны, и шведы, с другой, заметили сходное явление: при свете северного сияния в небе показалось неведомое воздушное чудище, напоминавшее огромную птицу. Строение его определить было невозможно, однако и те и другие утверждали, что оно излучало в пространство какие-то частицы, которые взрывались, точно снаряды.

В Европе никто не усомнился в правильности этого наблюдения обсерваторий в Финмаркене и на Шпицбергене. Но самым поразительным во всем этом было то, что шведы и норвежцы могли, оказывається, хоть в чем-нибудь согласиться друг с другом!

Зато их мнимое открытие было встречено общим смехом во всех обсерваториях Южной Америки — в Бразилии, в Перу и на Ла-Плате, так же как и в обсерваториях Австралии — в Сиднее, Аделаиде и Мельбурне. А как известно, смех южан — самый заразительный.

Короче говоря, лишь один руководитель метеорологической станции недвусмысленно высказал свое мнение, не страшась иронических нападок, которые оно могло вызвать. То был китаец, директор обсерватории Цзи-Ка-Вей. Обсерватория эта возвышалась в десяти лье от моря посреди обширной равнины, и перед нею открывался безграничный горизонт, словно омытый прозрачным воздухом.

— Весьма возможно, — заявил он, — что небесное тело, о котором идет речь, всего-навсего движущийся аппарат, летательная машина.

Какая неуместная шутка!

Если уж в Старом Свете велись столь ожесточенные споры, легко себе представить, как разгорелись страсти в Новом Свете, особенно в той его обширной части, которую занимают Соединенные Штаты Америки.

Известно, что, выбирая свой путь, янки долго не раздумывает: как правило, он сразу находит ту единственную дорогу, которая ведет пря-

мо к цели. Вот почему американские астрономы без обиняков высказали все, что они думали друг о друге. И если под конец они не начали швыряться подзорными трубами, то лишь потому, что разбитые оптические приборы пришлось бы чинить именно тогда, когда они были особенно необходимы.

В этом, столь спорном вопросе Вашингтонская обсерватория в округе Колумбия и Кембриджская обсерватория в штате Массачусетс выступили против обсерваторий Дармут-Колледжа в Коннектикуте и Анн-Арбор в Мичигане. Спор у них шел не о природе небесного тела, а о том, когда именно оно было обнаружено: все обсерватории утверждали, будто заметили его в одну и ту же ночь, один и тот же час, одну и ту же минуту и одну и ту же секунду, хотя траектория этого загадочного тела пролегла на незначительной высоте над горизонтом. Но от Коннектикута до Мичигана и от Массачусетса до Колумбии расстояние так велико, что наблюдать какое-нибудь явление во всех этих пунктах одновременно попросту невозможно.

Обсерватория Дадли в Олбани, штат Нью-Йорк, и обсерватория военной академии Вест-Пойнт указали на неправоту своих коллег, приведя данные относительно восхождения по прямой и склонения названного тела.

Но позднее стало известно, что обсерватории эти ошиблись, приняв за таинственное тело обыкновенный болид, пронесшийся через средние слои атмосферы. Болид этот не мог, понятно, быть телом, о котором шла речь. Да и как мог бы вышеназванный болид играть на трубе?

Что касается знаменитой трубы, то скептики тщетно пытались причислить ее оглушительные звуки к разряду акустических обманов. Уши свидетелей в этом случае ошибались не больше, чем их глаза: одни на самом деле слышали, другие на самом деле видели. Ночь с 12-го на 13 мая была особенно темной; и вот этой ночью наблюдателям Иельского колледжа, при высшей школе в Шеффилде, удалось записать несколько тактов музыкальной фразы в ре-мажоре, которая совершенно точно воспроизводила размер, мелодию и ритм припева «Походной песни».

— Отлично! — обрадовались шутники. — Значит, в заоблачных высотах играет французский оркестр!

Но ведь шутка — не ответ. Именно на это и указала основанная компанией «Атлантик Айрон Уоркс» Бостонская обсерватория, мнения которой по вопросам астрономии и метеорологии мало-помалу приобретали в ученом мире силу закона.

Тогда в спор вступила обсерватория в Цинциннати, построенная в 1870 году на горе Лукаут на средства щедрого г-на Килгора; она снискала себе широкую известность микрометрическими измерениями двойных звезд. Директор этой обсерватории с похвальной откровенностью заявил, что несомненно существует какое-то материальное тело, некий движущийся предмет, который показывается через доволь-

но короткие промежутки времени в различных точках атмосферы; но о природе, размерах, скорости и траектории этого загадочного тела ничего определенного сказать нельзя.

Примерно в то же время весьма распространенная газета «Нью-Йорк геральд» получила от одного из своих подписчиков следующее анонимное послание:

«В наши дни еще не забыто соперничество, которое несколько лет назад столкнуло между собой двух наследников бегумы Раджинахра: француза — доктора Саразена, из Франсевилля, и немца — инженера герра Шульце, из Штальштадта, городов, расположенных в южной части Орегона в Соединенных Штатах Америки¹.

Надо полагать, не забыто также, что герр Шульце, задумав уничтожить Франсевилль, изготовил гигантский снаряд, который должен был, обрушившись на французский город, одним ударом смести его с лица земли.

И уж никто, наверно, не забыл, что этот снаряд, начальная скорость которого при вылете из жерла чудовищной пушки была плохо рассчитана, умчался в пространство с быстротой, в шестнадцать раз превышающей обычную скорость снарядов, то есть делая по сто пятьдесят лье в час. Поэтому он так и не упал на землю, а, превратившись в своего рода болид, до сих пор вращается и будет вечно вращаться вокруг земного шара.

Разве нельзя допустить, что этот снаряд и есть то самое загадочное тело, реальность которого отрицать невозможно?»

До чего он остроумен этот подписчик «Нью-Йорк геральда»! Но как быть с трубой?.. Ведь в снаряде герра Шульце никакой трубы и в помине не было!

Выходит, что все объяснения ровным счетом ничего не объясняли, а все наблюдатели наблюдали из рук вон плохо.

Правда, оставалась еще гипотеза, выдвинутая директором обсерватории Цзи-Ка-Вей. Но ведь то было мнение какого-то китайца!..

Не думайте, однако, что обитателям Старого и Нового Света в конце концов надоело ломать голову над этой загадкой. Ничего подобного! Люди спорили до хрипоты, но ни к чему не приходили. И все же наступила короткая передышка. Прошло несколько дней, а занимавший всех предмет — болид или иное тело — ни разу не появлялся и в воздухе не раздавалось пения трубы. Не упало ли таинственное тело в таком месте земного шара, где было бы трудно отыскать его след, — например, в море? Не покоилось ли оно на дне Атлантического, Тихого или Индийского океана? Как разрешить все эти сомнения?

Но именно тогда — между вторым и девятым июня — произошло несколько новых событий, объяснить которые одним только космическим явлением было уже невозможно.

¹ Речь идет о героях романа Жюль Верна «Пятьсот миллионов бегумы».

На протяжении этой недели обитатели Гамбурга — на вершине башни Святого Михаила, а турки — на самом высоком минарете Ая-Софии, жители Руана — на конце металлического шпиля кафедрального собора, а жители Страсбурга — на верхушке Мюветерского собора, американцы — на голове статуи Свободы, в устье Гудзона, и на верхушке памятника Вашингтону в Бостоне, китайцы — на вершине храма Пятисот Духов в Кантоне, индусы — на шестнадцатом этаже пирамидальной башни храма Танджура, обитатели града святого Петра — на куполе одноименного собора в Риме, а англичане — на куполе собора Св. Павла в Лондоне, египтяне — на вершине большой пирамиды Гиза, парижане — на громоотводе трехсотметровой железной башни, сооруженной для Международной выставки 1889 года, — все они видели флаг, развевавшийся на каждом из названных сооружений, на которые так трудно взобраться.

Флаг этот представлял собою черное полотнище, усеянное звездами с изображением золотого солнца посередине.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой члены Уэлдонского ученого общества спорят,
но не приходят к согласию*

И первый, кто посмеет утверждать обратное...
— Вот как!.. Конечно, посмеют, если только сочтут нужным!

— И вопреки вашим угрозам!..
— Следите за своими выражениями, Бэт Файн!
— И вы тоже, дядюшка Прудент!
— Я настаиваю, что винт должен помещаться сзади!
— И мы также!.. Мы также!.. — подхватили пятьдесят голосов, слившихся в общий гул.

— Нет!.. Он должен быть спереди! — вскричал Фил Эванс.
— Спереди! — столь же яростно подхватили пятьдесят других голосов.

— Никогда мы не договоримся!
— Никогда!.. Никогда!
— Для чего же тогда спорить?
— Но это не спор!.. Это — дискуссия!

Однако кто поверил бы, что это дискуссия, слыша резкие возражения, грубые выпады и вопли, наполнявшие зал заседаний вот уже добрых четверть часа?

Надо сказать, что зал этот был самым просторным в Уэлдонском ученом обществе, как именовали знаменитый клуб, который помещался на Уолнет-стрит, в Филадельфии, столице штата Пенсильвания, входящего в состав Американской Федерации.

Накануне город избирал человека на должность фонарщика, зажигающего на улицах газовые фонари; по этому поводу происходили многочисленные манифестации и бурные митинги, враждующие партии даже вступали в рукопашную. Это вызвало всеобщее возбуждение, которое еще не улеглось и, возможно, было причиной сильнейшего волнения, владевшего в тот вечер членами Уэлдонского ученого общества. А ведь в клубе шло всего-навсего очередное заседание сторонников воздушных шаров, на котором обсуждался все еще животрепещущий, даже в описываемое время, вопрос о возможности управления аэростатами.

Все это происходило в одном из городов Соединенных Штатов Америки, быстрое развитие которого было еще более разительным, нежели развитие Нью-Йорка, Чикаго, Цинциннати и Сан-Франциско; в городе, который не был при этом ни портом, ни центром угольной или нефтяной промышленности, ни вообще промышленным центром, ни даже конечным пунктом сети железных дорог; городе, более крупном, чем Берлин, Манчестер, Эдинбург, Ливерпуль, Вена, Петербург, Дублин, и в парке которого свободно разместились бы все семь парков столицы Англии; городе, насчитывающем в наши дни около миллиона двухсот тысяч жителей и слышущем четвертым в мире — после Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Филадельфия, с ее огромными домами и великолепными общественными зданиями, может быть смело названа городом сплошного мрамора. Самый значительный из колледжей Нового Света — колледж Джирарда — находится в Филадельфии. И самый большой в мире железный мост — мост через реку Скулкилл — находится в Филадельфии. И самый замечательный франкмасонский храм — Храм Масонов — находится в Филадельфии. И, наконец, самый известный клуб поклонников воздухоплавания также находится в Филадельфии. Если бы читатель захотел посетить его в тот вечер, 12 июня, он, пожалуй, получил бы немалое удовольствие.

В этом огромном зале — под верховной властью председателя, которому деятельно помогали секретарь и казначей, — волновались, бесновались, жестикулировали, кричали, спорили, ссорились с цилиндрами на голове не менее ста горячих приверженцев воздушных шаров. Среди них не было ни одного инженера по профессии; здесь собрались просто любители всего, что относится к воздухоплаванию, но любители одержимые, а главное — злейшие враги тех, кто противопоставлял воздушным шарам «аппараты тяжелее воздуха» — летательные машины, воздушные корабли и прочее. Возможно этим почтенным людям и предстояло когда-нибудь открыть способ управления аэростатами, но в тот вечер их председателю нелегко было управлять ими самими!

Этот знаменитый председатель был широко известен всей Филадельфии под именем дядюшки Прудента. Прудент¹ была его фамилия, а

¹ Прудент — благоразумный, осторожный (англ.).

что до прозвища «дядюшка», то оно никого не удивляло в Америке, где можно называться дядюшкой, не имея ни племянников, ни племянниц. В этой стране говорят «дядюшка» подобно тому, как в других странах говорят «папаша» людям, у которых детей и в помине не было.

Дядюшка Прудент слыл важной персоной и, вопреки своей фамилии, пользовался репутацией человека отважного. Он был весьма богат, что, как известно, никому не вредит, даже в Соединенных Штатах. И как мог он не разбогатеть, если владел большей частью акций компании Ниагарских водопадов. Незадолго до того в Буффало было основано промышленное общество по эксплуатации энергии водопадов. Великолепное предприятие! Семь с половиной тысяч кубических метров воды, которые Ниагарский водопад обрушивает каждую секунду, создают мощность в семь миллионов лошадиных сил. Эта гигантская энергия, питавшая все заводы, расположенные на пятьсот километров вокруг, ежегодно приносила полтора миллиарда франков дохода, солидная доля которого попадала в кассы акционерного общества и, в частности, в карманы дядюшки Прудента. Кстати, он был холост и жил скромно, довольствуясь всего лишь одним слугой — лакеем Фриколлином, который, надо сказать, был недостойн чести находиться в услужении у столь отважного человека. Но в жизни нередко встречаются подобные несообразности.

В том, что дядюшка Прудент, будучи богат, имел друзей, нет, разумеется, ничего удивительного; но он состоял председателем клуба, а потому у него были и враги — и между ними все те, кто завидовал его положению. В числе наиболее ожесточенных противников дядюшки Прудента нельзя не упомянуть секретаря Уэлдонского ученого общества.

Секретаря звали Фил Эванс; он также был человеком весьма богатым, ибо стоял во главе «Уолтон Уотч компани» — большого завода по изготовлению часов, ежедневно производившего пятьсот часовых механизмов, не уступавших по своим качествам лучшим швейцарским образцам. Так что Фила Эванса можно было бы счесть одним из самых счастливых людей в Соединенных Штатах, да и во всем мире, если бы его не раздражало положение, какое занял в клубе дядюшка Прудент. Обоим им было по сорок пять лет, оба отличались завидным здоровьем, оба славились своим бесстрашием, оба не допускали и мысли о том, чтобы променять надежные преимущества холостяцкой жизни на сомнительные преимущества жизни семейной. Два эти человека, казалось, были рождены для того, чтобы понимать друг друга с полуслова, а между тем они никак не находили общего языка. Надо добавить, что оба обладали необычайной силой воли, но при этом дядюшка Прудент отличался крайней горячностью, а Фил Эванс — редким хладнокровием.

Чем же объясняется, что Фил Эванс не был избран председателем клуба? Голоса между ним и дядюшкой Прудентом разделились точно поровну. Двадцать раз повторяли голосование, и двадцать раз ни один из кандидатов не собрал нужного большинства. Это нелепое положение грозило затянуться до смерти одного из претендентов.

И тогда один из членов Уэлдонского ученого общества предложил выход из создавшегося затруднения. Это был казначей клуба Джем Сип — убежденный вегетарианец, страстный любитель овощей и ярый враг мясной пищи и спиртных напитков, можно сказать, полубрамин, полумусульманин, достойный соперник Ньюэна, Питмэна, Уорда, Дэви, которые прославили секту этих безобидных сумасбродов.

В этих трудных обстоятельствах Джема Сипа поддержал другой член клуба, Уильям Т. Форбс, управляющий большим заводом, где производили патоку, обрабатывая тряпье серной кислотой, что позволяло получать сахар из старого белья. Он был человек весьма солидный, этот Уильям Т. Форбс, отец двух очаровательных старых дев, мисс Доротеи, по прозвищу Долл, и мисс Марты, по прозвищу Мэт, которые задавали тон в лучшем обществе Филадельфии.

Выслушав предложение Джема Сипа, поддержанное Уильямом Т. Форбсом и некоторыми другими, собрание решило избрать председателя клуба, прибегнув к методу «средней линии».

По правде говоря, этот способ стоило бы применять во всех случаях, когда необходимо избрать достойнейшего кандидата, и немало вполне разумных американцев уже подумывали о том, чтобы прибегнуть к нему во время выборов президента Соединенных Штатов.

На двух досках ослепительной белизны начертили две черные линии абсолютно одинаковой длины, выверенные с такой точностью, как будто речь шла об измерении основания первого треугольника для целей тригонометрической съемки. Затем обе доски установили посреди зала заседаний, и каждый из соперников, вооружившись тонкой иглой, направился к отведенной ему доске. Того из претендентов, кому удалось бы вонзить свою иглу ближе к середине черной линии, и должны были провозгласить председателем Уэлдонского ученого общества.

Нечего и говорить, что втыкать иглу следовало с размаху, не примериваясь и не прилаживаясь заранее, рассчитывая лишь на верность глаза. Все дело заключалось в том, чтобы, как говорится в народе, иметь «наметанный глаз».

Дядюшка Прudent и Фил Эванс вонзили свои иглы в одну и ту же секунду. Затем произвели измерение, чтобы определить, чья игла оказалась ближе к цели.

О чудо! Оба соперника обладали столь совершенным глазомером, что их иглы; казалось, впились в самую середину черты. А если это и не была абсолютная математическая середина линии, то измерение не обнаружило сколько-нибудь заметной неточности, и величина отклонения у обоих кандидатов представлялась одинаковой.

Это вызвало замешательство среди собравшихся.

По счастью, один из членов клуба, Трак Милнор, настоял на том, чтобы измерение произвели вторично. Он предложил применить для этого линейку, градуированную микрометрической машиной г-на Перро, которая позволяет делить миллиметр на полторы тысячи час-

*Дядюшка Прудент и Фил Эванс вонзили свои иглы
в одну и ту же секунду.*

тей. С помощью этой линейки, на которую острием алмаза нанесены тысячекратные доли миллиметра, и сделали новое измерение; затем под микроскопом были прочтены окончательные результаты.

Дядюшка Прудент отклонился от середины линии меньше чем на четыре тысячных миллиметра, Фил Эванс — на шесть тысячных.

Поэтому Фил Эванс и стал всего только секретарем Уэлдонского ученого общества, в то время как дядюшка Прудент был провозглашен его председателем.

Расстояния в две тысячных доли миллиметра оказалось достаточно, чтобы Фил Эванс проникся к дядюшке Пруденту враждой, которая хоть и оставалась скрытой, но не была от этого менее свирепой.

К этому времени в деле создания управляемых воздушных шаров намечился некоторый прогресс, чему немало способствовали многочисленные опыты, предпринятые в последней четверти девятнадцатого столетия. Гондолы, снабженные гребными винтами и подвешенные к аэростатам удлинённой формы, которыми пользовались Анри Жиффар в 1852 году, Дюпюи де Лом в 1872 году, братья Тиссандье в 1883 году и капитаны Кребс и Ренар в 1884 году, привели к определенным результатам, и их следовало принять во внимание. Маневрируя с помощью винтов в среде более тяжелой, чем сам аэростат, искусно лавируя по ветру, воздухоплавателям — удавалось порою возвращаться к месту, откуда начался полет, даже вопреки неблагоприятному направлению ветра, что позволяло именовать их воздушные шары управляемыми; однако им удавалось этого добиться лишь при исключительно благоприятных обстоятельствах. В просторных крытых помещениях испытания шли превосходно! В безветренной атмосфере — очень хорошо! При слабом ветре, от пяти до шести метров в секунду, — еще куда ни шло! Но в сущности никаких практических результатов достигнуто не было. При ветре, приводящем в движение мельницы, скорость которого равна восьми метрам в секунду, эти машины оставались почти неподвижными; при свежем бризе — десять метров в секунду — их уже относило назад; в бурю — при скорости ветра в двадцать пять — тридцать метров в секунду — их швыряло бы, как перышко; при ураганном ветре — сорок пять метров в секунду — им угрожала бы опасность разлететься на куски; наконец, под действием циклона, скорость которого превышает сто метров в секунду, — от них бы не осталось и следа!

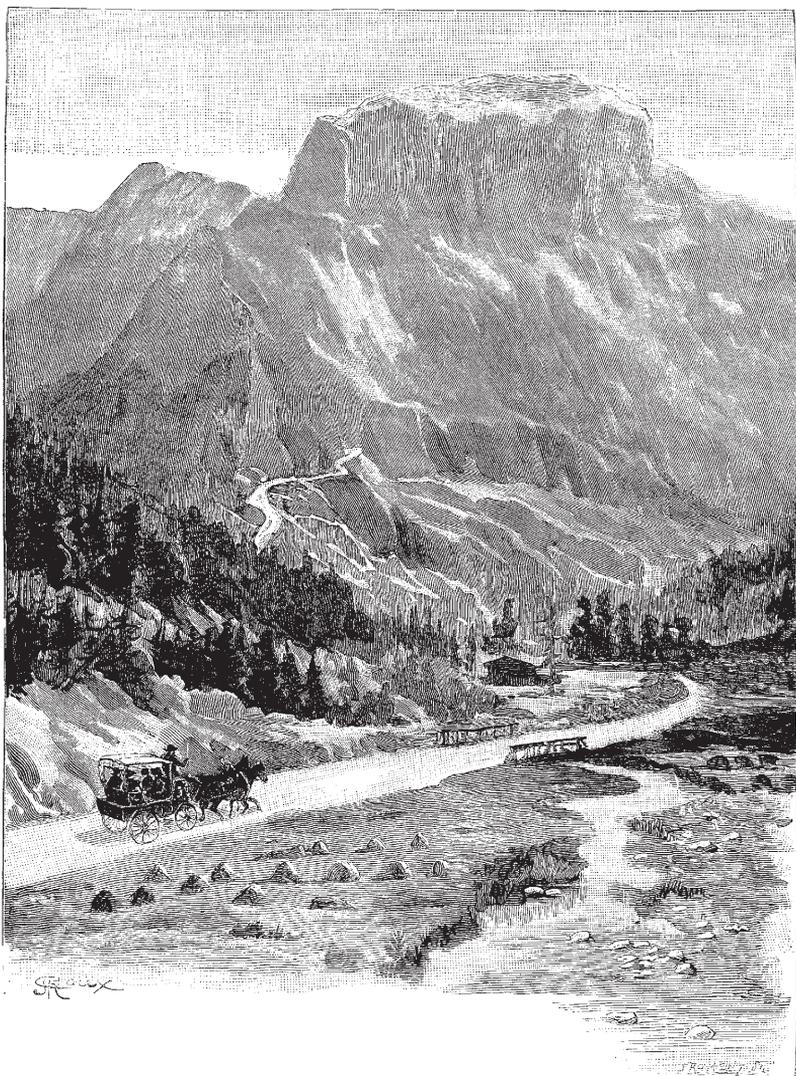
Таким образом, хотя после нашумевших опытов капитанов Кребса и Ренара управляемые аэростаты, без сомнения, несколько увеличили свою скорость, ее все же едва хватало на то, чтобы противостоять обыкновенному бризу. Этим и объясняется, почему до сих пор не удалось использовать аэростаты для воздушного сообщения.

Между тем в деле совершенствования двигателей были достигнуты значительно более быстрые успехи, чем в разрешении проблемы создания управляемых воздушных шаров, то есть шаров, обладающих собственной, независимой от силы ветра, скоростью. Паровые машины, введенные Анри Жиффаром, и мускульная сила людей, использованная Дюпюи де Ломом, постепенно уступили место электрическим двигателям. Примененные братьями Тиссандье батареи, работавшие на двуххромисто-кислом калии, сообщали аэростату скорость, равную четырем метрам в секунду, а динамоэлектрические машины капитанов Кребса и Ренара мощностью в двенадцать лошадиных сил довели ее до шести с половиной метров в секунду.

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Иллюстрации
Жоржа Ру

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что происходит в округе

Горный хребет, который тянется вдоль американского побережья Атлантического океана через Северную Каролину, Виргинию, Мэриленд, Пенсильванию и штат Нью-Йорк, носит двойное название: Аллеганские и Аппалачские горы. Они образуют две различные цепи: на западе — Кэмберлендские, на востоке — Голубые горы.

Эта горная гряда, самая значительная в западной части Северной Каролины, простирается в длину приблизительно на девятьсот миль,

или на тысячу шестьсот километров, однако высота ее в среднем только шесть тысяч футов, и самая высокая ее точка — гора Вашингтон¹.

Для альпинистов этот горный хребет (один конец его спускается к рекам штата Алабама, а другой — к заливу Святого Лаврентия) не представляет большого интереса. Даже самые крутые его гребни не достигают верхних слоев атмосферы, и потому в нем нет той притягательной силы, которой обладают великолепные вершины Старого и Нового Света. Однако и в этой цепи была одна гора, Грейт-Эйри, на которую не могли взобраться туристы и которая поэтому слыла неприступной.

Впрочем, хотя до сих пор альпинисты пренебрегали вершиной Грейт-Эйри, вскоре ей суждено было привлечь всеобщее внимание, и даже вызвать тревогу, по совершенно особым причинам, — о них я и должен рассказать в начале этой истории.

Если я заговорил здесь о себе, то единственно потому, что, как увидит читатель, я имел непосредственное отношение к одному из самых замечательных событий двадцатого века. Порой я даже спрашиваю себя, не изменяет ли мне память, действительно ли это событие произошло, или я пережил его только в своем воображении. В качестве главного инспектора вашингтонской полиции я в течение пятнадцати лет принимал участие в расследовании самых разнообразных дел, и мне часто давали секретные поручения, к которым я, как человек весьма любознательный, имел особое пристрастие. Неудивительно поэтому, что мое начальство вовлекло меня и в эту невероятную авантюру, где мне предстояло столкнуться с непостижимыми тайнами. Однако я с самого начала предупреждаю, что мне должны верить на слово, потому что, говоря об этих чудесных событиях, я не могу привести в свидетели никого, кроме самого себя. А если мне не захотят верить, ну что ж, — пусть не верят!

Вершина Грейт-Эйри расположена как раз среди той живописной цепи Голубых гор, которая тянется вдоль западной части Северной Каролины. Ее округлые контуры ясно видны при выходе из поселка Моргантон, выстроенного на берегу реки Сатавбы, и еще лучше — из местечка Плезент-Гарден, расположенного несколькими милями ближе.

Что же такое в сущности эта вершина Грейт-Эйри? Оправдывает ли она имя, данное ей жителями окрестностей этой части Голубых гор? Название последних вполне уместно: при известных атмосферных условиях их очертания окрашиваются лазурью. Но если под именем «Грейт-Эйри» подразумевается орлиное гнездо, то не связано ли это с тем, что там находят уют хищные птицы — орлы, коршуны и кондоры? Не парят ли они крикливыми стаями над этим пристанищем, доступным только им одним? Нет, право, их здесь не больше, чем на других вершинах Аллеганских гор. И даже, напротив, было за-

¹ 1918 метров. (Прим. автора.)

мечено, что в иные дни, подлетев к Грейт-Эйри, пернатые хищники как будто спешат удалиться от этого места и, описав над ним несколько кругов, разлетаются в разные стороны, оглашая воздух своими пронзительными криками.

Так почему же тогда эта гора получила имя Грейт-Эйри? Не лучше ли было бы назвать вершину просто «цирком», — ведь такого рода «амфитеатры» часто встречаются в гористых областях разных стран? Должно быть, там, среди высоких скал, есть обширная и глубокая котловина, возможно, даже небольшое озеро или водоем, образованный зимними дождями и снегом; такие озера есть и в Аппалачских горах, на разной высоте; они нередко попадают в горных цепях Старого и Нового Света. Пожалуй, под названием «цирк» и следовало бы отныне включить эту вершину в географические справочники.

И, наконец, последняя гипотеза: нет ли на вершине Грейт-Эйри кратера, принадлежащего погруженному в долгий сан вулкану, который когда-нибудь может проснуться от подземных толчков? Не угрожает ли он окрестным жителям такой же катастрофой, какая произошла во время яростных извержений Кракатау и Мон-Пеле? Если озеро действительно существует, то разве нельзя предположить, что воды его, просочившись в недра земли, превращаются от подземного огня в пар и угрожают равнинам Каролины таким же бедствием, какое имело место в 1902 году на Мартинике?

Это предположение недавно подтвердилось некоторыми признаками: над Грейт-Эйри появились пары, указывавшие на наличие каких-то геологических процессов. Однажды крестьяне, работавшие в поле, услышали даже какой-то необъяснимый глухой гул.

А ночью над горой появился огненный столб.

Пары вырывались из котловины, и, когда ветер отогнал их к востоку, на земле остались следы пепла и копоти. Среди царившего вокруг мрака тусклое пламя, отраженное низко нависшими облаками, бросало на окрестности какой-то зловещий свет.

Неудивительно, что эти странные явления сильно встревожили всю область. Необходимо было выяснить, что же, в сущности, происходит. Газеты Каролины беспрестанно упоминали о так называемой «тайне Грейт-Эйри». Они обсуждали вопрос: не опасно ли жить поблизости от горы?.. Статьи вызывали одновременно любопытство и тревогу, — любопытство у людей, которые, не подвергаясь никакой опасности, попросту интересовались явлениями природы, и тревогу у тех, кто рисковал стать жертвами этих явлений, если они действительно представляли угрозу для обитателей окрестных селений. В большинстве своем это были жители Плезент-Гардена, Моргантона, а также других поселков и довольно многочисленных ферм, разбросанных у подножия Аппалачских гор.

Жаль, конечно, что альпинисты до сих пор ни разу не сделали попытки взобраться на Грейт-Эйри. Никто еще не переступал через

окружающую ее скалистую стену, а может быть, там и не существовало расщелины, открывавшей доступ в котловину.

Но разве не было поблизости другой остроконечной или конусообразной горы, по высоте превосходившей Грейт-Эйри, откуда открывался бы вид на всю ее вершину? Нет, на несколько километров вокруг не было гор выше Грейт-Эйри. Гора Веллингтон, одна из высочайших точек Аллеган, находилась слишком далеко.

Итак, тщательное исследование Грейт-Эйри стало теперь совершенно необходимым. В интересах населения округа нужно было узнать, нет ли там кратера и не угрожает ли западной части Каролины извержение вулкана. Следовательно, ничего не оставалось, как только попытаться проникнуть в котловину и определить причину наблюдаемых явлений.

Но прежде чем осуществилась эта попытка, как известно, сопряженная с большими трудностями, представился случай, казалось бы дававший возможность выяснить внутреннюю структуру Грейт-Эйри, не взбираясь на ее кручи.

В первых числах сентября этого года воздухоплаватель Уилкер должен был подняться на аэростате из Моргантона. Предполагали, что восточным ветром баллон будет отнесен к Грейт-Эйри, и надеялись, что он пролетит как раз над вершиной. В таком случае, оказавшись на несколько сот футов выше горы, Уилкер при помощи сильной подзорной трубы мог бы рассмотреть котловину до самой глубины и выяснить, не зияет ли между высокими скалами кратер вулкана. В сущности это и был главный вопрос. Если бы он разрешился, стало бы ясно, должно ли население окрестностей в более или менее близком будущем опасаться извержения вулкана.

Подъем аэростата совершился по намеченному плану. Дул ровный, не слишком сильный ветер; небо было ясное. Утренний туман только что растаял от ярких лучей солнца. Если котловина не будет затянута дымкой испарений, аэронавт сможет осмотреть ее на всем протяжении. В случае выделения подземных паров он несомненно их заметит, и тогда придется констатировать, что в этой части Голубых гор действительно существует вулкан и кратером его является Грейт-Эйри.

Воздушный шар поднялся сначала на высоту в тысячу пятьсот футов и в течение четверти часа оставался неподвижным, так как ветер дул только у поверхности земли и не ощущался на такой высоте. Но какое разочарование! Вскоре аэростат испытал на себе действие другого атмосферного течения, и его стало относить к востоку. Таким образом он удалялся от горной цепи, и никакой надежды на то, что он снова к ней приблизится, не оставалось. Прошло несколько минут, и жители местечка потеряли аэростат из виду, а впоследствии они узнали, что он опустился в окрестностях Роли в Северной Каролине.

Попытка не удалась, но было решено повторить ее в более благоприятных условиях. Дело в том, что с горы опять раздавался шум, из нее вырывались черные, как сажа, пары; в облаках отражался мерцаю-

щий свет. Понятно, что тревога не прекращалась. Местность по-прежнему оставалась под угрозой землетрясения или извержения вулкана.

Но вот с начала апреля опасность, до тех пор более или менее смутные, превратились в непреодолимый страх, и на то были серьезные причины. Местные газеты быстро откликнулись на всеобщую панику. Теперь весь округ между горной цепью и Моргантоном со дня на день ожидал катастрофы.

В ночь с 4 на 5 апреля жители Плезент-Гардена были разбужены взрывом, сопровождавшимся оглушительным грохотом. Среди жителей, решивших, что это обрушилась часть горной цепи, началась паника. Люди выскочили из домов, и, боясь, что перед ними вот-вот разверзнется огромная пропасть, которая поглотит фермы и поселки на протяжении десяти — пятнадцати миль, готовы были броситься бежать.

Ночь была темная. Над долиной нависли густые облака. Даже и днем они скрыли бы из виду вершины Голубых гор. Среди этой тьмы разглядеть что-либо было невозможно. Со всех сторон раздавались крики. Группы растерянных жителей — мужчины, женщины, дети — металась в поисках дороги и в смятении толкали друг друга. То тут, то там слышались испуганные возгласы:

- Землетрясение!..
- Извержение вулкана!..
- Какого?
- Грейт-Эйри...

Весть о том, что на равнину полилась лава и посыпались камни и шлак, быстро донеслась до Моргантона.

Следовало обратить внимание хотя бы на то, что в случае извержения грохот еще усилился бы и над горой появилось бы пламя. Люди не могли бы не заметить в темноте светящихся потоков лавы. Однако никому это не пришло в голову, и перепуганные жители продолжали утверждать, что их дома содрогаются от подземных толчков. Впрочем, эти толчки мог вызвать обвал какой-нибудь скалы, обрушившейся со склонов горной цепи.

Все с ужасом ждали чего-то, охваченные смертельной тревогой, готовые в любую минуту бежать к Плезент-Гардену или Моргантону.

В течение следующего часа не произошло ничего нового. Только легкий западный ветер, который отчасти задерживала длинная гряда Аппалачских гор, долетал сквозь жесткую хвою вечнозеленых деревьев, густо растущих в болотистых низинах.

Паника не возобновлялась, и люди уже собирались разойтись по домам. По-видимому, бояться теперь было нечего, и все-таки все с нетерпением ждали наступления утра.

Должно быть, произошел обвал, какая-то громадная глыба низверглась с высоты Грейт-Эйри. При первых лучах зари легко будет убедиться в этом, пройдя несколько миль вдоль подножия горной цепи.

Но вот около трех часов утра — новая тревога: над гребнем скал показался пламя. Отраженное облаками, оно осветило заревом все небо. В то же время сверху слышалось какое-то потрескивание: видимо, на вершине что-то горело.

Уж не пожар ли начался там, наверху? Но от чего бы он мог произойти? Во всяком случае не от молнии. Ведь никто не слышал раскатов грома. Правда, горячего было сколько угодно, потому что весь Аллеганский хребет — и Кэмберлендские и Голубые горы — на этой высоте еще покрыт лесом. Там растет множество кипарисов, латаний и других вечнозеленых деревьев.

— Извержение!.. Извержение!.. — закричали со всех сторон.

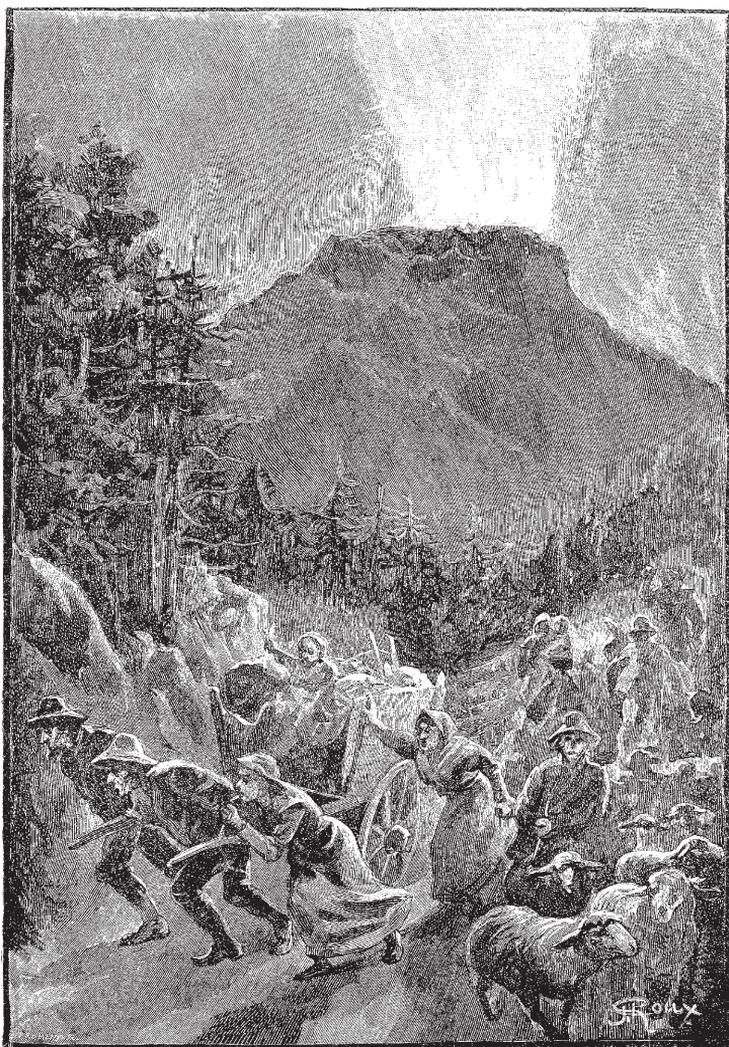
Так, значит, Грейт-Эйри — это кратер вулкана, таящегося в недрах гор. Ведь он потух столько лет, вернее столько веков назад, так неужели же он опять начал действовать? Что, если за пламенем последует дождь из раскаленных камней, ливень из пепла и шлака?.. Что, если сейчас полетится лава, которая сожжет все на своем пути, уничтожит городки, селения, фермы, — словом, весь этот обширный край с его равнинами, с его полями, лесами, даже и за пределами Плезент-Гардена и Моргантона?..

На этот раз поднялась такая паника, что остановить ее было невозможно. Обезумевшие от страха женщины, схватив своих детей, бросились к дорогам, ведущим на восток, чтобы как можно быстрее покинуть места, где начиналось землетрясение. Мужчины вытаскивали из домов вещи, связывали в узлы все самое ценное, выпускали лошадей, коров, овец, в страхе бросавшихся в разные стороны. Какой хаос представляло собой это скопление людей и животных — в темную ночь, среди лесов, которые вот-вот охватит пламя вулкана, у болот, грозивших каждую минуту затопить все кругом!.. Казалось, даже сама земля готова была расступиться под ногами беглецов!.. Успеют ли они спастись, если бурный поток раскаленной лавы, разлившись по поверхности земли, преградит им дорогу?

Некоторые из самых состоятельных фермеров, наиболее рассудительные, все же остались в поселке и хотели остановить перепуганную толпу, — но все их усилия были напрасны.

Они отправились на разведку и, остановившись за милю от горной цепи, увидели, что пламя побледнело и скоро должно погаснуть. В самом деле, не похоже было на то, что местности угрожает извержение вулкана. С горы не летели камни, потоки лавы не спускались по склонам, из недр земли не доносилось гула. Не было никаких признаков тех сейсмических возмущений, которые могут в одно мгновение опустошить целую страну.

Отсюда было сделано следующее справедливое заключение: сила огня, бушевавшего в котловине Грейт-Эйри, по-видимому, ослабевала. Облако постепенно бледнело; скоро вся равнина должна была погружаться в глубокий мрак до наступления утра.

Обезумевшие от страха женщины, схватив своих детей, бросились к дорогам, ведущим на восток.

Между тем толпа, отойдя на такое расстояние, где ей уже не угрожала опасность, остановилась. Затем она повернула назад, и к утру многие беглецы возвратились в свои селения и на фермы.

Около четырех часов утра утесы Грейт-Эйри едва окрашивались слабыми отсветами. Пожар догорал — несомненно из-за недостатка горючего, и хотя причина его так и осталась неизвестной, можно было надеяться, что он не возобновится.

Судя по всему, на Грейт-Эйри теперь не происходило никаких вулканических явлений. Не было оснований думать, что жители ее окрестностей находятся под угрозой извержения или землетрясения. А часов в пять утра с вершины, еще окутанной ночной мглой, донеслись странные звуки, нечто вроде сильного и ровного дыхания, сопровождаемого мощными ударами крыльев. И если бы было светло, люди из селений и ферм могли бы заметить, как по небу пронеслась какая-то гигантская хищная птица, какое-то крылатое чудовище, которое, поднявшись над Грейт-Эйри, полетело на восток!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Моргантоне

Двадцать седьмого апреля я выехал из Вашингтона и на следующий день прибыл в Роли, главный город штата Северная Каролина.

За два дня до этого начальник департамента полиции вызвал меня к себе в кабинет. По-видимому, он с нетерпением ожидал моего прихода, и между нами произошла следующая беседа, решившая мой отъезд. Привожу этот разговор.

— Джон Строк, — начал он, — могу ли я по-прежнему рассчитывать на вас, как на агента, который не раз доказывал нам свою проницательность и преданность?

— Мистер Уорд, — почтительно ответил я, — не мне судить о том, так же ли я проницателен, как был прежде... Что же касается моей преданности, то могу заверить, что она осталась неизменной...

— Я в этом не сомневаюсь, — продолжал мистер Уорд, — и хочу только задать вам еще один, более определенный вопрос: по-прежнему ли вы любознательны, по-прежнему ли стремитесь разгадывать тайны?

— По-прежнему, мистер Уорд.

— И эта любознательность не уменьшилась от всего того, что вам пришлось видеть и пережить?

— Нисколько!

— Так вот, послушайте, Строк...

Мистеру Уорду было тогда лет пятьдесят; человек острого и зрелого ума, он с большим знанием дела исполнял свои ответственные обязанности.

Он неоднократно давал мне трудные поручения, иной раз носившие политический характер; я выполнял их успешно, и он всегда бывал мною доволен. Однако уже в течение нескольких месяцев мне не представлялось никакого случая снова проявить себя на службе, и эта праздность начинала меня тяготить.

Поэтому я с нетерпением ждал, что скажет мне мистер Уорд. Я не сомневался в том, что он вызвал меня неспроста и снова хочет дать мне какое-нибудь важное поручение.

Начальник заговорил со мной о событии, занимавшем в то время общественное мнение не только Северной Каролины и соседних штатов, но и всей Америки.

— Вы, конечно, знаете, — сказал он мне, — о том, что происходит в Аппалачских горах, в окрестностях поселка Моргантон?..

— Знаю, мистер Уорд, и ничуть не удивляюсь, что такие по меньшей мере необычные явления возбуждают любопытство у людей и не столь любопытных, как я...

— Не спорю, Строк, там действительно происходит нечто необычное и даже странное. Но надо подумать о том, не представляют ли наблюдавшиеся на Грейт-Эйри явления опасности для населения этого округа, не следует ли считать их признаками, предшествующими извержению вулкана или землетрясению?..

— Боюсь, что это так, мистер Уорд.

— Поэтому, Строк, и важно было бы узнать, в чем там дело. Если мы и не «в силах предотвратить стихийное бедствие, то было бы все же лучше вовремя предупредить жителей об угрожающей им опасности...

— Это обязанность властей, мистер Строк, — ответил я. — Необходимо выяснить, что происходит там, на вершине, и...

— Вы правы, Строк, но, по-видимому, это связано с большими трудностями. Все в том округе твердят, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри и осмотреть котловину — невозможно. Однако пробовал ли кто-нибудь сделать это при таких условиях, которые могли бы обеспечить успех?.. Не думаю, и, по моему мнению, серьезно организованная попытка привела бы к желаемым результатам.

— Тут нет ничего невозможного, мистер Уорд, — и вопрос здесь, конечно, только в затратах.

— Эти затраты необходимы, Строк, и не приходится считаться с ними, когда дело идет о том, чтобы успокоить все местное население или предупредить его во избежание катастрофы... Впрочем, действительно ли утесы Грейт-Эйри так уж неприступны, как это утверждают?.. Кто знает, не устроила ли там себе притон шайка злоумышленников и не пробираются ли они туда по тропинкам, которые ведомы им одним?..

— Как, мистер Уорд, вы подозреваете, что злоумышленники...

— Быть может, Строк, я ошибаюсь, и все, что происходит там, объясняется естественными причинами... Вот это-то мы и хотим выяснить, и притом как можно скорее.

— Позвольте задать вам вопрос, мистер Уорд?

— Говорите, Строк.

— Допустим, что котловина Грейт-Эйри будет исследована и мы узнаем причину этих явлений; допустим, что там имеется кратер и

вскоре нужно ожидать извержения, — разве мы сможем его предотвратить?..

— Нет, Строк, но зато мы успеем предупредить население округа... Жители поселков и ферм не будут застигнуты врасплох и смогут подготовиться. Что, если какой-нибудь вулкан в Аллеганских горах угрожает Северной Каролине такой же катастрофой, какая постигла Мартинику во время извержения Мон-Пеле? Надо по крайней мере дать населению возможность уйти в безопасное место.

— Хочу надеяться, мистер Уорд, что округу не угрожает подобная опасность.

— Я тоже хотел бы этого, Строк. Да и трудно поверить, чтобы в этой части Голубых гор существовал вулкан. Аппалачские горы вовсе не вулканического происхождения. Однако, если судить по полученным нами донесениям, над Грейт-Эйри видели пламя. Людям казалось, что они ощущают подземные толчки, или во всяком случае сотрясение почвы, даже в окрестностях Плезент-Гардена... Но воображаемые это явления или реальные? Вот что нужно установить.

— Этого требует осторожность, мистер Уорд, и не следовало бы откладывать...

— Так вот, Строк, мы и решили расследовать это дело. Нужно как можно скорее туда поехать, собрать там все сведения, расспросить жителей поселков и ферм. Мы решили выбрать для этого самого надежного агента, и этот агент вы, Строк.

— Очень рад, мистер Уорд, — воскликнул я, — и вы можете быть спокойны: я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие.

— Знаю, Строк, и считаю, что это поручение как раз подходит для вас.

— Больше, чем любое другое, мистер Уорд.

— У вас будет прекрасный случай проявить себя и, надеюсь, удовлетворить вашу страсть к приключениям, — ведь это отличительная черта вашего характера.

— Не отрицаю.

— К тому же вам предоставляется полная свобода действий. И если придется организовать восхождение, — что может обойтись не дешево, — вам будут отпущены неограниченные средства.

— Я сделаю все возможное, мистер Уорд, положитесь на меня.

— Но только, Строк, когда вы будете собирать сведения на месте, рекомендую вам действовать как можно осторожнее. Население там еще очень возбуждено. Не принимайте на веру все, что вам будут рассказывать, а главное, постарайтесь не вызвать там новой паники...

— Понимаю.

— Мы дадим вам рекомендательное письмо к мэру Моргантона, и он окажет вам содействие... Повторяю еще раз, будьте осторожны, Строк, и привлекайте к расследованию только таких людей, которые будут вам совершенно необходимы. Мы не раз имели случай убедить-

— Мы дадим вам рекомендательное письмо к мэру Моргантона, и он окажет вам содействие...

ся в вашем уме и ловкости и очень рассчитываем на то, что вы и теперь добьетесь успеха.

— Я не добьюсь его только в том случае, мистер Уорд, если натолкнусь на непреодолимые трудности; ведь в конце концов может случиться, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри действительно невозможно, а если так...

— Если так, посмотрим. Повторяю, мы знаем, что вы самый любознательный из людей, — этого требует и ваша профессия, — а здесь

представляется прекрасный случай удовлетворить вашу любознательность.

Мистер Уорд был прав.

— Когда я должен ехать? — спросил я.

— Завтра.

— Завтра я выеду из Вашингтона и послезавтра буду в Моргантоне.

— Сообщайте мне о ходе дела по почте или по телеграфу.

— Непременно, мистер Уорд. На прощанье позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы поручили это расследование на Грейт-Эйри именно мне.

Мог ли я предполагать, что ожидало меня в будущем?

Я тут же вернулся домой, приготовился к отъезду, а на рассвете следующего дня скорый поезд уже мчал меня в столицу Северной Каролины.

Приехав в тот же вечер в Роли, я переночевал там, а после полудня поезд, курсирующий в западной части штата, доставил меня в Моргантон.

Собственно говоря, Моргантон — это всего лишь поселок. Он выстроен среди гористой местности, особенно богатой каменным углем, которого там добывается довольно много. Изобилие минеральных источников привлекает туда летом множество курортной публики. В окрестностях Моргантона процветает сельское хозяйство, земледельцы с успехом выращивают злаки. Поля перемежаются с торфяными или поросшими тростником болотами. Здесь много вечнозеленых лесов. Только одного недостает этой области — естественного газа, источника энергии, света и тепла, которым так богаты долины Аппалачских гор.

Благодаря хорошей плодородной почве окрестности Моргантона густо населены. Селения и фермы теснятся до самого подножия Аппалачских гор; они разбросаны то группами среди лесов, то поодиночке у первых отрогов горной цепи. Здесь насчитывается несколько тысяч жителей, которым угрожала бы большая опасность, если бы котловина Грейт-Эйри оказалась кратером вулкана. В случае извержения вся местность покроется шлаком и пеплом, в долину хлынут потоки лавы, а подземные толчки могут распространиться до Плезент-Гардена и Моргантона.

Мистер Элиас Смит, мэр Моргантона, был человек высокого роста и крепкого сложения, смелый, предприимчивый; ему было не более сорока лет, и здоровью его могли подивиться все врачи обеих Америк; ему нипочем были и зимняя стужа и летний зной, который в Северной Каролине иногда бывает невыносим. Он был страстным охотником и стрелял не только мелкого пушного зверя и пернатую дичь, которые в изобилии водятся на равнинах, прилегающих к Аппалачским горам, но ходил также на медведей и пантер, нередко встречающихся в густых кипарисовых лесах и в диких ущельях двойной цепи Аллеганских гор.

Элиас Смит, богатый землевладелец, имел несколько ферм в окрестностях Моргантона. Некоторыми из них он управлял сам. Он часто навещал своих фермеров и все то время, когда не бывал у себя дома в поселке, проводил в разъездах и на охоте, которую страстно увлекался.

Под вечер я отправился к Элиасу Смигу. Его уже предупредили телеграммой, и он был дома. Я передал ему рекомендательное письмо мистера Уорда, и мы быстро познакомились.

Мэр Моргантона принял меня запросто, без церемоний. Он курил трубку, на столе у него стояла рюмка бренди. Служанка тотчас же принесла вторую рюмку, и прежде чем начался разговор, мне пришлось выпить.

— Вы приехали от мистера Уорда, — сказал он мне добродушно, — так выпьем же сначала за здоровье мистера Уорда!

Пришлось чокнуться и осушить рюмки в честь директора департамента полиции.

— Ну, а теперь рассказывайте, — сказал Элиас Смит.

Тогда я сообщил мэру Моргантона о цели моего приезда в этот округ Северной Каролины. Я напомнил ему о явлениях, недавно имевших место в районе. Я обратил его внимание (и он согласился со мной) на то, как важно успокоить жителей округа или хотя бы предостеречь их. Я заявил ему, что власти совершенно справедливо встревожены таким положением вещей и по возможности хотят принять необходимые меры. Наконец я добавил, что мой начальник уполномочил меня произвести быстрое и тщательное расследование всего этого дела и что я не намерен останавливаться ни перед какими затруднениями и затратами, так как министерство берет на себя все расходы по моей экспедиции.

Пока я говорил, Элиас Смит не произнес ни слова, зато несколько раз наполнял обе рюмки. Он то и дело пускал клубы дыма, и я видел, что он слушает меня с большим вниманием. По временам на его щеках появлялся румянец, а глаза блестели под густыми бровями. Очевидно, глава поселка Моргантон был сильно встревожен тем, что происходило на Грейт-Эйри, и не меньше меня горел желанием открыть причину этих явлений.

Когда я кончил свое сообщение, Элиас Смит с минуту молча смотрел на меня.

— Итак, — сказал он, — там, в Вашингтоне, хотят знать, что за штука скрывается в чреве этой Грейт-Эйри?..

— Да, мистер Смит...

— И вы тоже хотите это знать?..

— Разумеется!..

— Того же самого хочу и я, мистер Строк!

— Ну, если любознательность мэра Моргантона не уступает моей, то из нас получится хорошая пара!

— Понимаете, — добавил он, вытряхивая пепел из трубки, — я сам землевладелец и потому не могу не интересоваться тем, что происходит на Грейт-Эйри, а в качестве мэра я, конечно, обязан заботиться о безопасности жителей вверенного мне округа.

— Тогда у вас есть двойное основание постараться найти причину явлений, которые могут взбудоражить всю область!.. И, разумеется, они должны казаться вам необъяснимыми, а главное — небезопасными для местного населения...

— Прежде всего необъяснимыми, мистер Строк, потому что мне как-то не верится, чтобы на Грейт-Эйри был кратер. Ведь Аллеганские горы нигде не имеют вулканического характера. Нигде — ни в ущельях Кэмберленда, ни в долинах Голубых гор — нет никаких следов золы, шлака, лавы и других вулканических образований. Я не думаю, чтобы Моргантонскому округу угрожало что-нибудь с этой стороны.

— Вы полагаете, мистер Смит?

— Да, таково мое мнение.

— Что же вы скажете об этих подземных толчках, которые ощущались в окрестностях гор?

— Об этих толчках... об этих толчках... — повторил мистер Смит, качая головой. — Да были ли они в действительности, эти подземные толчки?.. Когда над горой появилось сильное пламя, я как раз находился на своей ферме в Уилдоне, на расстоянии меньше мили от Грейт-Эйри, и хотя в воздухе ощущался какой-то трепет, я не почувствовал никаких подземных толчков, ни поверхностных, ни глубинных.

— Однако, судя по донесениям, полученным мистером Уордом...

— Эти донесения составлены под влиянием паники! — заявил мэр Моргантона. — Во всяком случае, я в своем донесении не говорил о подземных толчках.

— Это нужно иметь в виду... Ну, а пламя, показавшееся из-за скал?

— О, пламя, мистер Строк, это другое дело!.. Я видел его, видел собственными глазами, и даже на большом расстоянии облака были окрашены его заревом. Кроме того, с вершины доносился шум, похожий на свист выпускаемого из котла пара.

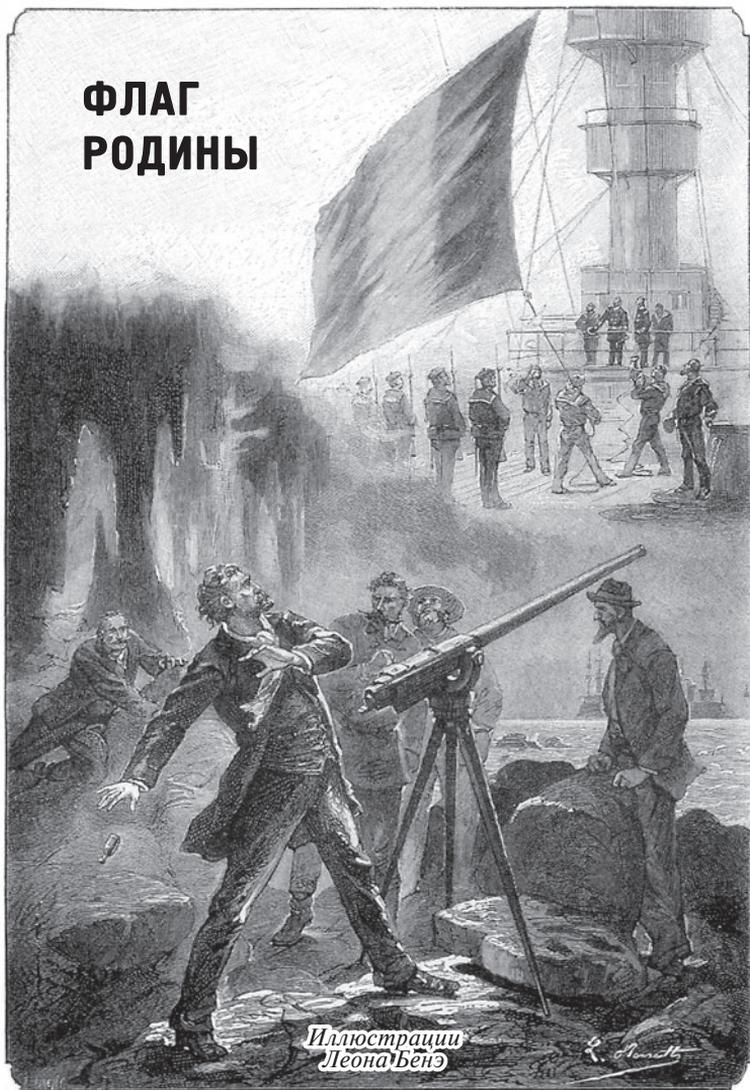
— Вы сами слышали этот свист?

— Сам... Я был совершенно оглушен!

— А не показалось ли вам, мистер Смит, что среди этого шума вы слышали словно сильные удары крыльев?

— Вот именно, мистер Строк. Но какая же гигантская птица могла подняться над горой, когда исчезли последние языки пламени? И какие же у нее должны были быть крылья?.. Я уже начинаю думать, что это лишь плод моего воображения!.. Грейт-Эйри — гнездо воздушных чудовищ! Но ведь мы бы уже давно заметили, как они парят над своим огромным скалистым пристанищем!.. Поистине за всем этим скрывается тайна, в которую до сих пор никому не удалось проникнуть.

ФЛАГ РОДИНЫ

Иллюстрации
Леона Бенэ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хелтфул-Хаус

На визитной карточке, которую получил в тот день — 15 июня 189... года — директор лечебницы Хелтфул-Хаус, не было ни герба, ни короны и стояла одна только фамилия

«Граф д'Артигас»

Под фамилией, в нижнем углу карточки, был написан карандашом следующий адрес:

«На борту шхуны «Эбба», якорная стоянка Нью-Берна, залив Памлико».

Столица Северной Каролины, одного из сорока четырех штатов Америки, довольно крупный город Роли, расположена в глубине страны, на расстоянии около ста пятидесяти миль от побережья. Этот город стал административным центром именно благодаря своему местоположению, так как в промышленном и торговом отношении другие

города ему не уступали или даже превосходили его; таковы, например, Уилмингтон, Шарлотт, Фейетвилл, Идентон, Вашингтон, Солсбери, Тарборо, Галифакс, Нью-Берн. Этот последний город расположен в низовьях реки Ньюс, впадающей в залив Памлико, обширную морскую лагуну, защищенную как бы естественным молотом — грядой островов и островков у каролинского побережья.

Директор Хелтфул-Хауса никогда не угадал бы, зачем ему вручили визитную карточку, если бы не приложенная записка, в которой граф д'Артигас просил разрешения посетить его лечебницу. Знатный гость, выражая надежду, что директор любезно согласится принять его, собирался прибыть после полудня в сопровождении капитана Спаде, командира шхуны «Эбба».

Желание проникнуть за ограду столь знаменитого в те годы лечебного заведения, весьма модного среди богатых американцев, казалось совершенно естественным со стороны иностранца. Там побывало немало посетителей с менее громким именем, чем граф д'Артигас, и никто не скупился на похвалы директору Хелтфул-Хауса. Поэтому директор поспешил дать просимое разрешение, ответив, что почтет за честь принять графа д'Артигаса в стенах своей лечебницы.

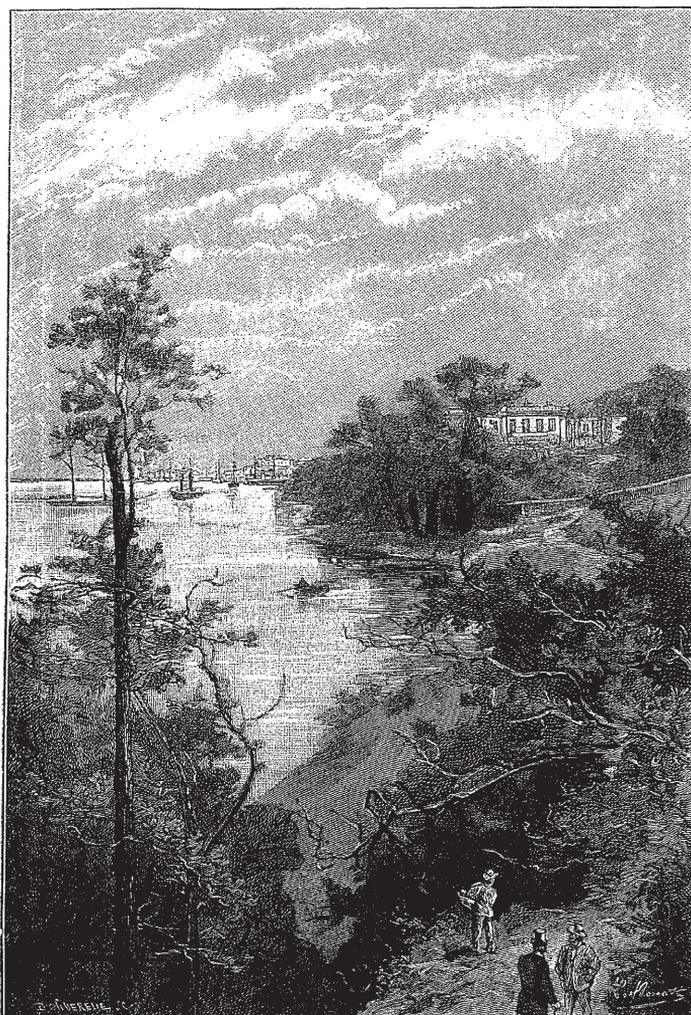
Хелтфул-Хаус обслуживался первоклассным персоналом и привлекал для консультаций самых знаменитых врачей. Это было частное лечебное заведение, независимое от других госпиталей и больниц, подчиненное лишь общему государственному надзору. Там был комфорт, образцовый порядок и в сочетании со здоровым климатом создавались все условия, которые требуются в санаториях подобного рода, предназначенных для богатой клиентуры.

В самом деле, трудно было найти более приятное местоположение для санатория, чем в Хелтфул-Хаусе. На склоне холма расстился парк площадью в двести акров с роскошной растительностью, которой изобилует Северная Америка на широтах, соответствующих Канарским островам и Мадейре. Нижняя часть парка спускалась к широкому устью реки Ньюс, где постоянно веяли свежие ветерки с залива Памлико и морские бризы, перелетавшие через узкую береговую косу.

Хелтфул-Хаус, предоставлявший богатым пациентам идеальный уход и прекрасные гигиенические условия, предназначался главным образом для лечения хронических болезней; однако администрация не отказывалась принимать и больных с умственным расстройством, если только заболевание их не было неизлечимым.

Как раз теперь, вот уже полтора года, там содержался под особым наблюдением весьма знаменитый пациент; это обстоятельство привлекало к Хелтфул-Хаусу всеобщее внимание и, возможно, объясняло также и визит графа д'Артигаса.

Человек, о котором идет речь, был француз лет сорока пяти, по имени Тома Рок. В том, что он душевнобольной, не могло быть никаких сомнений. Однако врачи-психиатры пока еще не констатировали

На склоне холма расстился парк площадью в двести акров с роскошной растительностью...

у него полной потери умственных способностей. В обыденной жизни он вел себя как человек ненормальный, — это было совершенно очевидно. Но Тома Рок вновь становился разумным, пронизательным, логичным, когда обращались к его научной мысли, к его гению, — а, как известно, гениальность часто граничит с безумием. Несомненно, его психика и нервная система были сильно расстроены. Любое раздражение приводило его к неистовым и буйным припадкам. Большой страдал потерей памяти, болезненной рассеянностью, неспособно-

стью сосредоточить внимание на окружающем. Тома Рок превращался мало-помалу в жалкое существо, лишенное разума, не умеющее обходиться без посторонней помощи, утратившее природный инстинкт, которым обладают даже животные, — инстинкт самосохранения, и с него нельзя было спускать глаз, как с малого ребенка. Поэтому служителю флигеля № 17 в нижней части парка Хелтфул-Хаус, где помещался больной, поручено было присматривать за ним днем и ночью.

Обычно сумасшествие, если оно не безнадежно, лечат посредством морального воздействия. Медицина здесь бессильна, ее беспомощность давно уже признана специалистами. Можно ли было с успехом применить моральное воздействие к болезни Тома Рока? В этом дозвоительно усомниться, даже если больной находится в спокойных и благотворных условиях Хелтфул-Хауса. В самом деле, вечное беспокойство, резкая смена настроений, раздражительность, нелепые причуды, уныние, апатия, отвращение и к серьезным занятиям и к развлечениям — все эти симптомы болезни были налицо. Ни один врач не мог бы здесь ошибиться, и, казалось, никакие лекарства не способны были исцелить больного или улучшить его состояние.

Правильно сказано, что безумие — это чрезмерная субъективность, то есть такое душевное состояние, когда человек всецело поглощен внутренней работой и не интересуется внешними впечатлениями.

У Тома Рока это безразличие ко всему доходило до крайности. Углубленный в самого себя, он жил весь во власти навязчивой идеи, которая и довела его до помешательства. Способно ли какое-нибудь событие, какой-нибудь внешний толчок снова вернуть его к жизни? Это казалось маловероятным, хотя и не невозможным.

Теперь следует объяснить, при каких обстоятельствах француз Рок покинул Францию, зачем приехал в Соединенные Штаты и почему американское правительство сочло необходимым и благоразумным заключить его в эту лечебницу, где за ним должны были наблюдать и тщательно записывать все, что могло вырваться у него во время припадков безумия.

Полтора года тому назад морскому министру в Вашингтоне вручили просьбу об аудиенции от лица Тома Рока, который желал сделать ему важное сообщение.

Едва услышав это имя, министр сразу понял, в чем дело. Хотя он и знал, какого рода будет сообщение и какие требования за ним последуют, он ни минуты не раздумывал и немедленно согласился дать аудиенцию.

В самом деле, Рок был настолько известен, что в интересах вверенного ему дела министр обязан был, не колеблясь, принять посетителя и ознакомиться с предложениями, которые тот хотел сделать ему лично.

Тома Рок был изобретателем, гениальным изобретателем. Несколько важных открытий уже доставили ему громкую известность. Бла-

годаря ему проблемы, считавшиеся до того времени чисто теоретическими, получили практическое применение. Его имя прославилось в науке. В ученом мире он занимал одно из первых мест. Мы увидим дальше, как неудачи, разочарования, даже оскорбления со стороны газетных писак довели его до помешательства и чем была вызвана необходимость поместить его в лечебницу Хелтфул-Хаус.

Последнее его изобретение, военный снаряд, носило название «фульгуратор Рок». Это мощное оружие, по его словам, настолько превосходило все созданные прежде, что государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей.

Мы, к сожалению, хорошо знаем, с какими неодолимыми препятствиями сталкиваются изобретатели, когда хотят продвинуть свое изобретение, в особенности если они пытаются предложить его министерским комиссиям. Множество широко известных примеров еще свежо в нашей памяти. Бесплезно распространяться на эту тему, ибо в делах такого рода много закулисных тайн, много темного и труднообъяснимого. Что же касается Тома Рока, следует признать, что, подобно большинству своих предшественников, он предъявлял столь чрезмерные требования, назначал за свое новое оружие столь неслыханную цену, что с ним просто невозможно было вести переговоры.

Его упорство объяснялось тем, — и мы должны это отметить, — что при распространении прежних изобретений, давших плодотворные результаты, его уже не раз бессовестно обманывали. Ему никогда не удавалось получить вознаграждение, на которое он по справедливости мог рассчитывать, и характер его мало-помалу ожесточился. Тома Рок сделался подозрительным, никому не доверял, ставил невыполнимые условия, настаивал, чтобы ему поверили на слово, и заранее, до всяких испытаний, запрашивал такую огромную сумму, что его требования казались всем неприемлемыми.

В первую очередь француз предложил «фульгуратор Рок» Франции. Комиссии, которой было поручено ознакомиться с его предложением, он объяснил в общих чертах, в чем оно состояло. Дело шло об особом самодвижущемся снаряде, снабженном новым взрывчатым веществом, который приводился в действие с помощью воспламенителя также совершенно новой системы.

Когда этот снаряд, пущенный из некоего неведомого орудия, разорвется хотя бы на расстоянии нескольких сот метров от намеченной цели, то получится такое сильное сотрясение воздушных слоев, что любое сооружение в зоне десяти тысяч квадратных метров — крепостной форт или военный корабль — будет совершенно уничтожено. Изобретение Рока было основано на том же принципе, что и ядро пневматической пушки Залинского, уже испытанной в ту пору, но результаты, полученные Роком, превосходили ее по крайней мере во сто раз.

Если орудие Тома Рока действительно обладало такой мощью, оно могло бы обеспечить его родине полное военное превосходство как в наступлении, так и в обороне. Однако не преувеличивал ли он эту мощь, хотя и прекрасно зарекомендовал себя прежними изобретениями? Этот вопрос могли разрешить только пробные испытания. Но Рок наотрез отказывался проводить испытания, пока не получит миллионов, которые требовал за свой фульгуратор.

Очевидно, еще в ту пору умственные способности Тома Рока пришли в расстройство. Он уже не обладал ясным сознанием и здравым рассудком. Чувствовалось, что он ступил на путь, который постепенно приведет его к настоящему безумию. Согласиться на предложенные им условия было немыслимо, на это не пошло бы ни одно правительство.

Французская министерская комиссия прервала переговоры, и все газеты, даже самые оппозиционные, должны были признать, что это решение правильно. Правительство окончательно отвергло предложения Рока, не опасаясь, что какое-либо другое государство согласится их принять.

Нечего удивляться, что в глубоко потрясенной душе изобретателя, при его все возрастающей болезненной замкнутости, чувство патриотизма мало-помалу ослабело и, наконец, совсем заглохло. К чести человеческой природы следует еще раз повторить, что в то время Рок был уже душевнобольным. Он сохранил ясность мысли во всем, что непосредственно касалось его изобретения. Тут он нисколько не утратил своего гениального дарования. Зато в самых обыденных жизненных мелочах его психическое расстройство усиливалось с каждым днем, и он становился почти невменяемым.

Итак, Тома Рок получил отказ. Может быть, следовало принять меры, чтобы он не предложил своего изобретения другим... Об этом вовремя не подумали, и напрасно.

Случилось то, что должно было случиться. Под влиянием болезненной раздражительности патриотическое чувство, присущее каждому гражданину, который ставит интересы своей родины выше своих собственных, угасло бесследно в душе оскорбленного изобретателя. Он вспомнил о других государствах, пересек границу, забыл незабвенное прошлое и предложил свой фульгуратор Германии.

Германское правительство, ознакомившись с неслыханными требованиями Тома Рока, тоже отказалось принять его предложение. В довершение всего военное министерство только что провело испытания нового баллистического снаряда и решило пренебречь изобретением французского ученого.

Тогда гнев изобретателя обратился в ненависть, лютую ненависть против всего человеческого рода, — в особенности после новой неудачной попытки договориться с советом адмиралтейства Великобритании. Англичане, как люди практические, не сразу оттолкнули Рока, они пытались прощупать его и сторговаться с ним. Но Рок и слышать

ничего не хотел. Его секрет стоит миллионы, он должен получить эти миллионы, или же секрет останется при нем. В конце концов адмиралтейство прервало с ним всякие переговоры.

Вот при каких обстоятельствах, в то время как его умственное расстройство усиливалось с каждым днем, Рок сделал последнюю попытку и обратился к правительству Соединенных Штатов, — это произошло года за полтора до начала нашего повествования.

Американцы, еще более практичные, чем англичане, не стали торговаться, ибо, полагаясь на славную репутацию французского химика, верили в исключительную мощь «фульгуратора Рок». Справедливо считая Рока гениальным ученым и объясняя его странности болезненным состоянием, они приняли особые меры, рассчитывая расплатиться с ним позднее по умеренной цене.

Так как Тома Рок обнаруживал явные признаки помешательства, власти сочли благоразумным, в интересах самого изобретателя, запретить ученого в больницу.

Как известно, Рока поместили не в сумасшедший дом, а в лечебницу Хелтфул-Хаус, где имелись все необходимые условия для излечения его болезни. И тем не менее, несмотря на самый заботливый и внимательный уход, цель до сих пор не была достигнута.

Повторим еще раз, — здесь важно подчеркнуть эту особенность, — Тома Рок, несмотря на свою невменяемость, приходил в сознание всякий раз, как речь заходила о его изобретениях. Он оживлялся, говорил твердо и авторитетно, как человек, уверенный в себе, и невольно внушал уважение. В порыве красноречия ученый описывал изумительные качества своего фульгуратора, его поистине необычайную разрушительную силу. Что же касается взрывчатого вещества и воспламенителя, входящих в их состав элементов, секрета их изготовления, — об этом он хранил молчание, и ничто не могло заставить его проговориться. Раз или два, во время буйного припадка, тайна, казалось, готова была сорваться у него с языка, и врачи уже приняли меры предосторожности... Но напрасно. Хотя Рок и утратил инстинкт самосохранения, он все также бдительно охранял свое открытие.

Флигель № 17 в парке Хелтфул-Хауса находился в саду, окруженном живой изгородью, где Тома Рок мог прогуливаться под наблюдением своего смотрителя. Последний жил в том же флигеле, спал в одной комнате с пациентом и охранял его днем и ночью, не отлучаясь ни на час. Во время галлюцинаций, которыми обычно страдал больной, при переходе от бдения ко сну, смотритель подстерегал его бессвязные слова, прислушиваясь даже к бреду спящего. Этого человека звали Гэйдон. Узнав вскоре после заточения Тома Рока, что в Хелтфул-Хаусе требуется слуга, хорошо знающий французский язык, он предложил свои услуги и был приставлен к новому пациенту в качестве смотрителя.

В действительности же Гэйдон был французским инженером по имени Симон Харт, уже несколько лет состоявшим на службе в одной

из химических фирм в Нью-Джерси. Это был человек лет сорока, с широким лбом, с суровым и решительным лицом; во всем его облике чувствовалась энергия и вместе с тем сдержанность. Весьма сведущий в различных вопросах, касающихся современного вооружения, а также изобретений и усовершенствований, способных увеличить его мощь, Симон Харт был знаком со всеми открытиями в области взрывчатых веществ, количество которых достигало в ту пору более тысячи ста, и потому не мог не оценить по достоинству такого человека, как Тома Рока. Веря в силу и значение фульгуратора, он не сомневался в том, что изобретатель владел секретом снаряда, способного совершенно изменить условия как оборонительной, так и наступательной войны на суше и на море. Он знал, что безумие пощадило научные идеи больного, что в частично расстроенном мозгу еще брезжило сознание, еще горело пламя, пламя гения. Тогда Симон Харт подумал: если во время припадка ученый выдаст свой секрет, то изобретением француза может воспользоваться не Франция, а чужая страна. И он тут же принял решение наняться служителем к Тома Року, выдав себя за американца, в совершенстве владеющего французским языком. Под предлогом неотложной поездки в Европу он уволился со службы и переименовал имя. Короче говоря, благодаря удачному стечению обстоятельств его предложение было принято, — и вот уже пятнадцать месяцев Симон Харт состоял смотрителем при пациенте Хелтфул-Хауса.

Его решение свидетельствовало о редкой самоотверженности, о высоком патриотизме, ибо работа больничного сторожа весьма тягостна для такого интеллигентного и образованного человека, как Симон Харт. Не надо забывать, что инженер никоим образом не собирался присвоить открытие Тома Рока в случае, если бы удалось его выведать, и вовсе не претендовал на причитающееся ученому денежное вознаграждение.

Итак, Симон Харт, или, вернее, Гэйдон, уже пятнадцать месяцев жил бок о бок с сумасшедшим, наблюдая за ним, подслушивая и даже пытаясь задавать вопросы, но так ничего и не добился. Впрочем, теперь он более чем когда-либо был убежден в важности открытия Рока, а потому больше всего боялся, как бы психическое расстройство его подопечного не перешло в полное безумие и как бы после буйного припадка помешательства тот не унес с собой в могилу секрет фульгуратора.

Таково было положение Симона Харта, такова была задача, которой в интересах своей родины он посвятил себя целиком.

Между тем даже после стольких огорчений и разочарований, благодаря могучей натуре Тома Рока, его физическое здоровье не было подорвано. Нервный горячий темперамент помог ему устоять против всевозможных сокрушительных ударов. Средний рост, большая голова, широкий выпуклый лоб, волосы с проседью, взгляд то блуждающий, то живой, внимательный и властный, когда он увлекался люби-

мыми идеями, густые усы, нос с трепещущими ноздрями, крепко сжатые губы, словно боявшиеся, что с них сорвется запретная тайна, сосредоточенное выражение, как у человека, который долго боролся и полон решимости продолжать борьбу, — таков был изобретатель Тома Рок, заточенный в одном из флигелей Хелтфул-Хауса, не сознающий, быть может, что он стал узником, и находившийся под надзором инженера Симона Харта, принявшего имя смотрителя Гэйдона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Граф д'Артигас

Кем же был в сущности граф д'Артигас? Испанцем?.. Его фамилия как будто указывала на это. Однако на корме его шхуны золотыми буквами было написано слово «Эбба», чисто норвежского происхождения. А если бы графа спросили, как имя капитана «Эббы» и его помощников, он ответил бы, что капитана зовут Спаде, боцмана — Эфрондат, а кока — Хелим, — удивительно несхожие имена, указывающие на различную национальность членов экипажа.

Можно ли было вывести какое-либо заключение, судя по внешнему виду графа д'Артигаса?.. Вряд ли. Хотя смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, изящество осанки и указывали как будто на испанское происхождение, но в общем его облике не хватало многих характерных национальных черт, присущих уроженцам Пиренейского полуострова.

Это был человек выше среднего роста, могучего сложения, не старше сорока пяти лет от роду. Сдержанный и высокомерный, он напоминал знатного индусского раджу с примесью малайской крови. Если он и не был хладнокровным от природы, то во всяком случае старался таким казаться; жесты его были повелительны и речь немногословна. Со своим экипажем он объяснялся обычно на своеобразном смешанном наречии, распространенном на островах Индийского океана и прилегающих морей. Когда же во время морских путешествий ему случалось посещать берега Старого и Нового Света, он совершенно свободно говорил по-английски, и лишь легкий акцент выдавал его иностранное происхождение.

Каково было прошлое графа д'Артигаса, полное загадочных приключений, каково было настоящее, откуда взялось его состояние, по видимому огромное, позволявшее ему вести роскошную жизнь богатого джентльмена, где находилась его постоянная резиденция или, по крайней мере, обычная стоянка шхуны, — этого никто не мог сказать, да никто и не решился бы спросить у графа, настолько он держался замкнуто и гордо. Он не походил на человека, способного выдать себя во время интервью даже ловким американским репортерам.

О графе д'Артигасе знали только то, что говорили о нем газеты, сообщая о прибытии «Эббы» в какой-нибудь порт, чаще всего на восточном побережье Соединенных Штатов. Действительно, шхуна заходила туда почти регулярно, в определенные сроки, чтобы запастись всем необходимым для дальнего плавания. Экипаж «Эббы» не только возобновлял там запасы продовольствия — муки, сухарей, консервов, свежего и сушеного мяса, телятины и баранины, вина, пива, спиртных напитков, но закупал также одежду, разные инструменты, необходимое снаряжение, предметы роскоши, платя за все щедро, по высоким ценам, долларами, гинеями или любой другой монетой.

Из этого следует, что хотя о частной жизни графа д'Артигаса никто ничего не знал, сам он был хорошо известен во многих портах американского побережья, от Флориды до Нью-Ингланда.

Поэтому нечего удивляться, что директор Хелтфул-Хауса был весьма польщен визитом графа д'Артигаса и принял его чрезвычайно любезно.

В порт Нью-Берна шхуна «Эбба» зашла впервые. И, вероятно, только каприз ее владельца привел «Эббу» к устью реки Ньюс. Что могло ему понадобиться в этих местах? Запастись провиантом?.. Нет, ибо берега залива Памлико не могли снабдить шхуну такими обильными запасами, как портовые города — Бостон, Нью-Йорк, Довер, Саванна, Уилмингтон — в Северной Каролине и Чарлстон — в Южной Каролине. В лиманах реки Ньюс и на жалком рынке Нью-Берна не нашлось бы товаров, на которые граф д'Артигас мог обменять свои пистолеты и банковые билеты. Административный центр округа Кроуэн насчитывал не более пяти-шести тысяч жителей. Торговля там сводилась к вывозу зерна, свинины, мебели и морского снаряжения. Кроме того, несколько недель тому назад, во время десятидневной стоянки в порту Чарлстона, шхуна уже взяла полный груз, готовясь к рейсу в неизвестном направлении.

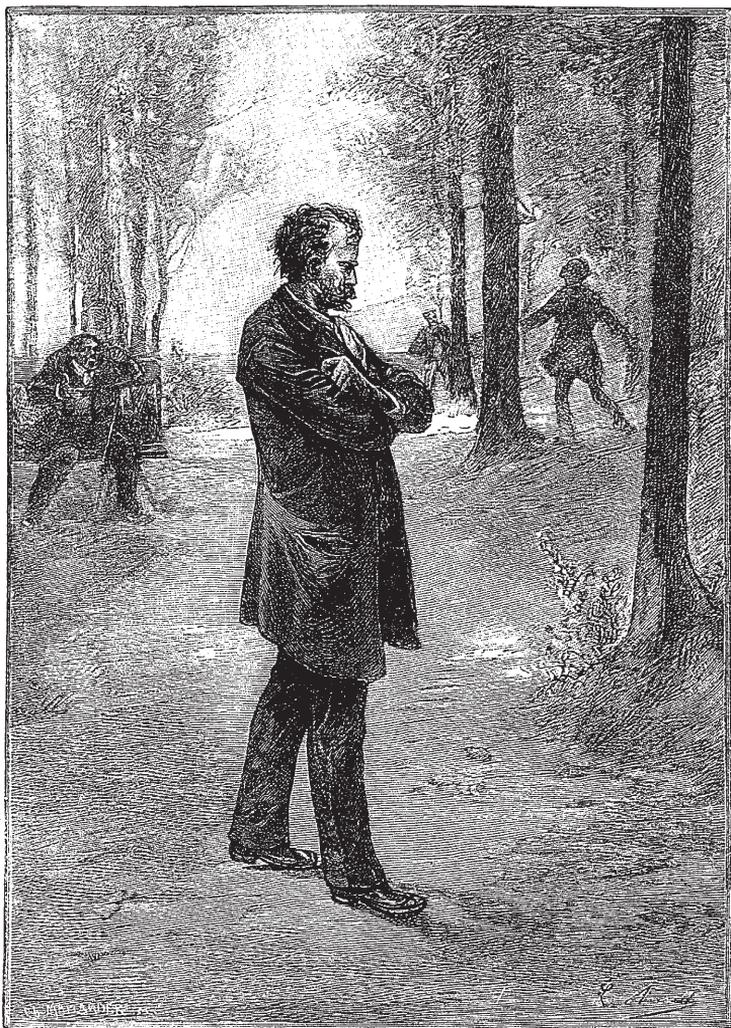
Неужели таинственный путешественник прибыл сюда с единственной целью посетить Хелтфул-Хаус?.. Что ж, вполне возможно и даже не удивительно, — ведь лечебница пользовалась громкой и вполне заслуженной славой.

Возможно также, что графу д'Артигасу захотелось встретиться с Тома Роком. Широкая известность французского изобретателя оправдывала подобное любопытство. Еще бы! Гениальный безумец, чьи изобретения грозили совершить полный переворот в методах современной военной науки!

И вот после полудня, как указывалось в записке, граф д'Артигас в сопровождении капитана Спаде, командира «Эббы», появился у ворот Хелтфул-Хауса.

Согласно данным распоряжениям оба посетителя были тотчас приняты и проведены в кабинет директора.

Директор оказал графу д'Артигасу самый любезный прием и выждал лично сопровождать его, не желая никому уступить чести быть

Тома Рок

чичероне высокого гостя, за что тот выразил ему горячую благодарность. Во время посещения общих зал и отдельных палат лечебницы директор без устали расхваливал замечательный уход за больными, режим, как он уверял, совершенно недостижимый в домашней обстановке, великолепные условия и блестящие результаты лечения, которые и доставили, по его словам, заслуженную славу Хелтфул-Хаусу.

Граф д'Артигас осматривал все со своим обычным хладнокровием, делая вид, будто с интересом слушает эту неиссякаемую болтовню, ве-

роятно, чтобы лучше скрыть истинную цель своего посещения. Однако, посвятив целый час осмотру лечебницы, он счел уместным прервать хозяина следующим вопросом:

— Не находится ли, сэр, у вас на излечении тот больной, о ком так много говорили в последнее время и который привлекает особое внимание к Хелтфул-Хаусу?

— Вероятно, граф, вы хотите узнать о Тома Роке? — спросил директор.

— Именно... о том французе... об изобретателе, который страдает умственным расстройством...

— Тяжелым умственным расстройством, граф, и, может быть, хорошо, что это так! По моему мнению, человечество ничего не выиграло бы от его открытий, которые только умножают способы истребления, а их у нас и так более чем достаточно...

— Совершенно справедливо, господин директор, я держусь на этот счет того же мнения. Истинный прогресс не в разрушении, и тех, кто идет по этому пути, я считаю злыми гениями науки... А что, ваш изобретатель окончательно лишился рассудка?

— Окончательно?.. О нет, граф, это сказывается только в обыденных житейских делах. Тут он уже ничего не соображает и не отвечает за свои поступки. Однако гений ученого остался невредим, мозговое расстройство его не коснулось, и если бы кто-нибудь согласился на неслыханные требования Рока, я не сомневаюсь, что он выпустил бы в свет новое боевое орудие... в котором нет решительно никакой надобности...

— Решительно никакой, господин директор, — подтвердил граф д'Артигас при молчаливом одобрении капитана Спаде.

— Впрочем, граф, вы можете судить об этом сами. Мы как раз подошли к флигелю, где помещается Тома Рок. Его заточение вполне оправдано с точки зрения общественной безопасности, тем не менее он пользуется здесь самым внимательным уходом и всеми заботами, каких требует его состояние. Кроме того, в Хелтфул-Хаусе он огражден от нескромных посетителей, которые могли бы попытаться...

Директор закончил фразу выразительным кивком головы; при этом на губах иностранного гостя мелькнула неуловимая усмешка.

— Скажите, — спросил граф д'Артигас, — разве Тома Рока никогда не оставляют одного?..

— Никогда, граф, никогда. Он постоянно находится под наблюдением смотрителя, вполне надежного человека, который свободно владеет французским языком. В случае если у больного вырвется невзначай какая-нибудь фраза, относящаяся к его открытию, эти сведения будут тут же записаны, и мы увидим, как надлежит ими воспользоваться.

В этот момент граф д'Артигас бросил быстрый взгляд на капитана Спаде, который кивнул в ответ, как бы говоря: «Понимаю!» И действительно, легко было заметить, наблюдая за капитаном, что он с осо-

бым вниманием рассматривал часть парка вокруг флигеля № 17, все подступы, входы и выходы, — вероятно, с заранее намеченной целью.

Сад, прилегающий к флигелю, тянулся до самой ограды Хелтфул-Хауса, которая опоясывала холм, отлого спускающийся к правому берегу реки Ньюс.

Это был одноэтажный флигель с итальянской террасой наверху. Он состоял из двух комнат и прихожей, окна были забраны железной решеткой. Со всех сторон домик окружали деревья с густой, пышной листвой. Перед фасадом зеленели бархатистые лужайки, украшенные кустами и клумбами пестрых цветов. Весь сад, площадью почти в пол-акра, был в исключительном пользовании Тома Рока, который мог прогуливаться там под надзором своего смотрителя.

Первым, кого увидели, войдя в сад, граф д'Артигас, капитан Спаде и директор, был служитель Гэйдон, стоявший на пороге флигеля.

Заметив служителя, граф д'Артигас начал необычайно пристально его рассматривать, на что директор не обратил никакого внимания.

Уже не в первый раз иностранцы приходили навещать больного из флигеля № 17, так как французский изобретатель по справедливости считался любопытнейшим пациентом Хелтфул-Хауса. Однако эти два посетителя неизвестной национальности привлекли особое внимание Гэйдона своим необычным видом. Хотя имя графа д'Артигаса и было ему знакомо, он никогда еще не встречался с этим богатым джентльменом, частым гостем восточного побережья, и не знал, что шхуна «Эбба» бросила якорь в устье реки Ньюс, у подножия холма Хелтфул-Хауса.

— Гэйдон, — обратился к нему директор, — где сейчас Тома Рок?

— Вот он, — ответил смотритель, указывая на человека, который с задумчивым видом прогуливался под деревьями позади флигеля.

— Я разрешил графу д'Артигасу осмотреть Хелтфул-Хаус, и он выразил желание видеть Тома Рока, о котором в последнее время так много говорили...

— И говорили бы гораздо больше, — добавил граф д'Артигас, — если бы американское правительство из предосторожности не заперло его в вашем заведении...

— Необходимая предосторожность, граф.

— Совершенно необходимая, господин директор. Пусть лучше секрет изобретателя угаснет вместе с ним, это будет спокойнее для человечества.

Бросив взгляд на графа д'Артигаса, Гэйдон, не говоря ни слова, направился в глубину аллеи; оба иностранца последовали за ним.

Пройдя всего несколько шагов, посетители оказались лицом к лицу с Томом Роком.

Больной не заметил их приближения и, даже когда они подошли вплотную, не обратил на них внимания.

Между тем капитан Спаде, не возбуждая ни в ком подозрений, тщательно обозревал окрестности и нижнюю часть парка Хелтфул-

Хауса, где был расположен флигель № 17. Поднимаясь по аллее, он заметил верхушки мачт, видневшиеся над оградой. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы узнать мачты «Эббы» и убедиться, что с этой стороны наружная стена огибала правый берег реки Ньюс.

Тем временем граф д'Артигас внимательно разглядывал французского изобретателя. Здоровье этого человека, еще полного сил, по-видимому, нисколько не пострадало от заключения, длящегося уже полтора года. Но его странная поза, бессмысленные жесты, блуждающий взгляд, безразличие ко всему окружающему слишком явно указывали на полное расстройство умственных способностей.

Присев на скамью, Тома Рок кончиком трости нарисовал на песке аллеи чертеж крепости. Затем, встав на колени, насыпал по краям кучки песку, очевидно, изображавшие бастионы. После этого, сорвав несколько листьев с ближайшего деревца, он воткнул их по очереди в каждую кучку наподобие крошечных флажков; все это он проделал с самым серьезным видом, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих.

Рок играл в детскую игру, но с серьезностью и важностью, не свойственной ребенку.

— Неужели он совсем сошел с ума? — спросил граф д'Артигас, в тоне которого, несмотря на обычную невозмутимость, послышалось разочарование.

— Я предупреждал вас, граф, что от него ничего нельзя добиться, — ответил директор.

— Нельзя ли сделать так, чтобы он обратил на нас внимание?

— Это довольно трудно, — возразил директор, обернувшись к зрителю. — Попробуйте заговорить с ним, Гэйдон, может быть, на ваш голос он откликнется?

— Мне он ответит, господин директор, будьте покойны, — сказал Гэйдон.

Затем, тронув за плечо своего подопечного, он ласково позвал:

— Тома Рок!

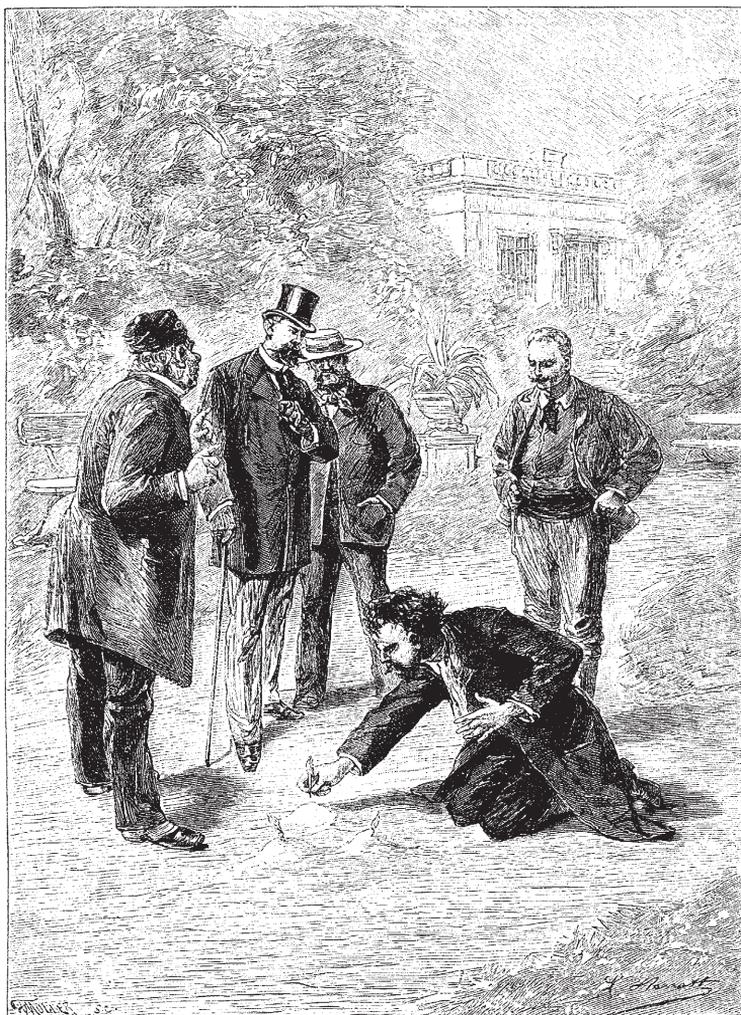
Помешанный поднял голову и взглянул на зрителя; ясно было, что из всех присутствующих он видел только его, хотя граф д'Артигас, директор и подошедший капитан Спаде стояли тут же, рядом.

— Тома Рок! — повторил Гэйдон по-английски. — Вот два иностранца, которые хотели вас повидать... Они интересуются вашим здоровьем... вашими работами...

Последние слова как будто заставили изобретателя выйти из состояния вялого безразличия.

— Моими работами?.. — переспросил он на английском языке, который знал, как родной.

Схватив камешек и зажав между большим и указательным пальцами, он швырнул его, как мальчишка, в одну из кучек песку и сбил ее. У него вырвался радостный крик:

Рок играл в детскую игру, но с серьезностью и важностью, не свойственной ребенку.

— Разрушен!.. Бастион разрушен!.. Мое взрывчатое вещество с одного выстрела уничтожило все!

Тома Рок выпрямился, его глаза сверкали торжеством.

— Вы видите, — заметил директор, обращаясь к графу, — его никогда не покидает мысль об изобретении...

— И она умрет вместе с ним, — добавил зритель.

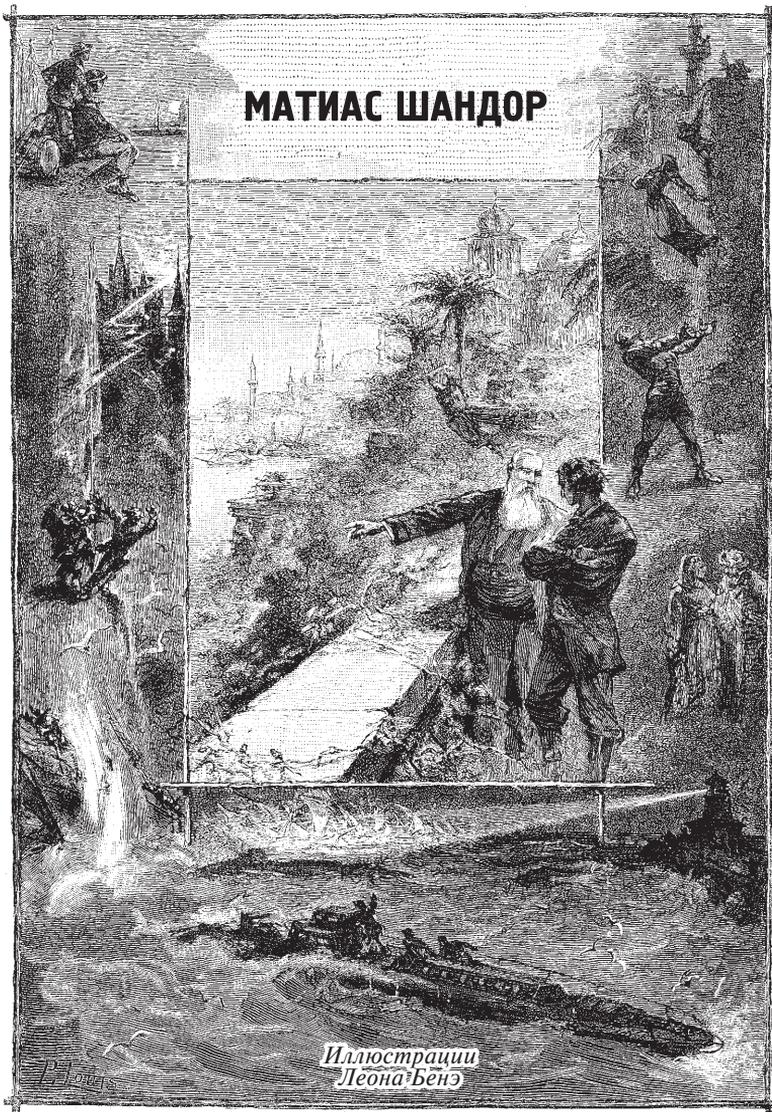
— Вы не могли бы, Гэйдон, привести его на разговор о фульгураторе?

*...тронув за плечо своего подопечного, он ласково позвал:
— Тома Рок!*

- Если прикажете, господин директор... я попытаюсь...
- Попробуйте, я думаю, что это заинтересует графа д'Артигаса...
- Разумеется, — подтвердил граф, сохраняя холодное непроницаемое выражение лица и ничем не выдавая волновавших его чувств.
- Должен вас предупредить, что это может вызвать новый припадок, — возразил смотритель.
- Вы оборвете разговор, как только сочтете нужным. Скажите Року, что иностранный гость желает побеседовать о покупке фульгуратора.

МАТИАС ШАНДОР

Иллюстрации
Леона Бенэ

Александрю Дюма

Посвящаю эту книгу Вам и одновременно памяти гениального рассказчика, коим был Ваш отец Александр Дюма. В этом сочинении я попытался сделать из Матиаса Шандора Монте-Кристо «Необыкновенных путешествий». Прошу Вас принять это посвящение в знак моей искренней дружбы.

Жюль Верн

Ответ Александра Дюма
23 июня 1885 г.

Дорогой друг.

Я тронут Вашим решением посвятить мне «Матиаса Шандора». Я приступлю к чтению этой книги немедленно по возвращении в пятницу или в субботу. Думаю, Вы правы, решив объединить в посвящении память об отце и дружбу с сыном. Никто не пришел бы в больший восторг при чтении Ваших ярких, оригинальных и увлекательных фантазий, чем автор «Графа Монте-Кристо». Между Вами есть явное литературное родство и в этом смысле. Вы, говоря литературным языком, — больше его сын, чем я. Я, в свою очередь, так давно люблю Вас, что готов быть Вашим братом.

Благодарю за Вашу привязанность и уверяю в который раз, что моя не менее горяча.

Александр Дюма

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

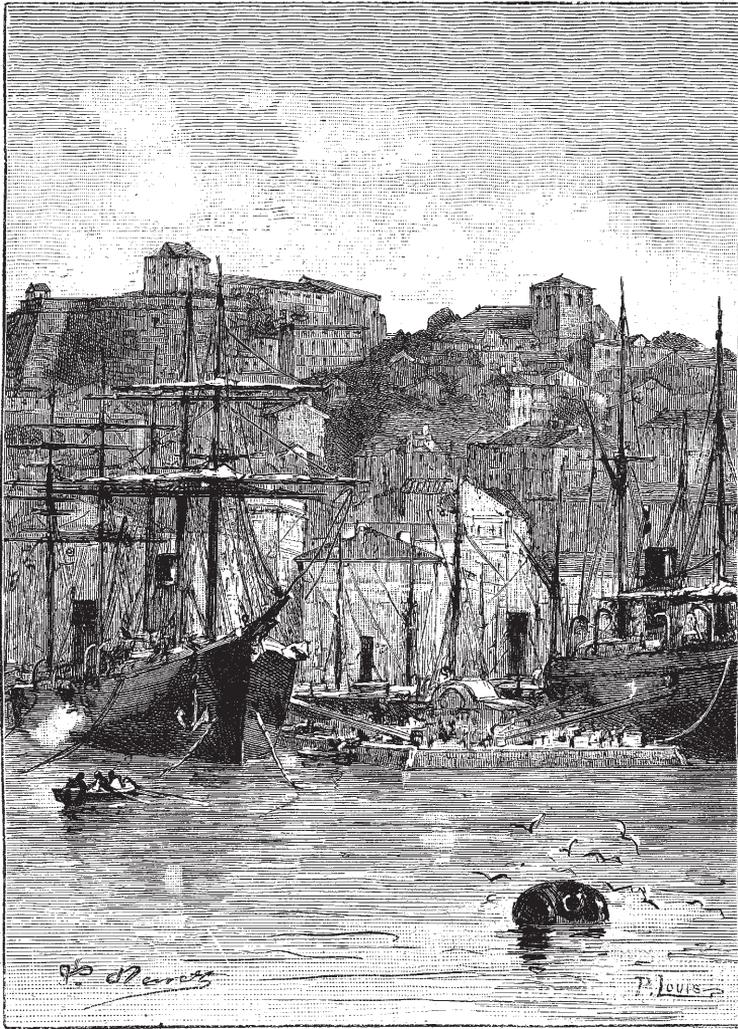
Глава I

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

Триест, столица Иллирии, распадается на два совсем непохожих города: богатый новый город — Терезиенштадт, с прямыми, широкими улицами, на берегу залива, где с давних пор обосновался человек, и бедный старый город, построенный кое-как, зажатый между широкой улицей Корсо, отделяющей его от нового города, и склонами невысокой горы Карст, вершину которой украшает старинная крепость.

Триестский порт защищен молом Сан-Карло, возле которого стоят на якоре преимущественно торговые суда. Здесь околачивается множество бродяг, не имеющих ни кола ни двора, одетых в драные штаны, жилеты и куртки, не нуждающиеся ни в каких карманах, ибо у их владельцев никогда не было и, вероятно, никогда не будет, чем их наполнить; порой эти оборванцы собираются в довольно многочисленные шайки, наводящие страх на местных жителей.

В этот день, 18 мая 1867 года, среди множества бродяг можно было заметить двух человек, одетых немного лучше других. Однако их тоже вряд ли когда-либо обременяло излишнее количество флоринов или крейцеров, для этого им должно было бы улыбнуться счастье. И, право, эти двое готовы были на все, лишь бы заставить его улыбнуться!

Триест

Один из них, по имени Саркани, говорил, что родился в Триполитании. Другой — Зироне — был выходцем из Сицилии. Путники раз десять прошлись по молу туда и обратно и, наконец, остановились на самом его конце. Они пристально смотрели на запад в морскую даль, как будто ждали, что там появится судно, везущее им богатство!

— Который час? — спросил Зироне по-итальянски; его спутник так же свободно владел этим языком, как и другими наречиями, распространенными на берегах Средиземного моря.

Саркани не ответил.

— Ах я дурак! — воскликнул сицилиец. — Ведь теперь как раз тот час, когда человеку хочется есть, особенно если он забыл позавтракать!

В этой части Австро-Венгерского государства люди австрийского, итальянского и славянского происхождения так перемешались, что дружба двух иностранцев, которые были несомненно чужаками в этом городе, не могла никому показаться странной. К тому же, если их карманы и были пусты, никто не мог об этом догадаться, так важно они расхаживали в своих длинных коричневых плащах.

Младший из них, Саркани, был стройный молодой человек среднего роста, с изящными манерами, лет двадцати пяти. Его звали Саркани — и все. Иного имени он не имел. Вероятно, он даже не был крещен, так как, по-видимому, родился в Африке — в Триполи или Тунисе; но хотя у него и была смуглая кожа, правильные черты лица скорее указывали на арабское, чем на негритянское происхождение.

Вряд ли когда-либо встречалась на свете более обманчивая внешность! Только очень проницательный наблюдатель мог бы разгадать, какое глубокое коварство таится в этом красивом лице с большими черными глазами, тонким носом и хорошо очерченным ртом, опущенным темными усиками. Пожалуй, никто бы не разглядел в этих бесстрастных чертах тайной ненависти и презрения, свидетельствующих о постоянных злоумышлениях против общества. Хотя физиономисты утверждают (и в большинстве случаев справедливо), что всякий обманщик, несмотря на всю свою ловкость, когда-нибудь да выдаст себя, Саркани был несомненно исключением из этого правила. Глядя на него, никто не заподозрил бы ни кто он такой, ни кем он был раньше. Он не вызывал того невольного отвращения, какое возбуждают в нас мошенники и воры. Тем он был опаснее.

Как прошли детские годы Саркани? Этого никто не знал. Вероятно, он был совсем заброшенным ребенком. Кто и как его воспитывал? В какой дыре ютился он первые годы своей жизни в Триполитании? Чьи заботы оградили мальчика от многочисленных опасностей, подстерегавших его в этой дикой стране? По правде сказать, на эти вопросы никто не мог бы ответить, вероятно, даже он сам, — родился он по воле случая, рос по воле случая и был обречен жить по воле случая! Однако за время своей юности он кое-чему научился, вернее, приобрел практические навыки, так как ему с ранних лет пришлось колесить по свету, встречаться со всевозможными людьми, пускаться на всякие уловки, чтобы не умереть с голоду. И вот, по прихоти судьбы, несколько лет тому назад он вошел в сношения с одним из самых богатых домов Триеста — с домом банкира Силаса Торонталья, имя которого неразрывно связано с нашим рассказом.

Спутник Саркани — итальянец Зироне — был из тех людей без стыда и совести, которые всегда готовы участвовать в грязном деле или оказать любую услугу тому, кто хорошо заплатит, и тут же перейти

Мол Сан-Карло

на сторону того, кто заплатит еще лучше. Этому выходцу из Сицилии было лет тридцать; ему ничего не стоило подстрекнуть человека на злое дело или послушаться дурного совета и с охотой привести его в исполнение. Где он родился? Быть может, он бы и ответил, если бы только знал сам. Во всяком случае, он неохотно сообщал, где живет, даже когда у него и было жилье. Скитаясь по Сицилии, он случайно встретился с Саркани. С тех пор они вместе бродили по свету, стараясь правдами или неправдами набить себе карманы. Зироне, рослый,

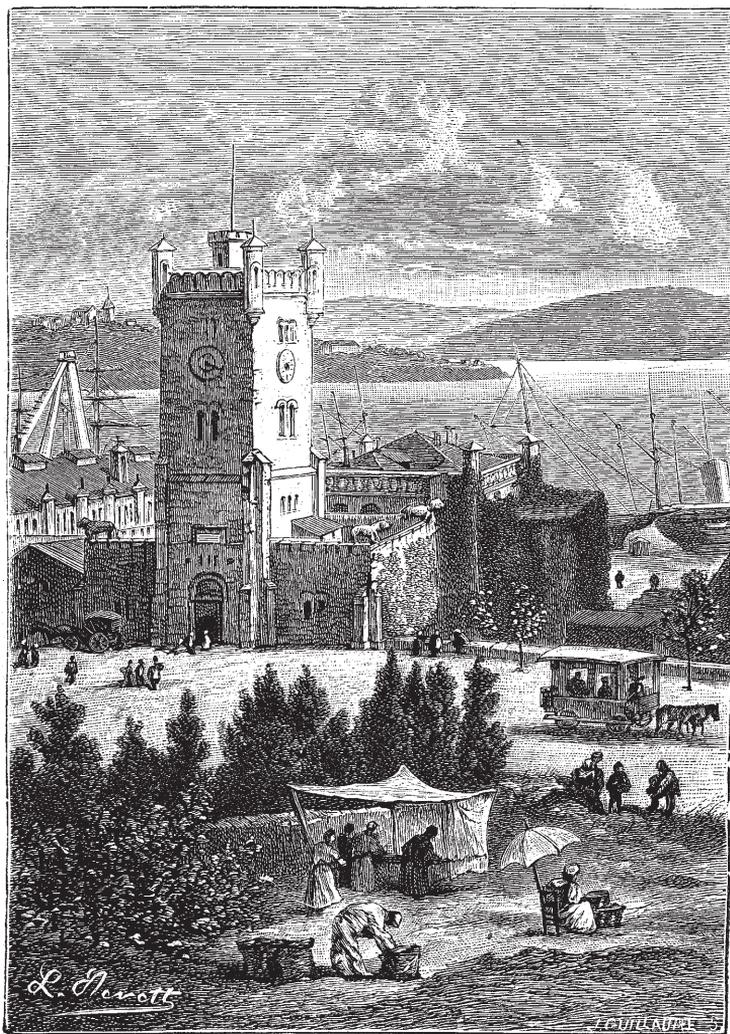
бородатый детина, с очень смуглым лицом и черными как смоль волосами, был человеком себе на уме; его врожденную хитрость выдавали всегда прищуренные глаза и манера лукаво покачивать головой. Свое коварство он пытался спрятать под напускной болтливостью. Впрочем, он обладал скорее веселым нравом и был настолько же развязен, насколько его молодой спутник сдержан и молчалив.

На этот раз Зироне болтал меньше, чем всегда. Видно, его тревожила мысль об обеде. Накануне, когда Саркани сел за карты в каком-то грязном притоне, удача окончательно отвернулась от них, и они оказались совсем на мели. Теперь оба не знали, за что взяться. Они могли надеяться только на счастливый случай, а так как этот покровитель босяков не спешил им навстречу на молу Сан-Карло, то они решили сами поискать его на улицах нового города.

Там, на проспектах и площадях, на набережных и бульварах, в порту и прилегающих к нему кварталах, на берегах большого канала, пересекающего Триест, толпятся, снуют туда-сюда, спешат, суетятся, бегут по своим делам обитатели этого города, насчитывающего семьдесят тысяч жителей итальянского происхождения, и их венецианский говор смешивается с многоязычным говором моряков, купцов, чиновников и разных должностных лиц, которые вносят в этот разноголосый концерт звуки немецкого, английского, французского и славянских языков.

Но как ни богат новый город, не следует думать, что все встречные и поперечные на его улицах непременно люди состоятельные. Нет! Даже самые зажиточные из его жителей не могут тягаться с английскими, армянскими, греческими и еврейскими купцами, занимающими самое высокое положение в Триесте и чьи роскошные дома ничуть не уступают лучшим домам австро-венгерской столицы. Но, помимо них, сколько несчастных бедняков с утра до вечера бродят по богатым торговым улицам, мимо запертых, подобно несгораемым шкапам, высоких зданий, где заключают всевозможные торговые сделки многие дельцы, съехавшиеся в этот порт, так удачно расположенный в самом сердце Адриатики! Сколько оборванцев, которым не пришлось позавтракать и вряд ли удастся пообедать, толпятся вокруг причалов, где с судов, принадлежащих самой могущественной в Европе мореходной компании «Австрийский Ллойд», выгружают несметные богатства, привезенные со всех концов света! Сколько жалких бродяг, каких мы видим сотни в Лондоне, Ливерпуле, Марселе, Гавре, Антверпене, Ливорно, сталкиваются здесь с богатыми судовладельцами, бродя возле складов, куда им вход воспрещен, возле Биржи, двери которой для них всегда заперты, у входа в Тергестеум, где «Ллойд» разместил свои конторы и приемные и где он ведет свои дела в полном согласии с Торговой палатой.

Известно, что во всех больших портовых городах Старого и Нового Света можно видеть совсем особую толпу обездоленных, встречающихся только в этих крупных центрах. Откуда они взялись, никто не знает. Что они пережили — никому нет дела. Что с ними будет —

Здание мореходной компании «Австрийский Ллойд»

они и сами не ведают. Среди них довольно много людей опустившихся и немало иностранцев. Железные дороги и торговые суда выбросили их словно тюки с негодным товаром, и они всем мешают, нарушая нормальную жизнь города, откуда полиция тщетно старается их изгнать.

Итак, Саркани и Зироне, последний раз окинув взглядом бухту с маяком на мысу Святой Терезы, покинули мол и, пройдя между зданием «Театро Коммунале» и сквером, вышли на Пьяцца Гранде; с чет-

верть часа они прогуливались у подножия памятника Карлу VI возле фонтана, сложенного из камня, добытого на ближней горе Карст.

Затем они свернули налево. Зироне так внимательно приглядывался к прохожим, как будто испытывал непреодолимое желание их обобрать. Они подошли к громадному квадратному зданию Тергестеума как раз в час закрытия Биржи.

— Сейчас на Бирже пусто, как у нас в кармане! — воскликнул, смеясь, Зироне, хотя ему было вовсе не до смеха.

Но равнодушный Саркани, казалось, даже не слышал плоской остроты своего спутника, который поеживался и зевал от голода.

Они пересекли треугольную площадь, на которой возвышалась бронзовая статуя императора Леопольда I. Зироне свистнул, словно уличный мальчишка, и перед ним взлетела стая сизых голубей, которые обычно воркуют под портиком старой Биржи, подобно серым голубям, живущим под аркадами Прокураций на площади Святого Марка в Венеции. Здесь начиналась улица Корсо, отделяющая старый Триест от нового.

Они двинулись по этой широкой, но довольно неприглядной улице, с бойко торгующими, но безвкусно отделанными магазинами, скорей напоминающей Риджент-стрит в Лондоне или Бродвей в Нью-Йорке, чем Итальянский бульвар в Париже. По ней сновало множество прохожих и то и дело проезжали кареты, направляясь от Пьяцца Гранде к Пьяцца делла Ленья, — эти названия указывают на несомненное итальянское происхождение города.

Саркани шел с видом человека равнодушного ко всяким искушениям, но Зироне, проходя мимо магазинов, бросал на них жадные взгляды, как человек, который стремится, но не имеет возможности туда войти. А сколько там было вещей, в которых оба они так нуждались! Особенно соблазняли их лавки со съестными припасами или пивные, где пиво всегда льется рекой, больше, чем в любом другом городе Австро-Венгерского государства.

— На Корсо есть и пить хочется еще сильнее! — заметил Зироне и прищелкнул пересохшим языком, словно трещоткой.

В ответ Саркани только пожал плечами.

Они свернули в первую улицу налево, вышли к каналу возле подъемного моста Понто Россо и направились вдоль набережной, к которой могли приставать даже самые крупные морские суда. Тут приятелей больше не соблазняли приманки, выставленные в витринах магазинов. Дойдя до церкви Сант-Антонио, Саркани внезапно свернул направо. Его спутник последовал за ним без всяких возражений. Они снова пересекли Корсо и углубились в старый город, узкие, непроезжие улочки которого карабкаются по склонам Карста и расположены таким образом, чтобы их не продувал жестокий ветер «бора» — ужасный ледяной северо-восточный ветер. В старом Триесте Саркани и Зироне, не имевшие ни гроша в кармане, чувствовали себя как дома, не то что в роскошных кварталах нового города.

Действительно, приехав в столицу Иллирии, они поселились в скромной гостинице, близ церкви Санта-Мария-Маджоре. Но так как хозяин, до сих пор не получивший от них ни флорина, все настойчивей требовал оплаты счета, который с каждым днем увеличивался, они обошли этот опасный риф, пересекли площадь и некоторое время прогуливались вокруг Арко ди Рикардо.

Однако они пришли сюда совсем не для осмотра этого памятника римской архитектуры. А так как счастливый случай все не подвертывался им и на этих безлюдных улицах, они отправились искать его на крутых тропинках, ведущих к старому собору, стоявшему на террасе почти у самой вершины Карста.

— И дернула же тебя нелегкая карабкаться наверх! — пробормотал Зироне, подбирая полы своего плаща.

Но он не покинул своего молодого товарища, и снизу можно было видеть, как они взбирались друг за другом на склоны Карста по лестницам, которые называются здесь улицами. Десять минут спустя они добрались до террасы, еще более голодные и усталые, чем раньше.

С этой высокой точки перед приятелями открылся великолепный вид: Триестский залив, уходящий в безбрежное море; оживленная гавань, где сновали рыбацьи лодки и медленно двигались громадные пароходы и торговые суда; большой город, раскинувшийся у их ног, со всеми его пригородами, маленькими домиками, громоздившимися по склону, и красивыми виллами, разбросанными на холмах. Однако это зрелище не восхищало приятелей. Они уже повидали на своем веку немало живописных мест, да к тому же не раз гуляли здесь и раньше, спасаясь от скуки и безделья. Зироне, во всяком случае, предпочел бы слоняться перед заманчивыми витринами на Корсо. Но раз уж они залезли так высоко в погоне за счастливым случаем, оставалось только терпеливо его дожидаться.

У самой лестницы, выходящей на террасу, возле византийского собора Святого Юста есть огороженное место, бывшее кладбище, ставшее музеем старины. Там не сохранилось могил, кругом валяются лишь каменные обломки старых надгробных памятников: разбитые римские стелы и средневековые столбы, куски триглифов и разных украшений эпохи Возрождения, черепки разбитых урн со следами пепла — все эти осколки старины лежат вперемешку в траве, у подножия прекрасных деревьев.

Калитка кладбища была не заперта. Саркани толкнул ее и вошел, а за ним и Зироне, который меланхолически заметил:

— Вот самое подходящее место для самоубийства.

— А что, если бы тебе предложили покончить с собой? — насмешливо спросил Саркани.

— Ну нет, приятель, я бы отказался наотрез! Пусть у меня будет всего один счастливый день в неделю, с меня и этого довольно.

— Ты его получишь, и даже больше!

— Да услышат тебя все святые Италии, а их здесь, клянусь Богом, насчитывают целые сотни!

— Ну идем!

Они прошли по полукруглой аллее, между двумя рядами урн и уселись на лежащей в траве огромной каменной розетке.

Сначала они молчали, что было по душе Саркани, но совсем не устраивало его спутника. Подавляя зевоту, Зироне вскоре сказал:

— Черт подери! Счастливый случай что-то не торопится, а мы-то сдуру так надеялись на него!

Саркани промолчал.

— Что за дурацкая затея искать его среди этих развалин! Боюсь, что мы дали маху, приятель! За каким чертом ползет он сюда на это старое кладбище? Когда души покинули свою земную оболочку, он им больше не нужен. И когда я буду тут лежать, мне тоже будет наплевать на запоздавший обед или пропущенный ужин. Идем-ка отсюда!

Но Саркани, погруженный в свои мысли, сидел с отсутствующим видом и не двинулся с места.

Несколько минут Зироне молчал, но вскоре на него напала обычная болтливость.

— Саркани, — начал он, — знаешь, в каком обличье мне больше всего хотелось бы повстречать счастливый случай, который, кажется, забыл своих старых клиентов? В образе кассира из банка Торонталья, который явился бы сюда с портфелем, набитым банковскими билетами, и передал бы нам сей портфель от имени упомянутого банкира, рассыпаясь в извинениях за то, что заставил нас ждать!

— Слушай, Зироне, — ответил Саркани, сердито хмурия брови, — в последний раз говорю тебе, что нам нечего больше ждать от Силаса Торонталья.

— Ты уверен?

— Да! Кредит, которым я у него пользовался, теперь исчерпан, и на мою последнюю просьбу он ответил решительным отказом.

— Плохо дело!

— Очень плохо, но это именно так.

— Ладно, допустим, что сейчас твой кредит исчерпан, но раньше ты ведь пользовался кредитом? А на чем он был основан? На том, что ты не раз отдавал свой ум и способности банку Торонталья для выполнения разных... щекотливых дел. Вот почему первые месяцы после нашего приезда Торонталь был не слишком прижимист. Не может быть, чтобы ты и сейчас не держал в руках каких-нибудь нитей, а если ему пригрозить...

— Если бы дело стало только за этим, оно давно было бы на мази, — пожал плечами Саркани, — и ты не бегал бы в поисках обеда! Нет, черт возьми! Я не держу Торонталья в руках, но если это когда-нибудь случится, уж я сорву с него хороший куш и заставлю его выплачивать мне проценты и проценты на проценты с тех денег, в каких он мне сейчас отказывает! Вдобавок я подозреваю, что дела его банка по-

Саркани и Зироне

следнее время немного запутались, он вложил большие суммы в сомнительные предприятия. Несколько крупных банкротств, произошедших в Германии — в Берлине и Мюнхене, — отразились и на банках Триеста, и что бы ни говорил Силас Торнталь при нашем последнем свидании, мне показалось, что он чем-то встревожен. Надо дать воде замутиться, а в мутной воде...

— Пусть так, но пока у нас осталась только чистая вода для питья! Послушай, Саркани, мне кажется, надо еще разок попытаться выжать

что-нибудь из Торонто! Последний раз постучаться в его кассу и добыть хотя бы денег на дорогу в Сицилию через Мальту...

— А что нам делать в Сицилии?

— Это уж моя забота! Я хорошо знаю страну и могу набрать по дороге шайку мальтийцев, смелых ребят, без предрассудков, с которыми можно пуститься на любые дела. Тысяча чертей! Чем тут сидеть на мели — лучше уедем и заставим этого проклятого банкира оплатить нам дорожные расходы! Хотя ты и мало знаешь о его делах, кое-что ты знаешь, и он будет рад, если ты уберешься подальше от Триеста!

Саркани покачал головой.

— Черт возьми! Дальше это не может продолжаться! Ведь этот можно подохнуть с голоду!

Он встал и сердито топнул ногой о землю, словно она была ему злой мачехой и не желала его кормить.

В эту минуту глаза его остановились на птице, тяжело летевшей за оградой кладбища. Это был голубь; он с трудом махал усталыми крыльями и постепенно опускался все ниже к земле.

Зироне, не задумываясь над тем, к какой из ста семидесяти семи пород голубей, известных орнитологам, принадлежит эта птица, сразу решил, что она относится к разряду съедобных. Вот почему, указав на нее своему спутнику, он стал жадно следить за ней.

Голубь, по-видимому, совсем выбился из сил. Он пытался отдохнуть, присев на выступ в стене старого собора, к которому примыкала высокая, квадратная, еще более старинная башня. Но, окончательно обессилив, он опустился ниже и сел на крышу над небольшой нишей, где стояла статуя святого Юста; вскоре его ослабевшие лапки разжались, и он соскользнул на капитель античной колонны, стоявшей между башней и фасадом собора.

Саркани по-прежнему сидел задумавшись и перестал следить за птицей, но Зироне не спускал с нее глаз. Голубь прилетел с севера. Как видно, он проделал далекий путь, и силы его истощились. А в то же время инстинкт толкал его вперед, к какой-то отдаленной цели; поэтому он снова взлетел, но, описав в воздухе дугу, вынужден был опуститься и скрылся в ветвях одного из деревьев кладбища.

Тут Зироне решил его поймать и осторожно пополз по траве к дереву. Вскоре он добрался до подножия толстого, узловатого ствола, по которому мог бы легко вскарабкаться на вершину. Он застыл на месте, молчаливый и неподвижный, как собака на стойке, ожидая, когда дичь взлетит на дерево и спрячется в ветвях у него над головой.

Голубь не заметил Зироне и попытался продолжать полет, но силы вновь покинули его, и он упал на землю в нескольких шагах от дерева.

Броситься вперед, протянуть руку и схватить птицу было для сицилийца делом одной секунды. Он собирался тут же задуть бедняжку, но вдруг вскрикнул от удивления и вернулся к Саркани.

— Почтовый голубь, — сказал он.

— Ну что ж! Этот почтальон, видно, совершил свое последнее путешествие!

— Конечно, и тем хуже для тех, кому он нес эту записку под крылом!

— Записку? — воскликнул Саркани. — Погоди, Зироне, погоди! Если так, дадим ему отсрочку.

И он остановил руку своего товарища, собиравшегося уже свернуть пленнику шею. Затем, взяв мешочек, который Зироне достал из-под крыла птицы, открыл его и вынул зашифрованную записку.

В записке было всего восемнадцать слов, написанных в три колонки, следующим образом:

з	ц	и	ф	н	у	и	с	й	т	ч	у	о	е	х	и	в	р
с	и	г	д	к	н	ы	у	е	л	м	с	и	о	е	т	т	ж
о	и	ш	е	в	к	о	н	и	в	в	п	о	ш	з	я	а	г
в	э	а	а	и	ь	л	н	а	о	д	а	р	и	е	в	й	о
к	з	т	я	с	и	т	л	н	с	г	о	с	м	п	в	с	и
е	о	н	р	а	м	с	и	у	п	в	с	е	а	д	н	ж	р

Откуда была послана записка и кому она предназначалась? Об этом не говорилось ни слова. А разве можно разгадать эти восемнадцать слов, состоящих из равного количества букв, не зная шифра? Вряд ли! Для этого надо быть очень ловким отгадчиком; к тому же неизвестно, можно ли ее вообще расшифровать!

Саркани был очень разочарован и в замешательстве смотрел на криптограмму, в которой ничего не понимал. Быть может, в записке содержатся важные и даже компрометирующие кого-нибудь сведения? Весьма вероятно, судя по тому, какие предосторожности были приняты, чтобы ее не могли прочесть, если она попадет в чужие руки. Уж если записку не захотели доверить ни почте, ни телеграфу, а воспользовались необыкновенным инстинктом почтового голубя, чтобы ее переслать, значит, речь шла о деле, которое хотели сохранить в абсолютной тайне.

— А вдруг в этой записке содержится такая тайна, которая могла бы принести нам богатство, — заметил Саркани.

— Так, значит, счастливый случай, за которым мы гонялись все утро, прилетел к нам в виде этого голубя! — воскликнул Зироне. — Черт возьми! А я-то чуть его не задушил! Впрочем, самое главное — захватить послание, а посланца можно с успехом сварить...

— Не спеши, Зироне, — ответил Саркани, еще раз спасая голубю жизнь, — птица поможет нам узнать, кому послана записка, если, конечно, этот человек живет в Триесте.

— Ну а потом? Она не поможет тебе ее прочесть!

— Нет.

— И ты не узнаешь, откуда ее послали.

— Конечно. Но если мне удастся найти одного из корреспондентов, быть может, я смогу разыскать и второго. Значит, вместо того чтоб убивать эту птицу, надо помочь ей восстановить свои силы и долететь до места назначения.

Голубь упал на землю.

— С запиской?

— Да, с запиской. Но сперва я сниму с нее точную копию и спрячу до того времени, когда она сможет мне пригодиться.

Саркани, вынув из кармана записную книжку и карандаш, тщательно переписал записку. Зная, что в криптограммах нельзя упускать ни одной мелочи, он постарался точно сохранить расстановку слов и букв. Затем спрятал копию в карман, а записку вложил в мешочек и снова привязал под крылом голубя.

Зироне следил за ним, по-видимому, не разделяя надежд, которые его товарищ возлагал на этот неожиданный случай.

— А теперь? — спросил он.

— Теперь позаботься о посланце и помоги ему оправиться.

В самом деле, голубь обессилел скорее от голода, чем от усталости. Крылья его были невредимы, на них не видно было ни переломов, ни ушибов, значит, его слабость не была вызвана ни свинцовой дробинкой охотника, ни камнем, брошенным скверным мальчишкой. Он просто хотел есть, а еще больше пить.

Зироне нашел на земле несколько червячков, насекомых и зернышек, и голубь с жадностью их проглотил; затем, подобрав черепок старинной урны, в котором осталось несколько капель воды после дождя, Зироне напоил его. Не прошло и получаса, как отдохнувший и подкрепившийся голубь был уже в состоянии продолжать свое прерванное путешествие.

— Если ему предстоит далекий путь, — заметил Саркани, — и место его назначения где-то за пределами Триеста, тогда нам все равно, долетит ли он или свалится по дороге, ведь мы скоро потеряем его из виду. Если же он летит в один из триестских домов, то у него хватит сил до него добраться, ибо ему осталось лететь всего одну-две минуты.

— Ты совершенно прав, — ответил Зироне. — Но сможем ли мы проследить за ним до того места, где он сядет, даже если он не улетит за пределы города?

— Ну что ж, постараемся сделать все, что в наших силах.

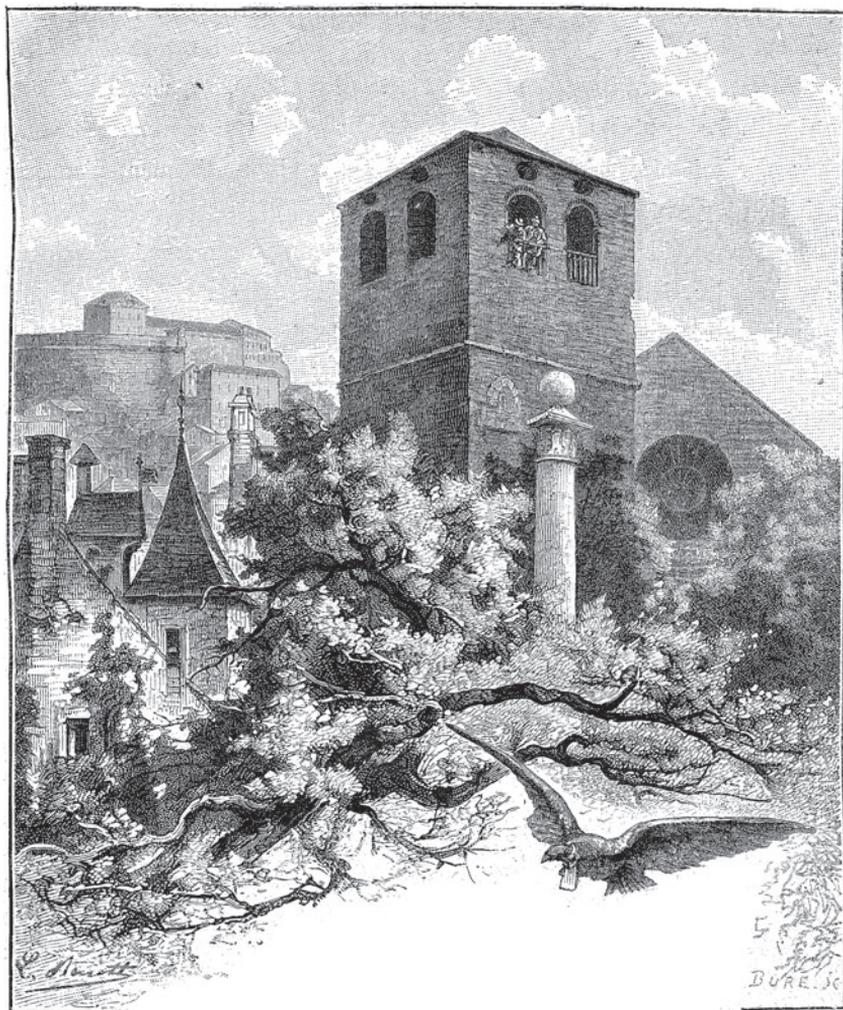
И вот что они сделали.

К романскому собору, имевшему два придела, посвященные Богоматери и покровителю Триеста святому Юсту, примыкает высокая башня; она стоит вплотную к фасаду, где под большим круглым окном, с резным каменным переплетом, находится главный вход в здание. Эта башня господствует над всей Карстской возвышенностью, и город раскинулся под ней словно рельефная карта. С этой высокой точки легко разглядеть многочисленные крыши города, от самых склонов горы до берегов бухты. Значит, если выпустить голубя с верхушки башни, может быть, удастся проследить за его полетом и разглядеть, в какой дом он опустится, если только он летит в Триест, а не в какой-либо другой город на Иллирийском полуострове.

Возможно, что они добьются успеха. Во всяком случае, стоило попытаться. Оставалось только выпустить голубя на свободу.

Саркани и Зироне покинули старое кладбище, пересекли небольшую лужайку перед церковью и направились к башне. Одна из маленьких стрельчатых дверей под античным карнизом — та, что находилась под нишей со статуей святого Юста, — была открыта. Войдя в нее, они стали подниматься по крутым ступенькам винтовой лестницы.

Минуты через три они очутились под самой крышей башни; наверху не было открытой площадки, но два окна в стенах башни позволяли охватить взглядом весь горизонт — и холмы и море.

Наверху не было открытой площадки, но два окна в стенах башни позволяли охватить взглядом весь горизонт — и холмы и море.

Саркани и Зироне стали перед окном, выходящим на северо-запад; внизу раскинулся Триест.

В эту минуту часы на башне старинного замка шестнадцатого века, стоявшего на вершине Карста позади собора, пробили четыре. Было еще совсем светло. Воздух был чист и прозрачен, солнце только начало склоняться к водам Адриатики, и городские дома, обращенные фасадами к башне, были ярко освещены.

Итак, все складывалось как нельзя лучше.

Саркани взял в руки голубя, покровительственно погладил его напоследок и выпустил на волю.

Птица забила крыльями, но сперва стала быстро опускаться вниз, и казалось, что воздушный гонец закончит свой путь ужасным падением.

Несдержанный сицилиец невольно вскрикнул с досады.

— Нет! Он поднимается! — возразил Саркани.

И в самом деле, над землей голубь выровнял свой полет и, описав петлю, устремился к северо-западной части города.

Саркани и Зироне следили за ним, не отрывая глаз.

Выбрав нужное направление, птица, подчиняясь своему чудесному инстинкту, летела без всяких колебаний. Чувствовалось, что она стремится прямо к цели, туда, где она была бы уже час тому назад, если бы не эта вынужденная остановка под деревьями старого кладбища.

Саркани и его приятель продолжали следить за голубем с напряженным вниманием. Они спрашивали себя, не собирается ли он вылететь за черту города, что расстроило бы все их планы.

Но этого не случилось.

— Я его вижу! Я его вижу! — восклицал Зироне, обладавший на редкость острым зрением.

— Главное, надо приметить, куда он сядет, и точно определить, где находится это место.

Через несколько минут голубь опустился на крышу дома с высоким острым коньком, среди группы деревьев, в той части города, где расположена больница и городской сад. Он тут же исчез в слуховом окне мансарды, хорошо заметном издали, так как над ним поднимался ажурный металлический флюгер, который, будь Триест фламандским городом, наверняка оказался бы творением Квентина Метсу.

Теперь, установив основное направление, они думали, что будет не слишком трудно отыскать по резному флюгеру высокий конек крыши со слуховым окном, а затем и дом, где жил человек, которому предназначалось послание.

Саркани и Зироне сразу двинулись в путь и, спустившись по склону Карста, углубились в переулочки, ведущие к Пьяцца делла Ленья. Они старались не сбиться с направления и выйти к группе домов, образующих западный квартал города.

Дойдя до пересечения двух крупных городских артерий: улицы Корса-Стадион, ведущей к городскому саду, и Акведотто, красивой, обсаженной деревьями аллеи, выходившей к большому ресторану Боскетто, приятели остановились в нерешительности. Куда теперь свернуть — направо или налево? Они инстинктивно выбрали правую улицу, решив обследовать на ней один за другим все дома, пока не найдут того, над которым приметили флюгер, поднимающийся над группой деревьев.

Так шли они по Акведотто, внимательно разглядывая крыши домов, но все не находили той, которую искали, пока не дошли до самого конца улицы.

— Вот она! — воскликнул вдруг Зироне.

Саркани и Зироне следили за ним, не отрывая глаз.

И он указал на крышу, над которой торчал на железном шпиле флюгер, скрипевший на ветру; под ним виднелось слуховое окно с летающими вокруг голубями.

Тут не могло быть ошибки. Именно сюда спустился почтовый голубь.

Небольшой скромный дом стоял среди группы домов в самом начале улицы Акведотто.

Саркани навел справки у лавочников по соседству и вскоре разузнал все, что ему было нужно.

Этот дом уже много лет принадлежал жившему в нем графу Ладиславу Затмару.

— Кто такой граф Затмар? — спросил Зироне, которому это имя ничего не говорило.

— Как кто? Граф Затмар!

— Но ведь мы могли бы расспросить...

— Потом, Зироне, незачем спешить! Выдержка и спокойствие. А теперь пойдем к себе в гостиницу.

— Да! Теперь как раз время обеда для тех, кто может себе позволить сесть за стол! — иронически заметил Зироне.

— Если мы сегодня и не пообедаем, то весьма возможно, что пообедаем завтра.

— У кого?

— Как знать, Зироне, быть может, у графа Затмара!

Они отправились не торопясь — к чему спешить? — и вскоре пришли в свою дешевую и все же слишком роскошную для них гостиницу, раз им нечем было заплатить за ночлег.

Какой их ожидал сюрприз! На имя Саркани только что прибыло письмо.

В конверт был вложен кредитный билет на двести флоринов и коротенькая записка, всего несколько слов:

«Больше вы от меня ничего не получите. Этих денег вам хватит, чтобы добраться до Сицилии. Уезжайте, и чтобы я никогда о вас не слышал.

Силас Торнталь».

— Ура! — крикнул Зироне. — Банкир все-таки одумался и очень кстати! Право, никогда не надо отчаиваться, если имеешь дело с денежными тузами!

— И я так думаю, — ответил Саркани.

— Значит, теперь у нас есть деньги и мы можем уехать из Триеста?

— Нет, мы можем остаться.

Глава II

ГРАФ МАТИАС ШАНДОР

Венгры, или мадьяры, поселились в Венгрии в IX веке христианской эры. В настоящее время они составляют третью часть всего населения страны — более пяти миллионов человек. Являются ли венгры потомками испанцев, египтян или татар, произошли ли они от гуннов Аттилы или северных финнов — вопрос спорный. Да нам это и не важно. Однако следует подчеркнуть, что они не славяне и не немцы и, по-видимому, вовсе не желают онемечиваться.

В XI веке венгры приняли католичество, которому остались верны до сих пор, и не раз показали себя ревностными католиками. Говорят они на своем древнем языке, на мягком, благозвучном языке своих предков, так хорошо передающем всю прелесть поэзии, и хотя он менее богат, чем немецкий, зато более краток и энергичен; в XIV и XVI веках он заменил латынь, употребляемую в законах и уложениях, и вскоре стал национальным языком.

Но 21 января 1699 года по Карловицкому договору Венгрия и Трансильвания были присоединены к Австрии.

Двадцать лет спустя было торжественно объявлено, что Австро-Венгерское государство останется навеки неделимым. За неимением сына наследницей престола могла стать дочь, по праву первородства. Благодаря этому новому закону в 1749 году на трон взошла Мария Терезия, дочь Карла VI, последнего отпрыска мужской ветви Австрийского дома.

Венгры были вынуждены склониться перед силой; однако и полтора десятилетия спустя во всех слоях общества встречалось немало людей, не признававших ни объединения с Австрией, ни Карловицкого договора.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, в Венгрии жил мадьяр весьма знатного рода, которым всю жизнь владели два чувства: ненависть ко всему немецкому и надежда вернуть родине ее былую независимость. Он был еще молод, не раз встречался с Кошутом, и хотя вследствие своего происхождения и воспитания придерживался других политических взглядов, он искренне восхищался мужеством великого патриота.

Граф Матиас Шандор жил в Трансильвании, в округе Фагараш, в старинном феодальном замке. Этот замок, построенный на северных отрогах Восточных Карпат, отделяющих Трансильванию от Валахии, гордо возвышался над отвесной горной грядой во всей своей дикой красоте и казался неприступным убежищем заговорщиков, где они могли защищаться до последнего вздоха.

Хозяин замка Артенак получал крупные доходы от умелой разработки близлежащих рудников, богатых железной и медной рудой. В его владения входила часть округа Фагараш, в котором насчитывалось не менее семидесяти двух тысяч жителей. Население области — и горожане и крестьяне — было предано графу Шандору душой и телом и бесконечно благодарно ему за то добро, что он делал для всей округи. Вот почему его замок находился под особым наблюдением Венской канцелярии по венгерским делам, которая действовала совершенно независимо от других министерств империи. В высоких сферах знали о свободолюбивых идеях Шандора и были ими встревожены, хотя до поры до времени его и не трогали.

К этому времени Матиасу Шандору исполнилось тридцать пять лет. Широкоплечий, выше среднего роста, с гордо посаженной голо-

вой, он отличался крепким сложением и обладал большой физической силой. Его смуглое лицо, со слегка выдающимися скулами, представляло собой чисто мадьярский тип. Живость движений, четкость речи, спокойный и решительный взгляд, горячая кровь, струившаяся в его жилах и проявлявшаяся в легком трепете ноздрей и губ, часто мелькавшая улыбка — верный признак доброты, энергия, сквозившая и в словах и в жестах, — все свидетельствовало о прямой и великодушной натуре. Не раз замечали, что в характерах мадьяра и француза немало общих черт. Граф Шандор подтверждал это наблюдение.

Следует отметить еще одну важную черту графа Шандора: он был довольно снисходителен, когда затрагивали его интересы, и легко забывал причиненное ему зло, но никогда не прощал и не мог забыть оскорблений, нанесенных его друзьям. На редкость справедливый, он ненавидел всякое вероломство. Тут он проявлял необыкновенную стойкость и непреклонность. Граф был не из тех, кто предоставляет лишь Богу наказывать виновных на этом свете.

Добавим, что Матиас Шандор получил весьма солидное образование. Он не любил бездельничать, хотя его состояние вполне ему позволяло это; у него были другие вкусы, и он занялся физикой, химией и медицинскими науками. Из него вышел бы замечательный врач, если бы ему пришлось ухаживать за больными, но он предпочел стать химиком и пользовался большим уважением среди ученых. Он прошел курс наук в Пештском университете, Пресбургской академии, Хемницком горном училище и Темешварском высшем педагогическом училище и всюду выделялся своими успехами. Скромная жизнь и усиленные научные занятия развили и укрепили его природные дарования. Он стал человеком в самом высоком смысле этого слова. Вот почему все знакомые графа так ценили его, особенно профессора многих учебных заведений Австро-Венгрии, которые на всю жизнь остались его друзьями.

В прежние годы в замке Артенак царило веселье и оживление. Трансильванские охотники любили встречаться на этих суровых отрогах Карпатских гор. Они устраивали шумные и опасные облавы, в которых граф Шандор проявлял весь свой воинственный пыл, так как не принимал участия в политической борьбе. Он держался в стороне от политики, но пристально следил за ходом событий. Казалось, что жизнь графа проходит в научных занятиях и светских развлечениях. В эти годы графиня Рена Шандор была еще жива. Она была душой веселых собраний в замке Артенак. За полтора года до начала нашего рассказа жизнь графини внезапно оборвалась; она умерла в полном расцвете молодости и красоты, оставив маленькую дочь, которой теперь исполнилось два года.

Граф Шандор был глубоко потрясен этой утратой и никогда не мог с ней примириться. Замок затих и опустел. С той поры его владелец, погруженный в свое горе, вел жизнь отшельника. Он жил только для

маленькой дочке, которую поручил заботам Рожены Лендек, жены управляющего замком. Эта преданная, еще не старая женщина посвятила всю свою жизнь наследнице Шандора и заботилась о ней как родная мать.

Первые месяцы после смерти жены Матиас Шандор не покидал замка. Он искал уединения и жил воспоминаниями о прошлом. Но через некоторое время мысли о бедствиях угнетенной родины отвлекли его от собственного горя.

Франко-итальянская война 1859 года нанесла страшный удар Австрийской империи. А спустя семь лет, в 1866 году, последовал еще более сокрушительный удар — разгром при Садове. Теперь Венгрия была прикована к дважды побежденной Австрии, которая не только лишилась своих итальянских владений, но и попала в зависимость от Германии. Национальная гордость венгров была оскорблена — такие чувства не повинуются голосу рассудка, здесь говорит голос крови. Венгры считали, что одержанные Австрией победы при Кустоцце и Лиссе не могли возместить поражения при Садове.

Граф Шандор за этот год тщательно изучил политическую обстановку и решил, что борьба за отделение Венгрии может увенчаться успехом.

Итак, настало время действовать. 3 мая 1867 года, расцеловав свою дочурку и оставив ее на попечение верной Рожены Лендек, граф Шандор покинул замок Артенак и отправился в Пешт, где встретился со своими друзьями и единомышленниками, чтобы принять важные решения; затем, через несколько дней, он переехал в Триест, где собирався развить свою деятельность.

Здесь должна была находиться штаб-квартира заговорщиков. Отсюда протянутся во все стороны нити, сосредоточенные в руках графа Шандора. В этом городе руководители восстания будут не слишком на виду и смогут, не вызывая подозрений, пользуясь большей свободой и не подвергаясь опасности, осуществить свой великий замысел.

В Триесте жили два самых близких друга Матиаса Шандора. Они разделяли его убеждения и твердо решили идти за ним до конца. Граф Ладислав Затмар и профессор Иштван Батори, оба лет на десять старше Матиаса Шандора, были знатные мадьяры, но не имели состояния. Один из них жил на скромный доход от небольшого имения в округе Липто, по ту сторону Дуная; другой преподавал физику в Триесте и зарабатывал на жизнь уроками.

Ладислав Затмар жил на улице Акведотто, в доме, недавно привлечшем внимание Саркани и Зироне; это скромное жилище он предоставил в распоряжение Матиаса Шандора на все время его пребывания в Триесте, то есть до конца подготавливавшегося восстания, чем бы оно ни кончилось. Единственным слугой в этом доме был старый Борик, венгр лет пятидесяти пяти, человек столь же преданный своему хозяину, как управляющий замком Лендек владельцу Артенака.

Иштван Батори занимал скромный домик на Корса-Стадионе, в том же квартале, что и граф Затмар. Его жизнь протекала в кругу семьи, состоявшей из жены и восьмилетнего сына Петера. Иштван Батори был подлинным, хотя и очень отдаленным потомком мадьярских князей, которые в XVI веке царствовали в Трансильвании. С течением времени этот род дал многочисленные разветвления и постепенно измельчал, и никто не подозревал, что одним из последних его представителей является скромный профессор Пресбургской академии. Иштван Батори был выдающимся ученым, одним из тех жрецов науки, что живут в уединении и становятся знаменитыми лишь благодаря своим трудам. О нем можно было бы сказать, как о шелковичном черве: «*Inclusum labor illustrat*»¹. Из-за своих политических убеждений, которых он никогда не скрывал, ему пришлось уйти в отставку, и, перебравшись в Триест вместе с женой, которая мужественно поддерживала его во всех испытаниях, он стал давать частные уроки.

С приездом Матиаса Шандора, который официально снимал комнату в Палаццо Модело — нынешнем отеле Делорм — на Пьяццо Гранде, три друга стали постоянно встречаться в доме Ладислава Затмара. Полиции и в голову не приходило, что в скромном доме на Акведотто находится штаб-квартира заговора, насчитывающего множество участников во всех крупных городах страны.

Ладислав Затмар и Иштван Батори без всяких колебаний примкнули к Матиасу Шандору и стали его ревностными сообщниками. Они также считали, что теперь настало время начать борьбу за освобождение родины и вернуть Венгрии подобающее ей место в семье европейских держав. Они знали, что рискуют жизнью, но это не могло их остановить. Итак, дом на Акведотто стал местом встреч руководителей заговора. Множество единомышленников приезжало сюда из разных уголков страны за указаниями и распоряжениями. Почтовые голуби — быстрые воздушные гонцы — обеспечивали постоянную, надежную связь между Триестом, главными городами Венгрии и Трансильвией, когда требовалось послать инструкции, которые нельзя было доверить ни почте, ни телеграфу. Короче говоря, были приняты все предосторожности, и заговорщики до сих пор не вызывали ни малейших подозрений.

К тому же, как мы знаем, они вели зашифрованную переписку, совершенно непонятную без ключа, а потому безопасную.

Двадцать первого мая, через три дня после возвращения голубя, побывавшего в руках у Саркани, около восьми часов вечера, Ладислав Затмар и Иштван Батори сидели в рабочем кабинете хозяина дома и ждали Матиаса Шандора. Личные дела недавно заставили графа уехать в Трансильванию и побывать в своем замке. Он воспользовался этим путешествием, чтобы повидаться с некоторыми друзьями в Клаузенбурге, главном городе провинции, и сообщить им содержание той

¹ Уединение прославляет работу (*лат.*).

*Ладислав Затмар и Иштван Батори сидели в рабочем кабинете
хозяина дома и ждали Матиаса Шандора.*

самой записки, с которой Саркани недавно снял копию; в этот день граф должен был вернуться в Триест.

После отъезда графа Шандора Триест и Буда не раз обменивались посланиями, и голуби перенесли немало зашифрованных записок. Сейчас Ладислав Затмар как раз и занимался расшифровкой криптограмм, пользуясь ключом, известным под названием «сетки».

Эти секретные записки составлялись очень простым способом: с помощью перестановки букв. При этом каждая буква сохраняла свое

обычное значение, то есть «б» означало «б», «е» означало «е» и так далее. Но буквы нарочно переставлялись, и прочесть написанное можно было только с помощью сетки, которая закрывала ненужные буквы, оставляя открытыми нужные, в том порядке, в каком их следует читать.

Эти сетки, известные с давних пор, усовершенствованы в наше время по системе полковника Флейенера; они остаются лучшим и самым верным способом составления криптограмм, не поддающихся расшифровке. Остальные системы с перестановкой букв, будь то системы с неизменной основой или же с простым ключом, где каждая буква алфавита всегда заменяется одной и той же буквой или значком (а также и системы с изменяющейся основой или с двойным ключом), не вполне надежны. Существуют опытные специалисты по расшифровке криптограмм, удивительные мастера в этом деле; иногда они основываются на простом расчете вероятностей, а иногда действуют наугад. Зная, какие буквы алфавита наиболее употребительны и потому должны чаще всего встречаться в криптограмме (так, например, «е» во французском, английском и немецком языках, «о» — в испанском, «а» — в русском, «е» и «и» — в итальянском), они находят их в зашифрованном тексте и постепенно отгадывают истинное значение каждой буквы в письме. Вот почему почти все криптограммы, составленные по такой системе, поддаются расшифровке умелых разгадчиков.

Другое дело сетки или зашифрованные словари (в которых отдельные слова и даже целые фразы заменены цифрами); это самый надежный способ составлять неподдающийся прочтению текст. Однако обе эти системы имеют большой недостаток: они требуют соблюдения строжайшей тайны, ибо надо быть абсолютно уверенным, что словарь или сетка, которая служит ключом к данному тексту, не попадет в чужие руки. В самом деле, без словаря или сетки письма невозможно прочесть, зато, если ключ будет похищен, их сможет прочесть каждый.

Итак, граф Шандор и его сообщники переписывались с помощью сетки, то есть квадратного куска картона с прорезанными в нем дырочками; но из предосторожности, опасаясь, что сетка может быть украдена или потеряна, граф и его друзья, прочитав послания, немедленно их уничтожали. Таким образом не сохранялось никаких следов этого заговора, участники которого — самые знатные вельможи Венгрии, а также представители буржуазии и народа — рисковали своей головой.

Ладислав Затмар только что сжег последние письма, когда в дверь кабинета тихонько постучали.

Вошел Борик и ввел графа Матиаса Шандора, пришедшего пешком с вокзала.

Ладислав Затмар быстро встал ему навстречу.

— Ну, как прошла ваша поездка, Матиас? — с тревогой спросил он.

— Большинство депутатов сейма — на нашей стороне.

— Очень удачно, Затмар! Я не сомневался в чувствах моих трансильванских друзей, и мы можем твердо рассчитывать на их помощь.

— Ты сообщил им об известии, полученном из Пешта три дня назад? — спросил Иштван Батори, близкий друг графа, который был с ним на «ты».

— Да, Иштван, я их предупредил. Они тоже готовы! Они поднимутся по первому сигналу. Через два часа после выступления мы будем хозяевами Буды и Пешта, через двенадцать часов к нам присоеди-

нятся главные комитаты по обоим берегам Тиссы, а через день мы овладеем всей Трансильванией. И тогда восемь миллионов венгров вновь обретут независимость!

— А как же сейм? — спросил Батори.

— Большинство депутатов сейма — на нашей стороне. Они сейчас же сформируют новое правительство и возьмут управление страной в свои руки. Все произойдет быстро и в полном порядке, потому что комитаты пользуются самоуправлением, почти не зависят от власти короля и имеют собственную полицию.

— Но ведь существует еще совет при наместнике и сам наместник — палатин в Буде! — заметил Ладислав Затмар.

— Палатин и его совет будут лишены возможности действовать.

— И не смогут сношаться с Венской канцелярией по венгерским делам?

— Конечно. Мы приняли меры, чтобы выступить одновременно и сразу же добиться успеха.

— Добиться успеха! Ты уверен?

— Да, полного успеха! В армии все люди одной с нами крови, все венгры — за нас и выступят с нами! Разве найдется хоть один потомок древних мадьяр, чье сердце не затрепещет, когда взвьется славное знамя Родольфов и Корвинов!

Эти слова были проникнуты высоким патриотическим чувством.

— Но пока постараемся не возбуждать никаких подозрений. Будем осторожны, тогда мы станем еще сильнее! Вы не слыхали никаких тревожных разговоров в Триесте?

— Нет, — ответил Ладислав Затмар. — Здесь только и говорят, что о крупных работах, предпринятых правительством в Полё, для которых уже нанесли немало рабочих.

Еще пятнадцать лет тому назад австрийское правительство, боясь потерять Венецианскую область (которая и была у него отнята впоследствии), задумало основать в Поле, на южной оконечности Истрийского полуострова, громадные арсеналы и военный порт, чтобы господствовать на Адриатике. Несмотря на протесты Триеста, морскому могуществу которого этот проект наносил ущерб, работы велись с лихорадочной быстротой. Поэтому Матиас Шандор и его друзья могли предполагать, что триестинцы охотно примкнут к движению за независимость Венгрии, когда узнают о нем.

Но пока заговорщики соблюдали строгую тайну. Ничто не могло возбудить у полиции подозрений, ей и не снилось, что в этот день в скромном доме на улице Акведотто собрались руководители заговора.

Итак, казалось, что все предусмотрено и задуманному перевороту обеспечен успех; оставалось только ждать подходящей минуты, чтобы начать решительные действия. Шифрованная переписка между Триестом, главными венгерскими городами и Трансильванией должна была сильно сократиться или даже совсем замереть, если только не произойдет каких-либо непредвиденных событий.

Триест. Большой канал

Теперь, когда все приготовления уже закончены, почтовым голубям уже не придется переносить никаких посланий. Из осторожности решили даже не давать им больше пристанища в доме Ладислава Затмара.

Известно, что деньги — главная пружина войны; то же можно сказать и о заговорах. Необходимо, чтобы в час восстания участники не испытывали недостатка в средствах. В такую минуту они должны быть всем обеспечены.

Мы знаем, что Ладислав Затмар и Иштван Батори готовы были отдать жизнь за независимость родины, однако они не могли отдать своего состояния, так как обладали весьма ограниченными средствами. Но граф Шандор был чрезвычайно богат и вместе с жизнью готов был пожертвовать родине все свое достояние. Вот почему с помощью управляющего Лендека он за последние месяцы заложил свои земли и собрал очень крупную сумму — более двух миллионов флоринов.

Он хотел иметь эти деньги под рукой и поэтому поместил их на свое имя в крупный и весьма солидный триестский банк с безупречной репутацией. Это был тот самый банк Торонталья, о котором толковали Саркани и Зироне, сидя на кладбище в старом городе.

И это случайное совпадение имело самые серьезные последствия, как мы увидим из дальнейшего рассказа.

В описанный вечер Матиас Шандор сообщил Затмару и Батори, что он решил зайти на днях к Силасу Торонталью и предупредить банкира, что в ближайшее время ему может понадобиться крупная сумма денег.

В самом деле, события быстро развивались, и граф должен был вскоре подать из Триеста условленный сигнал к восстанию. А между тем в этот вечер ему показалось, будто за домом Ладислава Затмара кто-то следит, и это его сильно встревожило.

Около восьми часов граф Шандор и Иштван Батори вышли на улицу; один из них направлялся домой на Корса-Стадион, а другой — в гостиницу Делорм; но тут им почудилось, что за ними, прячась в тени, следуют два подозрительных субъекта.

Матиас Шандор и его друг решили узнать, кто их преследует, и, повернувшись, направились прямо к ним; но неизвестные быстро скрылись за углом церкви Сант-Антонио, стоявшей на берегу Большого канала, так что друзья не успели их разглядеть.

Глава III

БАНК ТОРОНТАЛЯ

В Триесте почти нет «высшего света». Люди разных национальностей и разных сословий встречаются очень редко. Австрийские должностные лица, на какой бы ступени административной лестницы они ни стояли, считают себя представителями светского общества. В большинстве это люди воспитанные, образованные и любезные; но получаемое ими более чем скромное жалованье не соответствует их положению, и они не могут тягаться с купцами и финансистами. Богатые семьи редко устраивают приемы, а официальных собраний почти не бывает, поэтому денежные тузы вынуждены демонстрировать свое богатство вне дома: они появляются на улицах в роскошных каретах, а их жены выставляют свои пышные туалеты и драгоценности в ложах «Театро Коммунале» и «Армонии».

Одним из самых богатых домов города считался в то время дом банкира Силаса Торонталья.

Его главе, пользовавшемуся влиянием и за пределами Австро-Венгерской империи, исполнилось в то время тридцать семь лет. Банкир и его жена, которая была на несколько лет моложе, занимали большой особняк на улице Акведотто.

Силас Торонталь считался очень богатым человеком, и, по-видимому, не без оснований. Смелые и удачные биржевые операции, крупные дела с обществом «Австрийского Ллойда» и другими торговыми компаниями, значительные вклады, хранящиеся в его банке, должны были приносить ему огромные доходы. Вот почему его дом был поставлен на широкую ногу, а сам он занимал очень видное положение в городе.

Однако Саркани был, по-видимому, прав, и в настоящее время Торонталь попал — быть может, ненадолго — в затруднительное положение. Он, конечно, понес крупные потери семь лет тому назад, когда франко-итальянская война нанесла удар всем биржам и банкам; а затем после военной кампании, закончившейся разгромом при Садове и вызвавшей падение фондов во всей Европе, а особенно в австро-венгерских городах — Вене, Пеште, Триесте, его дела пошатнулись. В то время необходимость выплаты крупных сумм, положенных на текущий счет в его банк, поставила его в тяжелое положение. Но, по-видимому, он оправился после этого кризиса, и если Саркани сказал правду, то, значит, банкир с тех пор пустился в новые рискованные спекуляции, которые и подорвали дела его солидного банка.

Действительно, за последние месяцы Силас Торонталь сильно изменился, хотя он, вероятно, этого не замечал. Выражение его лица стало другим, и он утратил былое самообладание. Теперь он не смотрел людям прямо в глаза, как прежде, а лишь украдкой бросал на них косые взгляды. Эту перемену заметила даже госпожа Торонталь, женщина болезненная, нерешительная, беспрекословно подчинявшаяся мужу и очень мало знавшая о его делах.

Надо признаться, что, если бы на банк Торонталья обрушился какой-нибудь серьезный удар, его владелец не мог рассчитывать на сочувствие общества. Правда, у него было множество клиентов и в городе, и во всей стране, но очень мало друзей. Необыкновенное самомнение, тщеславие и заносчивость, с которой он обращался со всеми, не располагали к нему людей, и они сохраняли с ним лишь деловые отношения. Вдобавок жители Триеста считали его иностранцем, так как он приехал из Рагузы и по происхождению был далмат. У него не было в городе никаких родственных связей, хотя он и прожил здесь уже около пятнадцати лет, с тех пор как основал свой банк.

В таком положении находился банк Торонталья. И хотя Саркани подозревал, что дела богатого банкира пошатнулись, ничто не подвигало его к мнению. Никто не выражал недоверия Торонтально, по крайней мере открыто. Вот почему граф Матиас Шандор без колеба-

Триест. Биржа

ний доверил ему очень крупную сумму, с условием, что в любой день может взять ее обратно, предупредив об этом банкира лишь за сутки.

Быть может, читатель удивится, как могли возникнуть какие-то отношения между одним из самых уважаемых банкиров и такой темной личностью, как Саркани. Однако эти отношения существовали и продолжались уже два-три года.

В то время Силас Торнталь вел довольно крупные дела в Триполитании. Саркани, ловкач и пройдоха, хорошо разбиравшийся в де-

нежных вопросах, сумел втереться в эти дела, по правде сказать, порой довольно подозрительные. Были тут и тайные взятки, и неблаговидные поручения, и незаконные поборы, с которыми Торонталь не хотел связывать свое имя. И вот Саркани взялся выполнять эти грязные махинации, а затем оказал Силасу Торонталу еще несколько услуг такого же рода. С тех пор Саркани не упускал случая сунуть нос в дела или, вернее, запустить руку в карман банкира. Из Триполитании он приехал в Триест и продолжал шантажировать Торонталья. Не то чтобы банкир был действительно у него в руках, — после этих сделок не осталось никаких вещественных доказательств, — но положение банкира требует особой шепетильности в делах. Достаточно одного слова, чтобы причинить банку большой вред. А Саркани знал слишком много, и с этим приходилось считаться.

Силас Торонталь был очень осторожен. Саркани не раз получал от него порядочные суммы, но быстро спускал их в разных притонах с беспечностью пройдохи, не думающего о завтрашнем дне. Перебравшись в Триест, Саркани вскоре стал так назойлив и требователен, что банкир потерял терпение и решительно отказался давать ему деньги. Саркани стал угрожать, но Силас Торонталь не испугался. И в самом деле, у вымогателя не было никаких улик, и Саркани должен был признаться, что он в сущности бессилён.

Вот почему Саркани и его доблестный соратник Зироне с некоторых пор сидели на мели и даже не могли уехать из Триеста в погоне за счастьем. Мы знаем, что, желая наконец отделаться от них, Торонталь в последний раз пришел им на помощь. Присланных им денег хватило бы на дорогу до Сицилии, где Зироне собирался вернуться в шайку бандитов, орудовавшую в восточных и центральных провинциях острова. Банкир надеялся, что теперь больше не увидит своего триполитанского агента и даже никогда не услышит о нем. Однако в этом он ошибался, как и во многом другом.

Вечером 18 мая двести флоринов с запиской от Торонталья были доставлены в гостиницу, где остановились приятели.

Шесть дней спустя, 24 мая, Саркани явился в дом банкира и потребовал свидания с ним; он был так настойчив, что банкиру в конце концов пришлось его принять.

Силас Торонталь находился в своем кабинете. Войдя к нему, Саркани тщательно затворил за собой дверь.

— Вы снова явились! — воскликнул банкир, едва завидел Саркани. — Что вам еще надо? Я послал вам достаточно денег, а теперь убирайтесь из Триеста! Что бы вы ни говорили, что бы ни делали, вы больше не получите от меня ни гроша! Почему вы не уехали? Предупреждаю, я приму меры, чтобы избавиться от вас! Мне надоели ваши вымогательства! Чего вы от меня хотите?

Саркани очень хладнокровно встретил это нападение, к которому приготовился заранее. На этот раз у него был даже не такой наглый и вызывающий вид, как обычно, когда он бывал в доме банкира.

Он не только прекрасно владел собой, но держался с достоинством. Не дожидаясь приглашения сесть, он невозмутимо направился к стулу и, усевшись, стал ждать, когда бурный поток упреков раздраженного банкира иссякнет.

— Ну, будете вы наконец говорить? — спросил Силас Торонталь; несколько раз пройдясь по комнате, он сел против Саркани, продолжая кипеть от гнева.

— Я ждал, когда вы успокоитесь, — хладнокровно ответил Саркани, — и могу еще подождать, если угодно.

— Успокоился я или нет — не ваша забота! Последний раз спрашиваю, чего вам надо?

— Силас Торонталь, мне надо поговорить с вами, я хочу предложить вам одно дело.

— Не желаю я ни говорить с вами, ни иметь с вами никаких дел! У нас нет ничего общего, и я требую, чтоб вы покинули Триест сегодня — сейчас же! И больше сюда не возвращались!

— Я и собираюсь покинуть Триест, но не хочу уезжать, пока не рассчитаюсь с вами.

— Рассчитаться? Вы? Вернуть мне деньги?

— Да, вернуть свой долг с процентами и вдобавок разделить с вами прибыль, если...

Услышав это неожиданное предложение, Силас Торонталь только плечами пожал.

— Деньги, что я вам давал, давным-давно списаны в графу непредвиденных расходов! Теперь мы квиты, и я ничего с вас не требую, я выше таких мелочей!

— А если я не хочу оставаться вашим должником?

— А если я хочу остаться вашим кредитором?

Силас Торонталь и Саркани посмотрели друг другу прямо в глаза. Саркани пожал плечами и заметил:

— Все это фразы, пустые фразы! Повторяю, я пришел предложить вам очень серьезное дело.

— Не менее грязное, чем серьезное, вероятно?

— Ну, вы не в первый раз воспользуетесь моими услугами для...

— Все это слова, пустые слова! — воскликнул банкир, передразнивая наглый ответ Саркани.

— Выслушайте меня, — сказал Саркани, — я буду краток.

— Вот это хорошо.

— Если то, что я предлагаю, вам не подойдет, мы прекратим разговор и я исчезну.

— Отсюда или из Триеста?

— И отсюда и из Триеста.

— Завтра же?

— Сегодня вечером.

— Ну говорите!

— Дело вот в чем, — начал Саркани. — Но вы уверены, что нас никто не услышит? — добавил он, оглядываясь.

— Вы настаиваете, чтобы разговор остался между нами? — насмешливо спросил банкир.

— Да, Торонталь, ибо в наших руках может оказаться жизнь высокопоставленных людей!

— В ваших, может быть, но не в моих!

— Решайте сами! Я попал на след заговора. Какова его цель, я еще не знаю. Но после Ломбардской кампании, после катастрофы при Садове в стране очень много недовольных, готовых участвовать в заговоре против Австрии. И у меня есть основания думать, что готовится какое-то выступление, по-видимому, в пользу Венгрии, на котором мы можем здорово нажиться.

— Я не наживаюсь на заговорах... — насмешливо ответил Торонталь.

— А могли бы!

— Каким же это образом?

— Если донести!

— Что вы хотите сказать?

— Слушайте же!

И Саркани рассказал банкиру все, что произошло на старом кладбище: как он случайно поймал почтового голубя и нашел зашифрованную записку, с которой снял копию, а затем разыскал дом, где жил тот, кому она предназначалась. Вот уже пять дней как они с Зироне следят за всем, что происходит если не в самом доме, то вокруг него. Каждый вечер в особняке собирается несколько человек, все одни и те же лица, и, перед тем как войти, они опасливо озираются по сторонам. За это время сюда прилетало и вновь улетало на север много почтовых голубей. Двери дома охраняет старый слуга, который очень неохотно впускает посетителей и внимательно наблюдает за всеми, кто приближается к подъезду. Саркани и его товарищу пришлось прибегать ко всяким уловкам, чтобы не привлечь к себе внимания. Да и то они опасаются, что с некоторых пор у слуги появились какие-то подозрения.

Силас Торонталь слушал Саркани все с большим вниманием. Он спрашивал себя, чему можно верить в этом рассказе, так как знал, что его бывший маклер человек весьма ненадежный, а главное, банкир не понимал, чем тот думает заинтересовать его в этой истории и какую хочет извлечь из нее выгоду?

Кончив свой рассказ, Саркани стал вновь уверять, что дело идет о важном политическом заговоре против Австрии и что им было бы очень выгодно его раскрыть. Однако банкир, не отвечая, стал задавать ему вопросы.

— Где этот дом?

— На улице Акведотто, номер восемьдесят девять.

— Кому он принадлежит?

— Знатному венгерскому вельможе.

- Как его зовут?
- Граф Ладислав Затмар.
- А кто у него бывает?
- Чаще всего два человека, оба венгры.
- Кто такие?
- Триестский профессор по имени Иштван Батори.
- А второй?
- Граф Матиас Шандор!

При этом имени на лице Силаса Торонталья промелькнуло легкое удивление, не укrywшееся от Саркани. Этому пройдохе ничего не стоило узнать имена трех названных им людей, проследив Батори до его дома на Корса-Стадионе, а графа Шандора до гостиницы Делорм.

— Видите, Торонталь, — закончил Саркани, — я не побоялся доверить вам их имена. Теперь вы убедились, что я не собираюсь водить вас за нос?

— Все это слишком туманно! — ответил банкир, которому хотелось узнать побольше, прежде чем брать на себя какие-либо обязательства.

— Туманно?

— Ну конечно! У вас нет никаких улик!

— А это что?

И Саркани передал Торонталью копию записки. Банкир стал разглядывать ее с некоторым любопытством. Но зашифрованные слова, казалось, не имели никакого смысла, и вряд ли можно было придавать письму такое важное значение, какое приписывал ему Саркани. Банкира это дело могло интересовать лишь потому, что оно имело какое-то отношение к графу Шандору, клиенту, который очень его беспокоил, так как в любой момент мог потребовать возвращения сделанного им вклада.

— По-моему, чем дальше, тем это становится все непонятней! — заметил он.

— А по-моему, напротив, все ясно, как день, — ответил Саркани, которого ничуть не смущало скептическое отношение банкира.

— Вы можете расшифровать записку?

— Нет, Торонталь, но со временем расшифрую.

— Каким же это образом?

— Мне уже приходилось участвовать в такого рода делах, как и во многих других, — ответил Саркани, — и в мои руки не раз попадали шифрованные записки. Изучив вот эту, я пришел к выводу, что ключом ей служит не числовая таблица и не условный алфавит, где каждой букве придают новое значение. Нет! В этой записке буква «с» значит «с», а буква «н» значит «н», но они расположены в таком порядке, что их можно вновь расставить по местам только с помощью сетки.

Мы знаем, что Саркани не ошибался. Именно такую систему применяли заговорщики. Но поэтому-то их послания и невозможно было расшифровать.

— *Вы можете расшифровать записку?*

— Пусть так, — заметил банкир, — не стану спорить, быть может, вы и правы. Но, не имея сетки, записку невозможно прочесть.

— Несомненно.

— А где же вы достанете сетку?

— Этого я еще не знаю, но будьте уверены — уж я сумею ее достать!

— Вот как! Знаете, Саркани, на вашем месте я не стал бы возиться с этим делом!

— А я готов возиться сколько угодно!

— К чему? Я бы просто сообщил триестской полиции о своих подозрениях и передал ей эту записку.

— Я так и сделаю, Торнталь, но не хочу ограничиваться пустыми догадками, — ответил холодно Саркани. — Прежде чем говорить, мне надо иметь вещественные доказательства, неопровержимые улики! Я стану хозяином этого заговора, да, полным хозяином и извлеку из него все выгоды, которые и предлагаю вам разделить со мной. Впрочем, кто знает! Возможно, нам будет выгодней стать на сторону заговорщиков, вместо того чтобы доносить на них!

Такие рассуждения ничуть не удивили Силаса Торнталья. Он знал, на что способен хитрый и двуличный Саркани. Но и Саркани говорил с банкиром не стесняясь и не боялся предложить Силасу Торнталью любое дело, зная, что у того достаточно гибкая совесть. Ведь Саркани уже давно знал банкира и к тому же имел основания думать, что его банк с некоторых пор находится в затруднительном положении. Значит, если бы им удалось овладеть тайной заговора, а затем донести и нажиться на нем, это могло бы поправить пошатнувшиеся дела банка. Вот на чем Саркани строил свои расчеты.

Но Силас Торнталь был начеку и вел себя очень осторожно, не доверяя своему бывшему триполитанскому агенту. Он допускал, что готовится какой-то заговор против австрийского правительства и что Саркани напал на его след. Дом Ладислава Затмара, где происходили какие-то тайные сборища, шифрованная переписка, огромная сумма, вложенная графом Шандором в его банк, с условием, что он может потребовать ее в любое время, — все это казалось ему довольно подозрительным. Весьма возможно, что Саркани сделал правильные выводы. Но банкир не хотел принимать участия в этом деле, не ознакомившись с ним поглубже и не узнав всех подробностей. Поэтому он заметил с равнодушным видом:

— Ну а потом, когда вы расшифруете эту записку, — если вам вообще удастся ее расшифровать, — вдруг окажется, что речь идет о совершенно незначительном, чисто личном деле, из которого невозможно извлечь никакой выгоды ни для вас... ни для меня!

— Нет! — воскликнул Саркани с глубоким убеждением. — Нет! Я напал на след очень серьезного заговора, во главе которого стоят высокопоставленные люди, и знаю, что и вы не сомневаетесь в этом, Торнталь!

— Так чего же вы от меня хотите? — спросил банкир напрямик.

Саркани встал и сказал, понизив голос, глядя банкиру прямо в глаза:

— Вот чего я хочу от вас: я хочу под любым предлогом и как можно скорей проникнуть в дом Ладислава Затмара и завоевать его доверие. Когда я водворюсь в доме, где меня никто не знает, я сумею выкрасть сетку и расшифровать записку, чтобы использовать ее в наших интересах.

— В наших интересах? — переспросил Силас Торонталь. — Почему вы непременно хотите впутать меня в это дело?

— Потому что оно того стоит, и вы можете извлечь из него немалую выгоду.

— Ну так и займитесь им сами!

— Нет! Мне нужна ваша помощь!

— Так объяснитесь же наконец!

— Чтобы добиться своей цели, мне нужно время, а чтобы ждать, мне нужны деньги. А денег у меня больше нет.

— Для вас кредит у меня закрыт, — вы отлично знаете!

— Пусть так. Вы мне откроете новый.

— А что я на этом выиграю?

— Слушайте: из трех названных мною людей двое — граф Затмар и профессор Батори — не имеют состояния, но третий богат, чрезвычайно богат! У него очень крупные поместья в Трансильвании. А вам известно, что если он будет арестован как заговорщик и осужден, то большая часть его конфискованного имущества пойдет в виде вознаграждения тем, кто раскрыл заговор. И мы с вами разделим между собой эту часть, Торонталь!

Саркани замолчал. Банкир не отвечал ему. Он думал о том, стоит ли ему вступать в эту игру. Конечно, он не стал бы компрометировать себя, принимая личное участие в подобном деле, но он знал, что его агент способен вести игру за двоих. И если Торонталь решит косвенно участвовать в этой махинации, он сумеет связать Саркани таким договором, который даст банкиру полную власть над его агентом и позволит самому остаться в тени... Однако он колебался. А впрочем, чем он рискует? Ведь он не будет фигурировать в этом грязном деле, а только воспользуется всеми его выгодами, а выгоды, возможно, будут огромные, и он сможет упрочить положение своего банка...

— Итак, что же? — спросил Саркани.

— Итак — нет! — ответил Силас Торонталь, решив, что слишком опасно иметь дело с таким сотрудником, или, вернее, сообщником.

— Вы отказываетесь?

— Да, отказываюсь! Прежде всего я не верю в успех ваших происков...

— Берегитесь, Силас Торонталь! — воскликнул Саркани угрожающим тоном, уже больше не сдерживаясь.

— Чего же мне беречься, позвольте вас спросить?

— Ведь я знаю за вами кое-какие дела...

— Ступайте вон, Саркани!

— И сумею вас заставить...

— Убирайтесь!

В эту минуту послышался легкий стук в дверь кабинета. Саркани быстро отступил к окну, дверь открылась, и лакей громко возвестил:

— Граф Шандор просит господина Торонталья его принять!

И тут же удалился.

— Граф Шандор! — воскликнул Саркани.

Банкир был очень недоволен, что Саркани узнал об этом посещении. Вместе с тем он предчувствовал, что неожиданный визит графа грозит ему большим неприятностями.

— Вот как! Зачем сюда пожаловал граф Шандор? — спросил Саркани насмешливо. — Значит, вы поддерживаете связь с заговорщиками из графского дома? Уж не попал ли я к одному из них?

— Уберетесь ли вы наконец?

— Ну нет! Я не уберусь, Торонталь, пока не узнаю, зачем граф Шандор посещает ваш банк!

С этими словами он бросился в соседнюю комнату и скрылся за портьерой.

Силас Торонталь хотел было крикнуть, чтобы его прогнали, но передумал.

— Нет, — пробормотал он, — если уж так, то, пожалуй, лучше, чтоб Саркани слышал наш разговор.

Банкир позвонил и приказал лакею немедленно ввести графа Шандора.

Матиас Шандор вошел в кабинет, как всегда сдержанный и спокойный, холодно ответил на низкий поклон Торонталья и сел в пододвинутое банкиром кресло.

— Господин граф, — сказал банкир, — я не ожидал вашего визита, так как не знал, что вы вернулись в Триест; но банк Торонталья всегда гордится таким гостем.

— Господин Торонталь, — ответил Матиас Шандор, — я лишь один из ваших многочисленных клиентов и, как вы знаете, не веду никаких дел. Но я вам благодарен за то, что вы согласились принять на хранение наличные деньги, которые были у меня на руках.

— Позвольте вам напомнить, господин граф, что эти деньги положены в моем банке на текущий счет и приносят вам доход.

— Да, я знаю, но повторяю, что это было не помещение капитала, а простой вклад для хранения.

— Пусть так, однако в наше время деньги очень дороги, и было бы неразумно, если бы ваш капитал лежал без движения. Стране грозит финансовый кризис. Создалось очень трудное внутреннее положение. Все дела парализованы. Несколько крупных банкротств подорвали всякий кредит, и можно опасаться новых катастроф.

— Однако ваш банк стоит прочно по-прежнему, — заметил Матиас Шандор, — и мне известно из достоверных источников, что на нем мало отразились все эти банкротства.

— Да, очень мало! — ответил Силас Торонталь совершенно спокойно. — Мы ведем также крупные дела, связанные с торговлей на Адриатическом море, что недоступно для банков Пешта и Вены, вот почему нас лишь слегка коснулся кризис. Нас не приходится жалеть, господин граф, да мы и не жалуемся.

*Закончив разговор, граф Шандор встал,
и банкир проводил его до передней.*

— Очень рад за вас, господин Торнталь. Однако я хотел вас спросить, не приходилось ли вам слышать о каких-нибудь внутренних осложнениях в стране, связанных с этим кризисом?

Хотя граф Шандор задал свой вопрос равнодушным тоном и как бы невзначай, услышав его, Силас Торнталь насторожился. Не имел ли этот вопрос отношения к тому, о чем ему только что говорил Саркани?

— Я ничего не знаю, — ответил он, — и не слышал, чтобы австрийское правительство питало какие-либо опасения на этот счет. Может быть, у вас, господин граф, есть основание думать, что готовится какое-нибудь событие...

— Отнюдь нет, но нередко в банковских кругах бывает гораздо раньше известно о событиях, которые широкая публика узнает лишь впоследствии. Вот почему я задал вам этот вопрос, разумеется, оставляя за вами право не отвечать на него.

— Нет, я ничего не слышал, и будьте уверены, господин граф, что я счел бы своим долгом предупредить такого клиента, как вы, если бы узнал, что его интересам что-нибудь угрожает!

— Очень вам благодарен, господин Торонталь, я тоже думаю, что нам нечего опасаться, ибо в стране все спокойно. Поэтому я собираюсь вскоре покинуть Триест и вернуться в Трансильванию, где меня ждут неотложные дела.

— Вот как! Вы скоро уезжаете, господин граф? — с живостью спросил Торонталь.

— Да. Недели через две, самое большее.

— Но, вероятно, скоро вернетесь в Триест?

— Не думаю. Но прежде чем уехать, я хотел бы привести в порядок всю отчетность по моему поместью Артенак, немного запущенную за последнее время. Я получил от моего управляющего много счетов, арендных договоров и других бумаг, которыми мне некогда заняться. Не можете ли вы рекомендовать мне счетовода или кого-нибудь из ваших служащих, кто сделал бы для меня эту работу?

— Мне ничего не стоит найти такого человека.

— Я буду вам очень обязан.

— А когда вам нужен этот счетовод?

— Чем скорее, тем лучше.

— Куда он должен явиться?

— В дом моего друга, графа Затмара, на улицу Акведотто, номер восемьдесят девять.

— Все будет сделано.

— Эта работа займет всего дней десять, а как только мои дела будут приведены в порядок, я уеду в замок Артенак. Поэтому я прошу вас приготовить мой вклад.

Услышав эти слова, Силас Торонталь невольно вздрогнул, но граф Шандор этого не заметил.

— Какого числа вы хотели бы получить ваши деньги?

— Восьмого будущего месяца.

— Деньги будут в вашем распоряжении.

Закончив разговор, граф Шандор встал, и банкир проводил его до передней.

Когда Силас Торонталь вернулся в свой кабинет, он застал там Саркани, который коротко сказал ему:

— Через два дня вы введете меня в дом графа Затмара в качестве счетовода.

— Придется, ничего не поделаешь, — ответил Силас Торонталь.

Глава IV

ШИФРОВАННАЯ ЗАПИСКА

Два дня спустя Саркани водворился в доме Ладислава Затмара. Он был представлен Силасом Торонталем и по его рекомендации принят графом Шандором. Итак, банкир и его агент стали сообщниками в этом грязном деле. Какова их цель? Раскрыть тайну заговора, которая может стоить жизни его руководителям. Что это им даст? За донос они получают огромную сумму, часть которой попадет в карман пройдохи, жаждущего легкой наживы, а часть в кассу запутавшегося банкира, неспособного выполнить свои обязательства.

Нечего и говорить, что Силас Торонталь и Саркани заключили между собой договор, по которому обязались разделить поровну будущие доходы. Кроме того, банкир должен был дать Саркани денег, чтобы тот мог вести приличную жизнь в Триесте со своим товарищем Зироне и приобретать все, что потребуется для выполнения задуманного плана. Со своей стороны Саркани в качестве гарантии отдал банкиру копию записки, с помощью которой он раскроет — в этом он не сомневался — тайну заговора.

Многие, пожалуй, обвинят Матиаса Шандора в неосторожности. Вводить неизвестного человека в дом, где решаются самые важные дела, накануне восстания, сигнал к которому будет подан с минуты на минуту, — это и в самом деле может показаться величайшей неосторожностью. Но граф действовал так под давлением обстоятельств.

Во-первых, ему необходимо было привести в порядок свои дела перед тем, как броситься в это опасное предприятие, которое в случае неудачи могло бы окончиться его гибелью или по меньшей мере изгнанием. Во-вторых, он думал, что если введет в дом графа Затмара постороннего человека, то это может рассеять подозрения. Вот уж несколько дней ему казалось, что какие-то шпионы рыщут вокруг дома на Акведотто, и мы знаем, что он не ошибался, ибо этими шпионами были Саркани и Зироне. Неужели триестская полиция что-то заподозрила и следит за ним и за его друзьями? Граф Шандор мог это предположить, во всяком случае, он этого опасался. Если место собраний заговорщиков, куда до сих пор не допускали посторонних, стало вызывать подозрения, то лучший способ рассеять эти подозрения — ввести в дом конторщика, который будет заниматься простой проверкой счетов. С другой стороны, могло ли присутствие в доме постороннего человека представлять опасность для графа Затмара и его друзей? Нет, никакой. Шифрованная переписка между Триестом и другими австро-

венгерскими городами прекратилась. Все бумаги, связанные с заговором, были уничтожены. Не осталось никаких следов деятельности заговорщиков. Все было подготовлено, все нужные меры приняты. Графу Шандору оставалось только дожидаться подходящей минуты и подать сигнал. Следовательно, если правительство что-то заподозрило, то введение в дом этого конторщика поможет графу отвести от себя подозрения.

Несомненно, такое рассуждение было бы правильным, а принятая предосторожность разумной, если бы этим конторщиком не оказался Саркани, а его поручителем — Силас Торонталь!

К тому же Саркани, искусный актер, умел прекрасно использовать свои внешние данные: открытое лицо, добродушный взгляд, простые и скромные манеры. Граф Шандор и его друзья, обманутые его наружностью, попали в расставленные им сети. Молодой конторщик оказался старательным, услужливым, способным и вдобавок очень умелым счетоводом. В этом доме ничто не могло бы навести Саркани на мысль (если бы он не знал об этом заранее), что он находится среди руководителей заговора, готовых поднять венгерский народ против австрийских угнетателей. Друзья Ладислава Затмара, казалось, приходят только для того, чтобы поговорить о науке и об искусстве. Не было никакой секретной переписки, никаких таинственных посетителей. Но Саркани знал, что за этим что-то кроется. В конце концов, ему должен представиться счастливый случай, и он ждал его.

Саркани проник в дом Ладислава Затмара с единственной целью: достать сетку, которой пользовались для расшифровки писем. Но теперь в Триест не приходило ни одного зашифрованного письма, и он спрашивал себя: уж не уничтожили ли сетку для полной безопасности? Он очень этого боялся, так как на ней строился весь его план: без сетки невозможно прочесть записку, принесенную почтовым голубем.

Итак, проверяя и приводя в порядок счета Матиаса Шандора, он не переставал наблюдать, подсматривать, подслушивать. Доступ в кабинет, где собирались Ладислав Затмар и его друзья, не был ему закрыт. Часто он даже работал там в одиночестве. Тут уж он не читал бумаги и не записывал цифры — он был занят совсем другим: с помощью набора отмычек, изготовленных Зироне, мастером этого дела, он открывал ящик за ящиком и рылся в бумагах. Однако он был все время настороже, опасаясь, как бы его не увидел Борик, которому он, казалось, не внушал ни малейшей симпатии.

Первые пять дней поиски Саркани оставались безуспешными. Каждое утро он приходил с новой надеждой; каждый вечер возвращался в гостиницу ни с чем. Он уже начал опасаться, как бы его преступная затея не провалилась. И правда, восстание (а он не сомневался, что речь шла о восстании) могло разразиться каждый день, то есть прежде, чем он успеет раскрыть заговор и донести о нем куда следует.

Казалось, что какие-то шпионы рыщут вокруг дома.

— Чем лишиться вознаграждения за донос, дожидаясь прямых улик, — говорил ему Зироне, — не лучше ли сообщить свои подозрения полиции и передать ей копию записки?

— Да! — отвечал Саркани. — И я это сделаю, если понадобится.

Нечего и говорить, что Силас Торонталь был в курсе всех его махинаций, и Саркани стоило немалых трудов успокаивать нетерпеливого банкира.

И все же случай снова пришел ему на помощь. В первый раз он смог ему найти зашифрованную записку, а во второй — прочесть ее.

Был последний день мая, около четырех часов пополудни. Саркани собирался, как обычно, в пять часов покинуть дом графа Затмара. Он был сильно обескуражен: с первого дня он не продвинулся ни на шаг, а между тем работа, порученная ему графом Шандором, подходила к концу. Как только она будет закончена, его несомненно рассчитают, поблагодарив и заплатив за труды, и у него не останется никакого предложения бывать в этом доме.

Сейчас Ладислав Затмар и его друзья ушли. В доме оставался один Борик, занятый какой-то работой в зале на нижнем этаже. Воспользовавшись случаем, Саркани решил проникнуть в комнату графа Затмара, что ему до сих пор не удавалось, и заняться самыми тщательными розысками.

Дверь была заперта на ключ; Саркани открыл ее с помощью отмычки и вошел.

В простенке между двумя выходящими на улицу окнами стоял старый секретер, который привел бы в восторг любителя старинной мебели. Его опускающаяся крышка была заперта, скрывая расположение ящиков.

Впервые Саркани представилась возможность обыскать этот секретер, и не такой он был человек, чтоб упустить подобный случай. Чтобы добраться до ящиков, надо было лишь открыть опускающуюся крышку, что Саркани и сделал, пустив в ход отмычку, нисколько не повредив при этом замка.

Роясь в столе, Саркани дошел уже до четвертого ящика, когда заметил под грудой бумаг, которые его ничуть не интересовали, квадратный кусочек картона, в котором были прорезаны дырочки. Он тотчас же обратил на него внимание.

«Вот она, сетка!» — подумал он.

И не ошибся.

В первую минуту Саркани хотел было выкрасть ее, но, поразмыслив, решил, что если граф Затмар обнаружит пропажу сетки, то это навлечет на него подозрения.

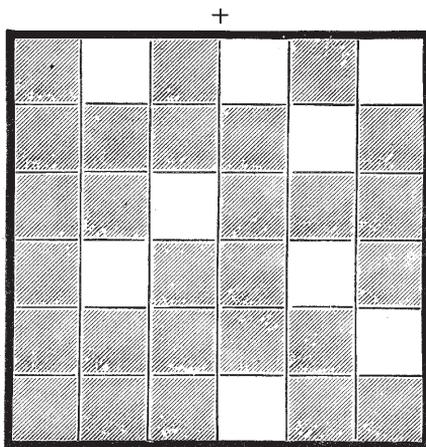
— Ладно, — сказал он себе, — если я снял копию с записки, то сумею скопировать и сетку, а тогда мы с Торнталем спокойно расшифруем послание.

Сеткой служил квадратный кусочек картона, размером шесть на шесть сантиметров, разделенный на тридцать шесть клеточек, примерно в квадратный сантиметр каждая. Из этих тридцати шести квадратов, расположенных в шесть вертикальных и горизонтальных рядов, подобно таблице Пифагора, но построенной на шести числах, девять были вырезаны, то есть в картоне было проделано девять дырочек.

Чтобы снять точную копию сетки, Саркани положил ее на листок чистой бумаги и обвел карандашом, причем указал место, где стоял маленький, сделанный чернилами крестик, по-видимому обозначающий верхний край сетки.

Затем он обвел карандашом пустые квадратики и пронумеровал места, которые они занимали; оказалось, что в первом ряду вырезаны 2-й, 4-й и 6-й квадратики; во втором ряду — 5-й; в третьем — 3-й; в четвертом — 2-й и 5-й; в пятом — 6-й; а в шестом — 4-й.

Мы приводим здесь эту сетку, которая вскоре помогла Саркани и банкиру Торонталю осуществить их преступный замысел¹.

Срисовать сетку было для Саркани делом нескольких минут. Теперь ему ничего не стоит перевести рисунок на картон и вырезать его, а тогда он, без сомнения, сможет прочесть зашифрованную записку, хранившуюся у Силаса Торонтала. Итак, Саркани сунул сетку обратно в ящик под бумаги и вышел из комнаты, а затем из дома Ладислава Затмара и поспешил вернуться к себе в гостиницу.

Спустя четверть часа он уже входил в комнату, которую занимал вместе с Зироне; у него был такой торжествующий вид, что тот, взглянув на товарища, громко крикнул:

— Эй! Что с тобой, приятель? Будь осторожней! Ты лучше умеешь скрывать свои неудачи, чем радости. Смотри, как бы лицо тебя не выдало...

— Будет тебе болтать, Зироне, — ответил Саркани. — Время не терпит! Скорее за дело!

— Как, даже не поужинав?

— Сейчас не до ужина!

С этими словами Саркани достал кусок тонкого картона. Положив на него свой рисунок, он вырезал квадрат точно такого же размера, не забыв поставить крестик на его верхнем краю, и, взяв линейку, расчертил картон на тридцать шесть равных квадратиков.

¹ На рисунке все белые клетки вырезаны.

Саркани сунул сетку обратно в ящик.

Затем он аккуратно вырезал ножом девять квадратиков, указанных на рисунке, так, чтобы в эти отверстия можно было видеть слова, буквы или цифры криптограммы, на которую наложится сетка.

Зироне, сидя против Саркани, следил за каждым его движением возбужденным взглядом сообщника. Работа товарища тем более интересовала его, что он сообразил, какая система зашифровки применялась в этой переписке.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ. *Перевод Н. А. Егорова* 5

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Перевод Я. З. Лесюка

<i>Глава первая</i> , в которой мир ученых и мир невежд в равной мере приведены в замешательство	215
<i>Глава вторая</i> , в которой члены Уэлдонского ученого общества спорят, но не приходят к согласию	223
<i>Глава третья</i> , в которой новое действующее лицо не нуждается в том, чтобы его представили, ибо делает это само	233
<i>Глава четвертая</i> , в которой, рассказывая о слуге Фриколлине, автор стремится восстановить доброе имя луны	242
<i>Глава пятая</i> , в которой председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества договариваются о прекращении вражды	249
<i>Глава шестая</i> , которую инженерам, механикам и другим ученым людям стоило бы, пожалуй, пропустить	258
<i>Глава седьмая</i> , в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс по-прежнему не позволяют себя убедить	266
<i>Глава восьмая</i> , из которой видно, как Робур решил ответить на поставленный ему важный вопрос	276
<i>Глава девятая</i> , в которой «Альбатрос» преодолевает расстояние в десять тысяч километров и заканчивает перелет великолепным прыжком	286
<i>Глава десятая</i> , из которой читатель узнает, как и почему слуга Фриколлин оказался на буксире	299
<i>Глава одиннадцатая</i> , в которой гнев дядюшки Прудента возрастает пропорционально квадрату скорости воздушного корабля	311
<i>Глава двенадцатая</i> , в которой инженер Робур ведет себя так, будто он намерен добиваться премии Монтиона	319
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой дядюшка Прудент и Фил Эванс пересекают океан, не страдая от морской болезни	331
<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой «Альбатрос» совершает то, чего, пожалуй, никому не совершить	342
<i>Глава пятнадцатая</i> , в которой происходят события, поистине достойные того, чтобы о них рассказали	355
<i>Глава шестнадцатая</i> , которая, возможно, оставит читателя в прискорбной неизвестности	366

<i>Глава семнадцатая</i> , в которой сначала возвращаются на два месяца назад, а затем переносятся на девять месяцев вперед	372
<i>Глава восемнадцатая</i> , которая заканчивает, но не завершает правдивую историю об «Альбатросе»	382

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Перевод А. И. Тетеревниковой и Д. Г. Лившиц

<i>Глава первая</i> . Что происходит в округе	395
<i>Глава вторая</i> . В Моргантоне	402
<i>Глава третья</i> . Грейт-Эйри	410
<i>Глава четвертая</i> . Гонки автомобильного клуба	421
<i>Глава пятая</i> . У побережья Новой Англии	430
<i>Глава шестая</i> . Первое письмо	438
<i>Глава седьмая</i> . Третья неожиданность	444
<i>Глава восьмая</i> . Любой ценой	454
<i>Глава девятая</i> . Второе письмо	461
<i>Глава десятая</i> . Вне закона	462
<i>Глава одиннадцатая</i> . В походе	468
<i>Глава двенадцатая</i> . Бухта Блек-Рок	476
<i>Глава тринадцатая</i> . На борту «Грозного»	485
<i>Глава четырнадцатая</i> . Ниагара	492
<i>Глава пятнадцатая</i> . «Орлиное гнездо»	501
<i>Глава шестнадцатая</i> . Робур-Завоеватель	508
<i>Глава семнадцатая</i> . «Именем закона»	519
<i>Глава восемнадцатая</i> . Последнее слово остается за старой Гред	528

ФЛАГ РОДИНЫ

Перевод О. Моисеенко

<i>Глава первая</i> . Хелтфул-Хаус	533
<i>Глава вторая</i> . Граф д'Артигас	541
<i>Глава третья</i> . Двойное похищение	551
<i>Глава четвертая</i> . Шхуна «Эбба»	561
<i>Глава пятая</i> . Где я? (<i>Записки инженера Симона Харта</i>)	572
<i>Глава шестая</i> . На палубе	581
<i>Глава седьмая</i> . Два дня плавания	589
<i>Глава восьмая</i> . Бэк-Кап	599
<i>Глава девятая</i> . В глубине пещеры	609
<i>Глава десятая</i> . Кер Каррадже	618
<i>Глава одиннадцатая</i> . Прошло пять недель	628
<i>Глава двенадцатая</i> . Советы инженера Серкё	636
<i>Глава тринадцатая</i> . Плыви с Богом!..	645
<i>Глава четырнадцатая</i> . Сражение «Суорда» с подводным буксиром	651
<i>Глава пятнадцатая</i> . Ожидание	663
<i>Глава шестнадцатая</i> . Еще несколько часов	671
<i>Глава семнадцатая</i> . Один против пяти	677
<i>Глава восемнадцатая</i> . На борту «Громовержца»	687

МАТИАС ШАНДОР

*Перевод Е. Гунста, О. Моисеенко и Е. Шишмаревой**Часть первая*

<i>Глава I.</i> Почтовый голубь	695
<i>Глава II.</i> Граф Матиас Шандор	712
<i>Глава III.</i> Банк Торонत्या	722
<i>Глава IV.</i> Шифрованная записка	735
<i>Глава V.</i> Перед судом, на суде и после суда	747
<i>Глава VI.</i> Пизинская крепостная башня	761
<i>Глава VII.</i> Поток Фойбы	772
<i>Глава VIII.</i> В доме рыбака Феррато	786
<i>Глава IX.</i> Последнее усилие в последней борьбе	800

Часть вторая

<i>Глава I.</i> Пескад и Матифу	806
<i>Глава II.</i> Спуск трабаколо	816
<i>Глава III.</i> Доктор Антекирт	827
<i>Глава IV.</i> Вдова Иштвана Батори	841
<i>Глава V.</i> Различные происшествия	855
<i>Глава VI.</i> Устье Катаро	869
<i>Глава VII.</i> Осложнения	884
<i>Глава VIII.</i> Встреча на Страдоне	895

Часть третья

<i>Глава I.</i> Средиземное море	905
<i>Глава II.</i> Прошлое и настоящее	914
<i>Глава III.</i> Что происходило в Рагузе	928
<i>Глава IV.</i> В водах Мальты	940
<i>Глава V.</i> Мальта	953
<i>Глава VI.</i> В окрестностях Катании	967
<i>Глава VII.</i> «Каса Инглеза»	980

Часть четвертая

<i>Глава I.</i> Сеутская каторга	997
<i>Глава II.</i> Эксперимент доктора	1009
<i>Глава III.</i> Семнадцать раз	1027
<i>Глава IV.</i> Последняя ставка	1037
<i>Глава V.</i> На волю Божию	1051
<i>Глава VI.</i> Встреча	1061

Часть пятая

<i>Глава I.</i> Пожатие руки Матифу	1073
<i>Глава II.</i> Праздник аистов	1086
<i>Глава III.</i> Дом Сиди Хазама	1097
<i>Глава IV.</i> Остров Антекирта	1107
<i>Глава V.</i> Возмездие	1119